

ВОРОНЕЖСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

№ 7 (24). 2021

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный
университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор юридических наук
М. О. Баев
(главный редактор)

доктор юридических наук
Е. Каспшак

доктор юридических наук
В. А. Мещеряков

кандидат
юридических наук
Т. Э. Кукарникова
(ответственный секретарь)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):
Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-60396
от 29 декабря 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 5

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Абдреев Т. И. Особенности правового регулирования
оценочной деятельности в процессе осуществления
правосудия..... 6

Айзенберг Н. А., Айзенберг А. П. Возможность
использования процедуры медиации как специального
знания в уголовном процессе..... 11

Баева К. М. Теоретические проблемы злоупотребления
правам в уголовном судопроизводстве России:
общие категории и основные понятия..... 16

Белкин А. Р. Апелляция как объект формализации 22

Боков С. Н. Юридино-психологический комментарий
законопроекта № 1172610-7 «О внесении изменений
в Федеральный закон “Об оружии” и Федеральный закон
“Об основах охраны здоровья граждан в Российской
Федерации” (в целях усиления госконтроля за оборотом
оружия)» и возможности психологического обследования
граждан в связи с владением ими оружия 30

Гармаев Ю. П. Современные методы поиска экспертной
практики с использованием сети Интернет 36

Комбарова Е. Л. Тактика принятия судебных решений
в сфере уголовного судопроизводства 40

Кудрявцев Ю. С. Определение судом компетентности
эксперта при оценке экспертного заключения 49

Малахова Л. И. Процессуальные аспекты определения
сроков производства дознания 54

Попова Е. И., Дабеев Б. А. Тактика допроса эксперта
в арбитражном процессе..... 59

Саликова В. В. Особенности использования специальных
познаний в предмете доказывания по уголовным делам
о применении принудительных мер медицинского характера,
его соотношение с унифицированным кругом обстоятельств,
подлежащих установлению по каждому уголовному делу 66

Адрес редакции:
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
А. Ю. Игнатова

Дата выхода в свет
00.11.2021.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 14,6.
Уч.-изд. л. 15,2.
Тираж 300. Заказ 421

Адрес издателя:
Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Адрес типографии
Издательского дома ВГУ:
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2021
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2021

Севостьянова С. О. Фальсификация доказательств
экспертом: проблемы квалификации..... 74

Федорин В. Е. Эксперт и специалист в уголовном
судопроизводстве: процессуальные гарантии объективности
их деятельности 80

КРИМИНАЛИСТИКА

Баев М. О. Методика профессиональной защиты по делам
о занятии высшего положения в преступной иерархии 88

Богун О. Н. О некоторых видах тактических задач
предварительного расследования..... 99

Комаров И. М. Организационные аспекты первоначального
этапа расследования в ситуациях противодействия со стороны
заинтересованных участников уголовного судопроизводства 103

Комбарова Е. Л. Оценка экспертного заключения
мировым судьей..... 111

Краснова Л. Б. Проблемы расследования преступлений,
совершаемых с использованием искусственного интеллекта...121

Кудрявцев Ю. С. Типичные ошибки экспертов
при производстве почерковедческих исследований 126

Пошвин А. Л. Критерии пригодности
электрофотографических копий подписей и рукописных
записей как объектов почерковедческой экспертизы..... 133

Саньков В. И. Алгоритмизация и программирование
как перспективные направления повышения эффективности
планирования расследования преступлений 138

Скоморохов О. Н., Чернышёв С. А., Чиненов Е. В.
О возможностях использования Межкафедрального
криминалистического полигонного комплекса Бел ЮИ МВД
России имени И. Д. Путилина в подготовке сотрудников
органов внутренних дел по дисциплине «Криминалистика» ...144

Стояновский М. В. О структурообразующих элементах
и категориях следственной тактики 149

Суворова Л. А., Суворова В. В. Идентификация лица
в виртуальном пространстве 157

Хмелева А. В. Следствие в годы Великой Отечественной
войны (на основе архивных материалов) 162

Чиненов Е. В., Шукин В. И., Усова Г. М. Характеристика
личности лица, совершающего контрабанду наркотических
средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых
веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте ... 166

Требования к материалам, направляемым в редакционную
коллегию журнала для опубликования 175

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 7 (24). 2021

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences
M. O. Baev

doctor of legal sciences
E. Kaspshak
(Olsztyn, Poland)

doctor of legal sciences
V. A. Meshcheryakov

candidate of legal sciences
T. E. Kukarnikova
(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....5

CRIMINAL PROCESS

Abdreev T. I. Features of the legal regulation of valuation
in the process of administering justice 6

Eisenberg N. A., Eisenberg A. P. The possibility
of using the media procedure as special knowledge
in the criminal process..... 11

Baeva K. M. Theoretical problems of abuse of law in criminal
proceedings in Russia: general categories and basic concepts ... 16

Belkin A. R. Appeal as an object of formalization..... 22

Bokov S. N. Legal and psychological commentary of draft Law
No. 1172610-7 «On Amendments to the Federal Law
“On Weapons” and the Federal Law “On the Basics of protecting
the Health of citizens in the Russian Federation” (in order to
strengthen state control over the circulation of weapons)»
and the possibility of psychological examination of citizens
in connection with their possession of weapons 30

Garmaev Yu. P. Modern methods for finding experts practice
using the Internet..... 36

Kombarova E. L. Tactics of decision-making in the field
of criminal proceedings 40

Kudryavtsev Yu. S. Determination by the court
of the expert's competence in evaluating the expert opinion..... 49

Malakhova L. I. Procedural aspects of determining
the terms of production of inquiry 54

Popova E. I., Dabaev B. A. Tactics of questioning
an expert in the arbitration process..... 59

Salikova V. V. Features of the use of special knowledge
in the subject of evidence in criminal cases on the use
of compulsory medical measures, its relationship
with the unified range of circumstances to be established
in each criminal case..... 66

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

Sevostyanova S. O. Expert as a subject of evidence falsification: qualification issues.....	74
Fedorin V. E. Expert and specialist in criminal proceedings: procedural guarantees of objectivity of their activities	80

CRIMINALISTICS

Baev M. O. Methods of professional defense in cases of occupying the highest position in the criminal hierarchy.....	88
Bogun O. N. About some types of tactical tasks of preliminary investigation.....	99
Komarov I. M. Organizational aspects of the initial stage of investigation in situations of opposition from interested participants in criminal proceedings	103
Kombarova E. L. Assessment of an expert opinion by a magistrate	111
Krasnova L. B. Problems of investigation of crimes committed using artificial intelligence.....	121
Kudryavtsev Yu. S. Typical errors of experts in the production of handwriting research.....	126
Poshvin A. L. Criteria for the suitability of electrophotographic copies of signatures and handwritten notes as objects of handwriting expertise	132
San'kov V. I. Algorithmization and programming as promising areas for improving the efficiency of crime investigation planning.....	138
Skomorokhov O. N., Chernyshev S. A., Chinenov E. V. The possibilities of using Interdepartmental forensic field complex Bel YUI Affairs of Russia named after I. D. Putilin in the training of employees of internal Affairs bodies in the discipline «Criminalistics»	144
Stoyanovsky M. V. On the structural elements and categories of investigative tactics.....	149
Suvorova L. A., Suvorova V. V. Identification of a person in the virtual space.....	157
Khmeleva A. V. Investigation during the Great Patriotic War (based on archival materials)	162
Chinenov E. V., Shchukin V. I., Usova G. M. Characteristics of the personality of a person who commits the smuggling of narcotic drugs, psychotropic, potent, toxic substances transported by rail.....	166
The requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication	175

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги! Был большой соблазн посвятить очередной выпуск «Воронежских криминалистических чтений» 80-летию со дня рождения его основателя Олега Яковлевича Баева, тем более абсолютное большинство авторов статей, включенных в данный сборник, либо базируют свои научные выводы на ранее высказанных О. Я. Баевым позициях, либо цитируют его мнение, порой активно с ним полемизируя (чему Олег Яковлевич был бы, безусловно, рад). Однако по здравому размышлению, в преддверии предстоящей осенью международной научно-практической конференции «О. Я. Баев – жизнь в криминалистике», посвященной данному событию, было решено специальным сделать следующий выпуск нашего журнала.

Данный же выпуск «Воронежских криминалистических чтений» традиционно посвящен актуальным проблемам криминалистики и уголовного процесса, тем более, как неоднократно высказывался О. Я. Баев, рассматривать их в отрыве друг от друга «в высшей степени непродуктивно». Именно поэтому подразделение на соответствующие разделы достаточно условное. Если статьи И. М. Комарова, О. Н. Богун, М. В. Стояновского, В. И. Санькова и др. – чисто криминалистические исследования, то в работах Ю. П. Гармаева, Е. Л. Комбарово́й, В. Е. Федорина, Ю. С. Кудрявцева, А. Р. Белкина больше затронуты уголовно-процессуальные проблемы.

Не смогли обойти вниманием авторы и криминализацию новых составов преступлений, что с неизбежностью влечет необходимость не только их уголовно-правового и процессуального анализа, но и необходимость разработки криминалистических рекомендаций по их раскрытию и расследованию и, как следствие, профессиональной защиты от соответствующих обвинений.

Исключительно значимым является представительство в авторском коллективе молодых ученых и молодых исследователей, теоретиков и практиков.

Считаю необходимым поблагодарить всех, кто счел возможным предоставить свои исследования для публикации в данном сборнике, что с учетом современной тяжелой ситуации (О. Я. Баев сказал бы, цитируя Довлатова: «Обстановка – как в приемной у дантиста») является поступком, заслуживающим внимания и уважения.

А. Р. Белкин свою новую статью посвятил апелляции, традиционно предварив ее эпиграфом, в этот раз из У. Шекспира. Мне же в этой связи вспомнился «бородатый» юридический анекдот (а может быть, и не анекдот), когда один юрист, отвечая на вопрос другого «Как дела?», печально сообщает: «Как в апелляции: без изменения и без удовлетворения!». Поэтому хочется пожелать всем нам позитивных изменений (в жизни, науке, практике) и максимального (морального, эстетического, материального и, конечно, физического (будем здоровы!)) удовлетворения. А способ один – работать дальше.

*Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики*
М. О. Баев

УДК 347.1

Т. И. Абдреев

Российский государственный университет правосудия (г. Казань)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

А н н о т а ц и я: проанализированы вопросы оснований осуществления оценочной деятельности, раскрыт межотраслевой характер правового статуса оценщика, осуществляющего оценку объектов имущества на основании определения суда и выступающего в качестве эксперта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: оценочная деятельность, правовой статус оценщика, профессиональная деятельность, уровни правового регулирования.

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF VALUATION IN THE PROCESS OF ADMINISTERING JUSTICE

Abstract: the article analyzes the issues of the grounds for the implementation of valuation activities. The interdisciplinary nature of the legal status of the appraiser, assessing the objects of property rights on the basis of a court ruling and acting as an expert, is revealed.

Key words: valuation activity, legal status of an appraiser, professional activity, levels of legal regulation.

Поступила в редакцию 20 июня 2020 г.

В Российской Федерации в настоящее время 17 965 оценщиков, имеющих квалификационный аттестат, состоят в 15 саморегулируемых организациях. Все эти организации входят в Национальный совет по оценочной деятельности. Оценочная деятельность, осуществляемая оценщиком, является неотъемлемой частью экономического процесса, а также профессиональной деятельности.

Основанием для проведения оценки выступает договор. Договорное регулирование оказания оценочных услуг определяется содержанием ст. 9, 10 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ

«Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – закон об оценочной деятельности), однако легальное определение договора в нем не дается. Закон об оценочной деятельности квалифицирует названное соглашение между субъектами оценочной деятельности как разновидность договора возмездного оказания услуг, в качестве одной из сторон которого выступает заказчик, т. е. оценщик (исполнитель) обязуется по заданию заказчика провести оценку определенного имущества, а заказчик обязуется оплатить данные услуги¹. Договор на проведение оценки по своей природе является консенсуальным, взаимным, возмездным. Правовое регулирование отно-

---

© Абдреев Т. И., 2021

шений по договору об оценке имущества осуществляется главой 39 ГК РФ.

В соответствии со ст. 6 закона об оценочной деятельности «заказчиками (потребителями услуг профессиональных оценщиков) выступают Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или муниципальные образования, физические лица и юридические лица, которые имеют право на проведение оценщиком оценки любых принадлежащих им объектов оценки на основаниях и условиях, предусмотренных Федеральным законом об оценочной деятельности». Результаты проведения оценки объекта оценки могут быть использованы для корректировки данных бухгалтерского учета и отчетности.

В законе об оценочной деятельности заказчики оценки и потребители услуг оценщиков являются отождествленными понятиями, вместе с тем заказчик оценки не всегда является ее потребителем. Заказчиком, равно как и потребителем оценки, может быть любой участник оценочной деятельности, в том числе органы власти, являющиеся собственниками государственного или муниципального имущества.

В законе об оценочной деятельности закреплены две основные системы оценки в зависимости от степени обязательности ее осуществления – обязательная оценка (ст. 8 закона об оценочной деятельности) и добровольная (необязательная) оценка.

Обязательность при проведении оценки в основном диктуется мотивами соблюдения публичного (государственного, регионального или муниципального) интереса или частного интереса, при злоупотреблении отношениями при оценке стоимости объекта эти интересы могут повлечь за собой серьезные последствия для имущественных интересов. При этом в случаях обязательного прове-

дения оценки необходимо регламентировать законодательством об оценочной деятельности. Также большинство таких случаев регламентируется законами и иными правовыми актами различных уровней и правовой силы.

Обязательность проведения оценки адресована заказчику и соответственно обязанностей для другой стороны, оценщика, не устанавливает. Для него вступление в договорные отношения с заказчиком осуществляется таким же образом, как и с теми, кто заключает договор по собственному желанию.

Анализ судебной практики (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 июня 2015 г. № Ф01-1462/15 по делу № А79-1843/2014, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 января 2016 г. № Ф05-18606/15 по делу № А40-71835/2014, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 марта 2016 г. № Ф05-1583/16 по делу № А40-153418/2014, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 сентября 2016 г. № Ф05-12796/16 по делу № А40-212066/2014, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 марта 2016 г. № Ф05-2271/16 по делу № А40-206580/2014) показывает следующий механизм разрешения споров при обязательной оценке между субъектами малого и среднего предпринимательства и органами местного самоуправления по вопросу выкупа недвижимого имущества.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федера-

ции» (далее – Федеральный № 159-ФЗ) субъекты малого и среднего предпринимательства, за исключением субъектов малого и среднего предпринимательства, указанных в ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», при возмездном отчуждении арендуемого имущества из государственной собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности пользуются преимущественным правом на приобретение такого имущества по цене, равной его рыночной стоимости и определенной независимым оценщиком в порядке, установленном Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Истец, полагая, что в соответствии с нормами Федерального закона № 159-ФЗ имеет преимущественное право на приобретение в собственность арендуемого помещения, обращается к ответчику (органу местного самоуправления) с заявлением о выкупе арендуемого имущества.

При заключении договора купли-продажи недвижимости между сторонами возникают разногласия по цене выкупа, в связи с чем истец, полагая, что цена, указанная в проекте договора, является завышенной, обращается в суд для установления цены договора.

В соответствии со ст. 446 ГК РФ в случае разногласий, возникших при заключении договора, условия договора, по которым у сторон имелись разногласия, определяются в соответствии с решением суда. В силу ст. 12 закона об оценочной деятельности «итоговая величина рыночной или иной стоимости объекта оценки, указанная в отчете, признается достоверной и рекомендуемой для целей совершения сделки с объектом оценки, если в порядке, установленном законода-

тельством Российской Федерации, или в судебном порядке не установлено иное»².

Следующая процессуальная необходимость – предоставление отчета оценщика – закреплена в п. 4 и 5 ч. 2 ст. 246 и п. 2 ч. 1 ст. 248 КАС РФ, в случае подачи заявления об установлении в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости.

В 2019 г. в судах инициировано 22 373 спора о величине, внесенной в государственный кадастр недвижимости кадастровой стоимости в отношении 40 542 объектов недвижимости. За указанный период по состоянию на 31 декабря 2019 г. рассмотрено 13 242 иска (24 218 объектов недвижимости): требования истцов удовлетворены в отношении 12 674 исков (23 109 объектов недвижимости), не удовлетворены в отношении 568 исков (1109 объектов недвижимости)³.

Суд, исследуя отчет об оценке объекта недвижимости, проверяет его на соответствие законодательству об оценочной деятельности, в том числе федеральным стандартам оценки, выясняет соответствие оценщика, составившего отчет о рыночной стоимости, требованиям законодательства об оценочной деятельности. При этом отсутствие в отчете сведений об обязательном страховании гражданской ответственности оценщика и непредставление иных доказательств, подтверждающих такие обстоятельства, свидетельствует о том, что данное лицо не является субъектом оценочной деятельности, а составленный им отчет не может рассматриваться как допустимое доказательство (ст. 60 ГПК РФ, ст. 61 КАС РФ)⁴.

Следующим основанием проведения оценки может выступать определение суда, арбитражного суда, третейского суда, а также по решению уполномоченного органа. При этом в рамках гражданского, арбитражного, административного

и уголовного процессуального законодательства, при проведении оценки рыночной или иной стоимости, оценщик выступает в качестве эксперта (ст. 55 АПК РФ, 204 УПК РФ и т. д.), на которого распространяются требования не только законодательства об оценочной деятельности, но и процессуального законодательства, а также требования Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Необходимо отметить, что судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. **Запрет на осуществление оценщиком членом саморегулируемой организаций оценщиков, обладающими специальными знаниями, иной профессиональной деятельности, в том числе экспертной, законодательством об оценочной деятельности, не установлен.**

Судом в определении о назначении экспертизы указываются в том числе основания для назначения экспертизы; вопросы, поставленные перед экспертом-оценщиком; материалы и документы, предоставляемые в распоряжение эксперта-оценщика.

По результатам произведенной экспертизы, по нашему мнению, оценщик должен приложить заверенные копии документов, подтверждающие его правовой статус оценщика, например сведения о профессиональной подготовке, страхования своей профессиональной ответственности, а также членство в саморегулируемой организации оценщиков.

В соответствии со ст. 24.3 закона об оценочной деятельности «контроль саморегулируемой организации оценщиков за осуществлением оценочной дея-

тельности распространяется на соблюдение членами требований Федерального закона об оценочной деятельности, федеральных стандартов оценки, стандартов и правил саморегулируемой организации оценщиков и других нормативных правовых актов Российской Федерации».

Таким образом, отсутствует законодательное закрепление возможности распространения положений упомянутой выше статьи закона об оценочной деятельности на проверку заключения, составленного экспертом-оценщиком в рамках процессуального законодательства, однако саморегулируемые организации оценщиков в рамках положений вышеуказанной статьи закона об оценочной деятельности могут осуществлять проверку отчета об оценке, в том числе составленного в рамках гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства⁵.

Правовое положение оценщика в рамках процессуального законодательства, описано в том числе в разъяснительных письмах Минэкономразвития от 19 июля 2010 г. № Д06-2301, Росреестра от 13 августа 2015 г. № 07-05425/15 и в письме Минэкономразвития России от 19 января 2016 г. № Д22и-34.

Таким образом, особенностью правового положения эксперта-оценщика выступает правовой комплекс как инструмент межотраслевого регулирования.

В отдельном рассмотрении требуется раскрытие прав и обязанностей эксперта саморегулируемой организации оценщиков. В соответствии со ст. 16.2 закона об оценочной деятельности «экспертом саморегулируемой организации оценщиков, то есть членом экспертного совета саморегулируемой организации оценщиков, является лицо, сдавшее квалификационный экзамен в области оценочной деятельности и избранное в состав экспертного совета саморегулируемой ор-

ганизации оценщиков общим собранием членов саморегулируемой организации оценщиков. Экспертом формируется мнение в отношении отчета, выполненного оценщиком, и выносится положительное или отрицательное экспертное заключение, при этом экспертиза отчета может проводиться экспертом только по направлению, указанному в квалификационном аттестате и соответствующему объекту оценки».

Положительное заключение по экспертизе отчета оценщика, проводимое экспертом саморегулируемой организации, являлось обязательным условием в рамках проведенной оценщиком кадастровой оценки и свидетельствовало о выполнении оценочной организацией своих обязательств в рамках государственного контракта по проведению кадастровой оценки.

¹ См.: Об оценочной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3813.

² Абдреев Т. И. Гражданско-правовое положение оценщика в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 201 с.

³ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: <https://rosreestr.ru>

⁴ См.: О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Абдреев Т. И. Гражданско-правовое положение оценщика в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 29 с.

*Российский государственный университет
правосудия (г. Казань)*

Абдреев Т. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин

E-mail: kasan2003@mail.ru

*Russian State University
of Justice (Kazan)*

Abdreev T. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines

E-mail: kasan2003@mail.ru

Н. А. Айзенберг

Воронежский юридический техникум

А. П. Айзенберг

Прокуратура Воронежской области

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ КАК СПЕЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А н н о т а ц и я: авторы в своей работе рассматривают возможность использования процедуры медиации как специального знания в уголовном процессе, вопрос о позитивности использования указанной процедуры в уголовном процессе. Российское уголовно-процессуальное законодательство содержит потенциал для развития примирительных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов. В качестве посредника примирительных процедур вправе выступать именно профессионал – медиатор.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, медиация, процедура медиации, примирение сторон.

THE POSSIBILITY OF USING THE MEDIA PROCEDURE AS SPECIAL KNOWLEDGE IN THE CRIMINAL PROCESS

A b s t r a c t: the authors in their work consider the possibility of using the mediation procedure as special knowledge in the criminal process. The article discusses the positivity of using this procedure in criminal proceedings. Russian criminal procedural legislation contains the potential for the development of conciliatory forms of resolving criminal law conflicts. The professional mediator has the right to act as an intermediary of conciliation procedures.

Key words: criminal process, mediation, mediation procedure, reconciliation of the parties.

Поступила в редакцию 25 июня 2021 г.

В целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений разработан Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования спо-

ров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации)¹.

Согласно ст. 2 указанного Закона процедура медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, а медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора.

На основании ст. 15 Закона о медиации осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут

© Айзенберг Н. А., Айзенберг А. П., 2021

лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не определяет правовой статус медиатора в качестве участника уголовного судопроизводства, что требует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Некоторые юристы полагают, что применение медиации в уголовном процессе невозможно. Однако данная точка зрения является ошибочной.

Границы использования медиации расширяются во всех отраслях права, и, на наш взгляд, тенденция развития законодательства Российской Федерации позволяет использовать данный институт в сфере уголовного процесса.

А. А. Арутюнян в своей диссертационной работе на соискание ученой степени кандидата юридических наук подчеркивает, что «современное российское уголовное судопроизводство находится в процессе поиска оптимального соотношения между традиционной процессуальной формой и новыми институтами. Для отечественного уголовного процесса характерны тенденции к дифференциации процессуальной формы, выделению упрощенных производств, позволяющих ускорить производство по определенным делам, к увеличению диспозитивности в рамках уголовного процесса, т. е. к расширению возможностей участников процесса влиять на его ход и результат. Указанные тенденции могут быть реализованы в том числе посредством механизмов восстановительной юстиции, в частности, за счет использования процедуры медиации для разрешения уголовно-правовых конфликтов»².

На основании ч. 4 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства.

Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации определяют возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон.

Так, согласно ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.

В соответствии со ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

В этой связи возможность применения в уголовном процессе процедуры медиации имеется, где ее стоит рассматривать как помощь профессионала (медиатора) в поиске способов примирения с потерпевшим и заглаживания вреда.

Как пишут в своих научных статьях отдельные юристы (В. Ю. Мельников³,

А. Б. Баумштейн⁴ и т. д.), процедуру медиации можно применить только в отдельных категориях дел. По нашему мнению, это не совсем верно.

На основании ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные Уголовным кодексом, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления.

Преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы.

Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы.

Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пятнадцати лет лишения свободы.

Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

В силу ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с примирением сторон может быть прекращено только уголовное дело небольшой или средней тяжести, но данное обстоятельство не исключает возможности примирения с потерпевшим по другим категориям дел.

При этом некоторые уголовные дела, возбужденные, к примеру, по ст. 222, 291.2 и др. Уголовного кодекса Российской Федерации, относятся к категории небольшой или средней тяжести. Однако их прекращение связи с примирением сторон не представляется.

В этой связи возможность применения процедуры медиации от категории уголовных дел не зависит, основным критерием ее осуществления в уголовном процессе является непосредственное наличие потерпевшего.

Более того, примирение сторон в уголовном судопроизводстве, безусловно, является обстоятельством, смягчающим наказание, которое суд при вынесении соответствующего решения обязан учитывать в силу п. «к» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На основании ч. 1 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации при наличии вышеназванного смягчающего обстоятельства и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Некоторые юристы считают, что в качестве медиатора может выступать защитник⁵, но это не совсем верно, поскольку в силу ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации он выполняет иную функцию в уголовном процессе.

Российское уголовно-процессуальное законодательство содержит потенциал для развития примирительных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Указанный институт мог бы дать участникам уголовного производства при помощи профессионала найти наиболее

правильные пути и способы примирения с потерпевшим.

При рассмотрении вопросов, касающихся исполнения приговора в порядке ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, отсутствие у потерпевшего претензий к осужденному является одним из обстоятельств в силу ст. 79, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации для вынесения судом решения об условно-досрочном освобождении от наказания или замене неотбытой части более мягким видом наказания.

Следует отметить, что на основании ст. 15 Закона о медиации медиаторами не могут быть лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы.

В соответствии с Законом о медиации процедура медиации проходит добровольно, конфиденциально, в условиях сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора.

Согласно Закону о медиации при достижении согласия по существу спора между сторонами заключается медиативное соглашение.

Медиативное соглашение заключается в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения.

Медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон.

Согласно ст. 12 Закона о медиации Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда, может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным.

Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа. Кроме того, медиативное соглашение является доказательством примирения между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым).

В заключение хочется отметить, что медиация – это отличный способ урегулирования конфликта в любой сфере, в том числе уголовного процесса.

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23.07.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

² Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

³ См.: Мельников В. Ю. Медиация в уголовном процессе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 07.04.2020).

⁴ Баумштейн А. Б. О возможности применения процедуры медиации в уголовном процессе // Перспективы развития института медиации в России : тезисы доклада на Межрегиональной науч.-практ. конф. Тула, 2019.

⁵ См.: Вайнерман Ф. В. Правовые проблемы соотношения и реализации статуса адвоката и медиатора // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-sootnosheniya-i-realizatsii-statusa-advokata-i-mediatora> (дата обращения: 08.04.2020) ; Семеняко М. Е. О совмещении деятельности адвоката и медиатора // Адвокатская палата Тамбовской области.

Воронежский юридический техникум

Айзенберг Н. А., медиатор,
преподаватель уголовного процесса

E-mail: natalieisenberg@mail.ru
Тел.: 8-908-132-12-52

Прокуратура Воронежской области

Айзенберг А. П., советник юстиции

E-mail: eisen8@mail.ru

Voronezh Law College

Eisenberg N. A., Mediator,
Teacher of Criminal Procedure

E-mail: natalieisenberg@mail.ru
Tel.: 8-908-132-12-52

Prosecutor's Office of the Voronezh Region

Eisenberg A. P., Counselor of Justice

E-mail: eisen8@mail.ru

К. М. Баева

Воронежский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ОБЩИЕ КАТЕГОРИИ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Аннотация: анализируется правовая природа феномена «злоупотребление правом», поднимается вопрос о теоретических основах злоупотребления, о том, законно ли злоупотреблять предоставленными законом правами или нет, злоупотребление правом анализируется в его связи с другими юридическими науками, рассматривается вопрос о необходимости внесения изменений в действующий УПК РФ.

Ключевые слова: злоупотребление правом, уголовное судопроизводство, признаки злоупотребления правом.

THEORETICAL PROBLEMS OF ABUSE OF LAW IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: GENERAL CATEGORIES AND BASIC CONCEPTS

Abstract: the article analyzes the legal nature of the phenomenon of «abuse of law», raises the question of the theoretical foundations of abuse, whether it is legal to abuse the rights provided by law or not, the abuse of the right is analyzed in its connection with other legal sciences, the issue of the need to amend the current law is considered.

Key words: abuse of rights, criminal process, signs of abuse.

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.

Вся процессуальная деятельность осуществляется в рамках системы взаимодействий профессиональных и непрофессиональных участников процесса, которые, в свою очередь, наделены определенным объемом прав и обязанностей. Лица, обладающие правами, свободны в выборе форм их реализации.

Все уголовное судопроизводство направлено на оптимизацию реализации своего назначения. Так, в соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и

необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Нельзя не обратить внимания на то, что в уголовном и уголовно-процессуальном законе зачастую используются оценочные категории и понятия, а значительная часть правовых решений принимается на основании усмотрения. Многие процессуальные нормы, регулирующие порядок уголовного судопроизводства, недоста-

точно унифицированы, а в ряде случаев просто противоречивы, значительная часть их содержит оценочные понятия. Каждое уголовное дело, каждое уголовное преследование в нем – процесс сугубо индивидуальный, в каждом деле невозможно обойтись без принятия решений на основе субъективного усмотрения.

Представляется совершенно очевидным, что пробелы в законе, недостаточная определенность и многозначность отдельных правовых норм, допускающих выбор поведения, а также, как правило, отсутствие в законе указаний на то, как следует их понимать, существенно осложняют процесс реализации права. Наличие усмотрения снижает стабильность и единообразие практики применения уголовно-процессуального законодательства. Поэтому везде, где существует возможность свободного распоряжения своими правами, также существует возможность и опасность злоупотребления ими.

Таким образом, в связи с тем, что в уголовно-процессуальном кодексе нет легального определения понятия «злоупотребление правом», в настоящее время имеется насущная потребность в комплексной разработке вопроса о том, что же можно считать злоупотреблением правом, необходимо ли ввести легальное определение данного феномена в УПК РФ, а также в выявлении, является ли данная деятельность законной или же, напротив, злоупотребление правом – это незаконная деятельность. Попытка создания и исследования основ теории и практики злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве была предпринята в данной работе, что и определяет, на наш взгляд, ее повышенную актуальность.

Проблема применения в речи понятий «злоупотребление» и «злоупотребление правом» основана на различных смысловых значениях, которые проявляются в за-

висимости от сферы взаимодействия субъектов в международно-правовых, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и гражданско-правовых отношениях.

Международно-правовые акты, обеспечивающие защиту прав человека в уголовном судопроизводстве от незаконного и необоснованного воздействия, раскрывают понятие «злоупотребление правом» через дефиницию термина «жертвы злоупотребления властью» в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью¹. Это деяния, причинившие вред различной природы – телесные повреждения, существенное ущемление основных прав человека, моральный, психический, материальный ущерб, но «еще не представляющие собой нарушения международно признанных норм, касающихся прав человека».

В уголовно-процессуальном кодексе нет легального определения понятия «злоупотребление правом». В общем виде недопустимость злоупотребления правом установлена в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ², согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Развитие юридической науки, обусловленное необходимостью объяснить и оформить социальные феномены правозащитной деятельности, порождает вполне закономерные процессы интеграции таких отраслей знания, как уголовный процесс, уголовное право, юридическая психология и другие, в частности, общей теории права, гражданского права и гражданского процесса. Роль интеграции научных знаний проявляется не только в том, что она способствует формированию новых научных дисциплин на стыках известных отраслей знания³. Так, по мнению Т. В. Аверьяновой, основными формами интеграции научного знания являются

перенос идей и представлений из одной области знаний в другую; использование понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств других областей науки; формирование комплексных проблем и направлений исследований; сближение, усиление взаимосвязи и взаимодействия наук, различающихся своими предметными областями; сближение наук различных типов – фундаментальных и прикладных, эмпирических и теоретических, высокоформализованных и описательных и т. д.; универсализация средств языка науки; усиление интегративной роли философии⁴.

Некоторые процессуальные аспекты уголовного и гражданского судопроизводства, например, состязательность сторон, их равноправие перед судом, распространение действия принципа диспозитивности в уголовном процессе, могут ввести в заблуждение относительно допустимости использования некоторых терминов и возможности создания универсальной формы социального поведения процессуальных субъектов.

Исходя из утверждения о единстве процесса как родового понятия, ученые-процессуалисты утверждают, что наука судебного права может оперировать общей терминологией, но обращают внимание на специфичность правовой регламентации, обусловленную предметом правового регулирования и процессуальным статусом субъектов уголовно-процессуальных отношений⁵.

Правовые последствия некорректного применения форм интеграции научного знания могут проявиться не только в теории, но и в правотворческой и правоприменительной практике. Так, А. А. Малиновский отмечает, что «при искаженном понимании сущности злоупотребления субъективным правом законодатель может ошибочно включить в действующее законодательство конкретную санк-

цию, посчитав определенный способ осуществления права правонарушением, либо, наоборот, необоснованно отказать от любых мер юридической ответственности в отношении лица, вредносно осуществляющего свое субъективное право. В первом случае юридически гарантированная свобода субъекта неоправданно сужается. Во втором случае для управомоченного лица сохраняется возможность правомерно, а следовательно, безнаказанно злоупотреблять своим правом»⁶.

Теория злоупотребления правом была сформулирована на опыте гражданско-правовых норм. В уголовно-процессуальном законе нет нормы, аналогичной ст. 10 ГК РФ⁷, которая закрепляет положение о том, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). То есть под злоупотреблением правом понимается состоящее в использовании своего субъективного права, данного в силу закона или договора с целью причинить вред другому лицу либо с иной целью. Такая форма злоупотребления правом обозначается термином «шикана». Суть ее состоит в том, что осуществление такого права наносит вред другим лицам, а преследует ли данную цель обладатель права, второстепенно. Конкретные формы злоупотребления правом разнообразны, но их можно разделить на два вида:

1) злоупотребление правом, совершенное в форме действия, осуществленного исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана);

2) злоупотребление правом, совершенное без намерения причинить вред, но объективно причиняющее вред другому лицу.

Вопрос о законности данной деятельности в науке является дискуссионным. Так, например, О. А. Поротикова считает, что в модели правоотношений, при которой право лица есть еще и его обязанность, должна быть абсолютно исключена возможность говорить о злоупотреблении правом как специфическом юридическом феномене⁸.

Противоположную точку зрения высказывает профессор В. П. Грибанов, формулируя определение понятия «злоупотребление гражданскими правами» следующим образом: «Злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»⁹.

А. А. Агарков придерживается мнения, согласно которому «действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле совершены за пределами права»¹⁰. То есть лицо, действия которого выходят за пределы содержания субъективного права, должно считаться действующим противоправно, а не злоупотребляющим своим правом.

Признание злоупотребления правом в качестве гражданского правонарушения основывается на том, что критерием оценки правомерности или неправомерности поведения субъектов при отсутствии конкретных норм могут служить нормы, закрепляющие общие принципы. Допуская аналогию права, законодатель в п. 2 ст. 6 ГК РФ указал, что гражданские права и обязанности могут возникать из действий граждан и организаций, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. Как видно, законодатель предписывает использовать в

качестве критерия признания поведения субъектов юридически значимым – правомерным или неправомерным – общие начала и смысл гражданского законодательства, которые являются не чем иным, как принципами гражданского права.

Таким образом, основными признаками злоупотребления гражданскими правами можно назвать:

- 1) наличие у нарушителя скрытой, незаконной цели (т. е. действие с субъективной стороны характеризуется как умышленное, намеренное, эгоистичное);
- 2) недобросовестное использование в качестве средства для достижения незаконной цели той или иной нормы гражданского права, что придает деянию формальную легальность¹¹.

В свою очередь, А. А. Малиновский полагает, что «для того чтобы выяснить, является ли конкретное деяние злоупотреблением субъективным правом, необходимо осуществить анализ правовой ситуации, обратив внимание на следующие вопросы:

- 1) обладает ли субъект конкретным правом?
- 2) какие конкретно действия совершил субъект по осуществлению своего права?
- 3) осуществлено ли субъективное право в противоречии с его назначением?
- 4) был ли причинен вред личности, обществу, государству в результате осуществления права?

При положительном ответе на все вышеперечисленные вопросы есть основание полагать, что субъект злоупотребил своим правом»¹².

Эта позиция разделяется и многими другими авторами. К примеру, также считает О. И. Даровских, определяя злоупотребление правом как деятельность участника уголовного правоотношения, обладающего процессуальными правами, осуществляемую в процессе правомерной

реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющую либо способную причинить вред или иные негативные последствия другим участникам процесса, обществу, государству¹³.

При характеристике злоупотребления правом, определении его сущности в теории часто используют термин «недобросовестность». Поэтому для определения сущности злоупотребления правом следует также выяснить правовую природу недобросовестности, прежде всего, добросовестного поведения как антипода недобросовестности. В гражданском праве определение добросовестности имеет законодательное закрепление. Так, п. 1 ст. 302 ГК РФ закрепляет положение о том, что если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда оно было утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выпало из их владения иным путем помимо их воли. Как видно, добросовестность приобретателя связывается законом с незнанием им факта, имеющего юридическое значение, знание которого сделало бы его приобретение неправомерным. В общем виде применительно к любой отрасли права презумпцию добросовестности можно охарактеризовать как состояние, при котором поведение любого субъекта правоотношений считается добросовестным, пока в установленном законом порядке не будет доказано иное.

Добросовестность включает в себя два аспекта: юридический (основывается на предположении о том, что лицо, совершившее действие, не знало и не

могло знать о его недопустимости с точки зрения закона, если в установленном законом порядке не доказано иное) и морально-этический аспект, который предполагает действия «на совесть», т. е. при которых используются все законные средства и методы, необходимые и достаточные для скорейшего достижения желаемого результата¹⁴. Недобросовестность является антиподом добросовестности, которая предполагает, что недобросовестным будет тот субъект, который, совершая действие, знал и мог знать о его недопустимости, о нарушении нормы закона. Понятия «недобросовестность» и «злоупотребление» – это понятия смежные, но нетождественные. Наличие у профессионального или непрофессионального участника процесса права предполагает возможность его недобросовестного использования посредством злоупотребления предоставленным субъективным правом.

В Уголовно-процессуальном кодексе, в отличие от Гражданского кодекса, не содержится определение понятия «злоупотребление правом». В ГК РФ под злоупотреблением правом понимается состоящее в использовании своего субъективного права, данного в силу закона или договора с целью причинить вред другому лицу либо иной целью. Вопрос о том, законна ли данная деятельность или нет, в науке является дискуссионным.

Таким образом, считаем, что злоупотребление правом относится к тем явлениям, которые характерны для различных отраслей права. Недопустимость злоупотребления правом установлена в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая закрепляет, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Конституционный Суд РФ относит требование «недопустимости злоупотребления правом» к числу общеправовых и считает

«добросовестное пользование процессуальными правами важнейшим условием реализации конституционных принципов судопроизводства, осуществляемого на основе состязательности и равноправия сторон»¹⁵.

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью : принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=195> (дата обращения: 01.03.2015).

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ См.: *Баева Н. А.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве // Общество, право, правосудие : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2010. С. 201.

⁴ См.: *Аверьянова Т. В.* Интеграция и дифференциация научных знаний какистики и основы новых методов судебной экспертизы. М., 1994. С. 9.

⁵ См.: *Хатуаева В. В.* Реализация диспозитивного начала при регламентации упрощенных форм уголовного судопроизводства. Воронеж, 2005. С. 23.

⁶ *Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 4.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2014).

⁸ См.: *Поротикова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М., 2007. С. 132.

⁹ *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 53.

¹⁰ *Агарков А. А.* Теория государства и права : учебник. М., 1996. С. 231.

¹¹ См.: *Баева Н. А.* Злоупотребление полномочиями адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2011. № 13. С. 51.

¹² *Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. С. 28.

¹³ См.: *Даровских О. И.* Классификация злоупотребления правами в уголовном судопроизводстве // Проблемы права. 2013. № 1. С. 153.

¹⁴ См.: *Рябцева Е. В.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М., 2014. С. 39.

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 213.1 ГПК РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 269-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2. С. 10.

Воронежский государственный университет

Баева К. М., преподаватель кафедры
уголовного процесса

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru
Тел.: 8-919-246-97-21

Voronezh State University

Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process
Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru
Tel.: 8-919-246-97-21

А. Р. Белкин

Российский технологический университет

АПЕЛЛЯЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ФОРМАЛИЗАЦИИ

Аннотация: статья анализирует изменения, коснувшиеся апелляционного производства с 2013 г., и предлагает целый ряд системных поправок к статьям 389¹–389³ УПК РФ, регулирующих порядок подачи жалоб/представлений и возбуждения апелляционного производства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, апелляционная жалоба, суды апелляционной инстанции.

APPEAL AS AN OBJECT OF FORMALIZATION

Abstract: the article analyzes the changes that have affected the appeal proceedings since 2013 and proposes a number of systemic amendments to Articles 389¹–389³ of Russian Criminal Procedural Code, regulating the procedure for appeals submitting and appeal proceedings initiating.

Key words: criminal proceedings, appeal, courts of appeal.

Поступила в редакцию 13 июля 2021 г.

Мы подавали королю прошения
С перечисленьем наших недовольств,
Но нам не отвечали на запросы.
Разбором жалоб занимались те,
Кого мы в этих списках обвиняли.

Уильям Шекспир¹

Значительные изменения, коснувшиеся апелляционного, кассационного и надзорного производства с 1 января 2013 г., и последующие серьезные поправки, внесенные Федеральным законом от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ, заставляют обратить особое внимание на то, каким образом УПК РФ регулирует теперь пересмотр судебных решений – как не вступивших, так и вступивших в законную силу.

Апелляционное производство в современном его понимании – это важнейший институт, включающий как осуществление судом апелляционной инстанции

функции судебного контроля за правосудностью решения суда первой инстанции с возможностью отмены данного решения, так и осуществление повторного рассмотрения дела, с непосредственным исследованием доказательств и вынесением собственного решения².

Данный правовой институт, заметно отличающийся от кассационного и надзорного производства, служит дополнительной гарантией справедливости судебного разбирательства, предполагает возможность повторного непосредственного исследования доказательств вышестоящим судом с принятием нового решения по существу пересматриваемого уголовного дела, в том числе и ухудшающего

© Белкин А. Р., 2021

положение осужденного и оправданного, и тем самым способствует эффективному и своевременному устранению судебных ошибок.

Однако, несмотря на активную деятельность законодателя по совершенствованию данного института, налицо все еще не решенные проблемы в теории, нормативно-правовом регулировании и правоприменительной практике.

Отметим вновь, что вся история изменений, вносимых в УПК РФ, изобилует примерами внесения странных, бессистемных и даже алогичных поправок, в дальнейшем, в свою очередь, исправляемых путем внесения «поправок на поправки» и т. д. *ad infinitum*. К сожалению, приходится констатировать, что не свободны от подобного и вновь введенные в УПК главы 45¹, 47¹ и 48¹.

Новая схема пересмотра решений, не вступивших в законную силу, разрешает лишь апелляционный их пересмотр, устраняя имевшиеся ранее разночтения, когда решение мирового судьи могло быть обжаловано в апелляционном порядке, а решение федерального судьи (суда) более высокого уровня – в кассационном. Подобное нововведение следует только приветствовать, тем более что апелляционный пересмотр оставляет значительно больше возможностей для исправления имевших место ошибок суда первой инстанции. Однако конкретная реализация новелл УПК РФ, увы, далека от совершенства³.

Уже первая из статей рассматриваемой главы 45¹ УПК РФ – ст. 389¹ – вызывает недоумение. Начнем с того, что обжаловать в апелляционном порядке можно и судебные решения, принятые в ходе досудебного производства (решение о заключении под стражу и т. п.) – из этого вытекает, что правом апелляционного обжалования надо бы наделить и подозреваемого, обвиняемого, защитника

(это может быть, кстати, и совсем другой защитник, не тот, который указан как защитник осужденного или оправданного), и иных участников (поручителя, залогодателя и т. п.). Мы полагаем, что уж обвиняемый и подозреваемый никак не могут быть отнесены к *иным лицам* – их надо упомянуть явно. То же относится и к подсудимому (в частности, при обжаловании им решения о продлении срока содержания под стражей, вынесенного в ходе продолжающегося судебного разбирательства)⁴.

Допуская возможное поддержание в суде ходатайства о заключении под стражу не только прокурором, но и следователем, дознавателем, имеет смысл задаться и вопросом о субъекте, имеющем право апелляционного обжалования постановления суда. В ст. 108 УПК этот вопрос никак не урегулирован, а ст. 127 отсылает к соответствующим разделам УПК. Однако в ч. 1 ст. 389¹ среди субъектов обжалования названы только государственный обвинитель и вышестоящий прокурор. Ни следователь, ни дознаватель, ни руководитель следственного органа, ни начальник органа (подразделения) дознания не упомянуты, отнести их к иным лицам тоже никак нельзя – значит ли это, что при несогласии с постановлением суда об отказе в заключении под стражу тот же следователь, поддерживавший и обосновывавший ходатайство в суде, обжаловать это постановление не может? Как ни странно, похоже, *de lege lata* это именно так. Нам представляется, что над этим стоит задуматься.

Профессор В. В. Вандышев подверг критике предоставление в ч. 1 той же статьи УПК права обжалования вышестоящему прокурору, ибо «оно противоречит требованию непосредственного исследования доказательств (ст. 240 УПК) <...> лишает внутреннего убеждения государственного обвинителя в оценке до-

казательств (ст. 17 УПК)»⁵. С этим трудно согласиться, зато бесспорно другое его замечание в той же работе – о том, что «совершенно неоправданно в законе ликвидировано указание на лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Ссылка на то, что право обжалования принадлежит *иным лицам...*, не может служить оправданием указанного недостатка, поскольку неопределенность любого закона влечет за собой необъятность судебного усмотрения».

Обратим внимание на то, что п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» в числе субъектов апелляционного обжалования упоминает и обвиняемого (подозреваемого, подсудимого), и лицо, в отношении которого ведется (велось) производство о применении принудительной меры медицинского характера; а вот следователя и руководителя следственного органа не называет⁶.

Кроме того, использование законодателем в ч. 1 данной статьи запятых вместо точек с запятой может навести на странную мысль, что обвинитель и прокурор тоже имеют законных представителей и представителей.

Часть 2 ст. 389¹ упоминает законного представителя гражданского ответчика, что противоречит положениям ст. 54 и 55 УПК РФ⁷. В целях придания ст. 389¹ единого порядка перечисления ч. 2 предлагается исключить, перенеся упоминание о гражданском истце и ответчике в ч. 1. С учетом сказанного предложим уточненную редакцию ст. 389¹ УПК РФ:

Статья 389¹. Право апелляционного обжалования

Судебные решения могут быть обжалованы в апелляционном порядке:

1) подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, оправданным;

2) лицом, уголовное преследование в отношении которого прекращено;

3) лицом, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера;

4) лицом, в отношении которого принято решение о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора;

5) защитниками (адвокатами) и/или законными представителями всех вышеуказанных лиц;

6) государственным обвинителем, прокурором и/или вышестоящим прокурором;

7) частным обвинителем, потерпевшим, их законными представителями и/или представителями;

8) гражданским истцом, его представителем и/или законным представителем (в части, касающейся гражданского иска); гражданским ответчиком и/или его представителем (в части, касающейся гражданского иска);

9) иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

Говоря о ст. 389² УПК, имеет смысл сразу отметить неудачность формулировки ее ч. 1. Действительно, она упоминает только судебные решения, не вступившие в законную силу. Однако в апелляционном порядке могут быть обжалованы и промежуточные решения суда, а равно и решения, принятые в ходе досудебного производства, – подобные решения вступают в законную силу немедленно с момента их провозглашения. Упоминание сторон в ч. 1 просто излишне, ибо ст. 389¹ УПК предоставляет право обжалования не только сторонам.

Формулировка ч. 2 той же статьи выглядит несколько двусмысленной и оставляет нерешенным вопрос, можно ли после

вынесения итогового решения суда обжаловать подобные промежуточные решения, не обжалуя само итоговое решение. *De lege lata* получается, что нельзя, но почему? В то же время не вполне понятно, с какой целью может подаваться подобная жалоба. Конечно, можно предположить, что в дальнейшем итоговое решение будет обжаловано в кассационную инстанцию, а решение апелляционного суда по промежуточному решению суда первой инстанции будет иметь какое-то значение; но это не выглядит убедительно.

Однако в ч. 2 имеет смысл уточнить, что речь идет именно о промежуточных судебных решениях. Кроме того, здесь же имеет смысл упомянуть и отводы⁸. Однако вопрос об обжаловании судебных решений, касающихся отводов, далеко не однозначен.

Согласно позиции КС РФ, изложенной в Постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П, помимо решений, названных в ч. 3 данной статьи, «досрочному» обжалованию подлежит и решение об отклонении отвода, заявленного судьей⁹. Но тогда по логике вещей следует добавить и решения об удовлетворении отвода судьей, а также решения об отводе других участников процесса. Неудачность такого подхода хорошо иллюстрирует следующий пример из практики¹⁰.

Для оценки заключения эксперта прокурор пригласил специалиста, однако адвокат-защитник заявил специалисту отвод, мотивируя его возможной служебной зависимостью специалиста – сотрудника ведомственного учреждения. Несмотря на возражения прокурора, суд отвод специалиста удовлетворил, пригласив вместо него независимого специалиста; однако подготовленное этим последним письменное заключение практически не отличалось от заключения, подготовленного первым специалистом в предварительном порядке и находивше-

гося в распоряжении прокурора. Таким образом, отвод специалиста не повлиял на последующее судебное разбирательство. Прокурор опротестовал итоговое судебное решение (обвинительный приговор) за мягкостью, но решение об отводе опротестовано при этом не было.

Часть 3 изложена слишком громоздко и нуждается в стилистической переработке. Кроме того, внимательный анализ этой части позволяет увидеть, что возможность апелляционного обжалования решения об изменении подсудности может создать коллизию со ст. 36 УПК, возбраняющей любые споры о подсудности. Полагаем, что этот важный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения, здесь же просто подчеркнем его важность.

Но отдельного внимания заслуживает и вопрос, возможно ли апелляционное обжалование решения суда о возврате дела прокурору. Выглядит достаточно очевидным, что решение о возврате уголовного дела ввиду неустранимых дефектов обвинительного заключения, невручения его обвиняемому и иных оснований, указанных в ч. 1 ст. 237 УПК, технически обжаловать никак нельзя¹¹. Если же речь идет о возвращении уголовного дела в связи с необходимостью переквалификации обвинения или в связи с наступлением новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, то связь эта выявлена судом первой инстанции в ходе рассмотрения дела по существу, причем рассмотрение дела по существу еще не закончено, итоговое решение не вынесено, так что вмешательство суда апелляционной инстанции недопустимо – оно было бы грубейшим нарушением принципа независимости суда. То же может быть сказано и о возврате дела прокурору в связи с нарушением условий досудебного соглашения или сокращенного дознания. Наконец, ранее рассматривался вопрос о возвраще-

нии дела прокурору в связи с невозможностью произвести какие-либо необходимые действия в судебном заседании¹² – и в этом случае эта невозможность установлена самим судом первой инстанции, так что апелляционный суд до вынесения судом первой инстанции итогового решения по делу не вправе даже рассмотреть вопрос о том, необходимы ли были эти действия, поскольку тем самым независимость суда первой инстанции оказалась бы недопустимо ущемлена.

Итак, промежуточное решение суда первой инстанции о возвращении дела прокурору, если и может быть вообще обжаловано в апелляционном порядке, то не ранее, чем вместе с итоговым решением по делу; так что упоминание о нем следует перенести в ч. 2 ст. 389² УПК.

Однако, перечисляя в ст. 389² УПК порядок обжалования тех или иных судебных решений, имело бы смысл упомянуть и те решения, которые в принципе не могут быть обжалованы в апелляционном порядке, – таковы, например, решение о назначении судебного заседания (ч. 7 ст. 236 УПК РФ), об отводах кандидатов в присяжные заседатели (ст. 328 УПК), о замене присяжного заседателя (ст. 329 УПК), роспуске коллегии присяжных заседателей в связи с ее тенденциозностью (ст. 330 УПК), роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение (ч. 5 ст. 348 и ст. 351¹ УПК); прекращении рассмотрения уголовного дела в связи с установленной невменяемостью подсудимого (ст. 290¹ и 352 УПК). Кроме того, очевидно, не может быть обжалована санкция суда на производство процессуального действия или отказ в даче такой санкции.

Наконец, в ч. 4 той же ст. 389² УПК следует уточнить, что речь идет именно о решениях, вынесенных в порядке ч. 3 той же статьи, причем обжалование таковых

не приостанавливает производство по делу вообще (а не только судебное разбирательство: эти решения могли быть вынесены и в досудебном производстве).

Статья 389². Судебные решения, подлежащие апелляционному обжалованию

1. В соответствии с требованиями настоящей главы в апелляционном порядке могут быть обжалованы итоговые решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, а также иные решения суда первой инстанции, выносимые в рамках судебного разбирательства или досудебного производства и вступающие в законную силу с момента их провозглашения.

2. Определения или постановления о порядке исследования доказательств, о возвращении уголовного дела прокурору, об удовлетворении или отклонении ходатайств и (или) отводов, заявленных участниками судебного разбирательства, и другие промежуточные судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу, за исключением судебных решений, указанных в частях третьей и 3¹ настоящей статьи.

3. До вынесения итогового судебного решения в апелляционном порядке могут быть обжалованы:

1) постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству;

2) судебные постановления или определения:

а) об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия;

б) о помещении лица в медицинский стационар для производства судебной экспертизы;

в) о наложении ареста на имущество, установлении (продлении) срока такого ареста;

г) о наложении денежного взыскания, об обращении залога в доход государства;

д) о приостановлении уголовного дела;

е) о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела;

3) иные судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела;

4) частные определения или постановления.

3¹. Не подлежат обжалованию в апелляционном порядке решения:

1) о назначении судебного заседания (часть седьмая статьи 236 настоящего Кодекса);

2) об отводах кандидатов в присяжные заседатели (статья 328 настоящего Кодекса);

3) о замене присяжного заседателя (статья 329 настоящего Кодекса);

4) о роспуске коллегии присяжных заседателей в связи с ее тенденциозностью (статья 330 настоящего Кодекса);

5) о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение (статья 351¹ настоящего Кодекса);

6) о прекращении рассмотрения уголовного дела в связи с установленной невменяемостью подсудимого (статьи 290¹ и 352 настоящего Кодекса);

7) о даче согласия (отказе в даче согласия) на производство процессуального действия (статья 165 настоящего Кодекса).

4. Обжалование определения (постановления), вынесенного в порядке пунктов 2–4 части третьей настоящей статьи, не приостанавливает производства по уголовному делу.

Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ внес приятную стро-

гость и однозначность в пирамиду апелляционного рассмотрения, однако некоторые вопросы все же остались. Так, недоумение вызывает п. 5 ч. 2 ст. 389³: *на постановление судьи ВС РФ [жалоба подается] в Апелляционную коллегию ВС РФ*. Какое же постановление имеется в виду?

Данный пункт введен Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ – к этому моменту Верховный Суд РФ уже никак не мог являться первой инстанцией ни по какому уголовному делу. Возможно, речь идет о постановлении, вынесенном в ходе апелляционного производства? Но апелляционное производство в УПК РФ – коллегиальное (п. 2 ч. 3 ст. 30 УПК), так что речь может идти только о постановлении судьи, вынесенном при назначении судебного заседания. Кстати, как нами уже отмечалось, наиболее важное из такого рода постановлений – о назначении судебного заседания – обжаловать в апелляционном порядке никак нельзя. Да и вообще обжалование в *апелляционном* порядке постановления, вынесенного в *апелляционном* же судопроизводстве, выглядит более чем странно. Впрочем, после вступления в силу упомянутого закона № 361-ФЗ Верховный Суд (в лице Коллегии по уголовным делам и Коллегии по делам военнослужащих) уже не является и субъектом апелляционного производства.

Еще более странно выглядело бы *апелляционное* обжалование постановления судьи ВС РФ, вынесенного в ходе *кассационного* или *надзорного* производства (в порядке ст. 401⁸ и 412⁵ УПК РФ), тем более что данные статьи прямо упоминают совсем другой порядок оспаривания подобных постановлений. Итак, смысл п. 5 ч. 2 ст. 389³ УПК РФ туманен.

Обратимся к Федеральному конституционному закону от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 02.08.2019). Апел-

ляционной коллегии в нем посвящена ст. 8, согласно ч. 2 которой Коллегия:

1) рассматривает в качестве суда второй (апелляционной) инстанции в соответствии с процессуальным законодательством РФ дела, подсудные Верховному Суду РФ, решения по которым в качестве суда первой инстанции вынесены судебными коллегиями ВС РФ;

2) рассматривает в пределах своих полномочий дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам;

3) обращается в Конституционный Суд РФ на основании части 4 ст. 125 Конституции РФ с запросом о конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле;

4) осуществляет иные полномочия в соответствии с федеральными законами.

Несложно убедиться в том, что среди этих положений нет ничего, хоть как-то касающегося нормы п. 5 ч. 2 ст. 389³ УПК.

Еще откровеннее выглядела соответствующая ч. 2 ст. 17 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»:

2. Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации:

1) рассматривает в качестве суда апелляционной инстанции гражданские дела, административные дела, решения по которым в качестве суда первой инстан-

ции вынесены Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ, Судебной коллегией по административным делам ВС РФ и Военной коллегией ВС РФ; <...>¹³.

Итак, никаких следов деятельности Апелляционной коллегии ВС РФ в сфере уголовного судопроизводства, при всем нашем уважении к этой высокой инстанции, в законах не обнаруживается. Попытки прояснить ситуацию путем неофициальных расспросов нескольких судей Верховного Суда РФ принесли достаточно скудные результаты – некие неясные намеки на решения, принимаемые по части изменения подсудности. Однако, коль скоро ВС РФ более не рассматривает уголовные дела по первой инстанции, «забрать» дело своим постановлением судья ВС РФ не может, да и не предусмотрено такое в УПК...

В итоге мы вынуждены прийти к выводу о том, что п. 5 ч. 2 ст. 389³ – «мертвый», и предложить исключить его. Будем рады, если все же обнаружатся доказательства его нужности и полезности, – тогда это предложение будет дезавуировано.

Статья 389³. Порядок принесения апелляционных жалобы, представления <...>

2. Апелляционные жалоба, представление подаются:

<...>

5) исключен.

¹ Шекспир У. Король Генрих IV / перевод Б. Пастернака. СПб., 2020. Акт IV, сцена 1.

² См.: Назарова О. В. Сущность, формы и назначение апелляционного производства // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2012. № 3 (139). С. 139–144.

³ Здесь мы следуем канве более ранней работы: Белкин А. Р. Апелляция : юрико-технические странности // Апелляция, кассация, надзор : новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : монография / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2015. Ч. 1. С. 487–494. Однако принятие уже упомянутого закона № 361-ФЗ требует дальнейшего анализа.

⁴ На этот же пробел в ст. 389¹ указывает и В. А. Лазарева (см.: Лазарева В. А. Апелляция, кассация, надзор : анализ содержания // Апелляция, кассация, надзор : но-

веллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : монография / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2015. Ч. 1. С. 454–486).

⁵ *Вандышев В. В.* Некоторые проблемы, которые могут возникнуть в суде апелляционной инстанции после 1 января 2013 г. // Проблемы формирования института уголовного преследования юридических лиц : материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2012. С. 81–90.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

⁷ По смыслу самого своего статуса гражданский ответчик должен быть полностью правоспособен в гражданско-правовом смысле, поэтому *законного* представителя у него быть не может.

⁸ Ранее мы неоднократно указывали, что считаем логичным рассматривать отводы как специфическую разновидность ходатайств; однако Кодекс не поддерживает такую точку зрения, поэтому отводы здесь надо упомянуть особо.

⁹ См.: Рос. газета. 2005. № 66. 1 апр.

¹⁰ Сообщен автору адвокатом в частной беседе.

¹¹ Ну, не вручили обвинительное заключение, но вручить-то надо, и делать это должен прокурор!

¹² См.: *Белкин А. Р.* УПК РФ : конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XIII. Судебное разбирательство в суде первой инстанции. Постановление приговора. М., 2020.

¹³ Однако ст. 17 (и вся глава 2) была из этого нормативного акта исключена Федеральным конституционным законом от 12 марта 2014 г. № 5-ФКЗ – теперь Апелляционная коллегия ВС РФ там вовсе не упоминается.

Российский технологический университет

Белкин А. Р., доктор юридических наук,
профессор кафедры «Правовое обеспечение
национальной безопасности»

E-mail: anatbel@yandex.ru

Russian University for Technology

Belkin A. R., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Department of «Legal Support
of National Security»

E-mail: anatbel@yandex.ru

С. Н. Боков

Воронежский государственный университет

**ЮРИДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
ЗАКОНОПРОЕКТА № 1172610-7 «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН “ОБ ОРУЖИИ” И ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
ЗАКОН “ОБ ОСНОВАХ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ” (В ЦЕЛЯХ УСИЛЕНИЯ
ГОСКОНТРОЛЯ ЗА ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ)»
И ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ
ГРАЖДАН В СВЯЗИ С ВЛАДЕНИЕМ ИМИ ОРУЖИЯ**

А н н о т а ц и я: рассмотрены конкретные вопросы проведения психологического обследования граждан – владельцев оружия и кандидатов на владение оружием. Предложена и обоснована батарея психодиагностических методик, которые могут быть использованы в ходе психологического обследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: контроль за оборотом оружия, юридическая психология, психологическое обследование, психодиагностические методики.

**LEGAL AND PSYCHOLOGICAL COMMENTARY OF DRAFT
LAW NO. 1172610-7 «ON AMENDMENTS TO THE FEDERAL
LAW “ON WEAPONS” AND THE FEDERAL LAW “ON THE
BASICS OF PROTECTING THE HEALTH OF CITIZENS IN THE
RUSSIAN FEDERATION” (IN ORDER TO STRENGTHEN STATE
CONTROL OVER THE CIRCULATION OF WEAPONS)» AND THE
POSSIBILITY OF PSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF CITIZENS
IN CONNECTION WITH THEIR POSSESSION OF WEAPONS**

A b s t r a c t: the article deals with specific issues of conducting a psychological survey of citizens-gun owners and candidates for gun ownership. A battery of psychodiagnostic techniques that can be used in the course of a psychological examination is proposed and justified.

Key words: control over the circulation of weapons, legal psychology, psychological examination, psychodiagnostic methods.

Поступила в редакцию 9 июня 2021 г.

Майское (2021 г.) массовое убийство школьников и педагога в гимназии № 175 в Казани с особой остротой поставило вопрос о совершенствовании медицинского и психологического обследова-

ния лиц, владельцев оружия, и кандидатов на владение оружием¹.

Согласно приводимым В. А. Образцовым и С. Н. Богомоловой сведениям, в классификации убийств, разработанной в американском Национальном центре анализа насильственных престу-

© Боков С. Н., 2021

плений при академии ФБР (Куантико, штат Вирджиния), массовым называется убийство, имеющее более четырех жертв за один эпизод и в одном месте². В книге «The Psychology of Mass Shooters» под редакцией Лоры К. Уилсон (2016) приводится первый в англоязычной литературе академический обзор массовых расстрелов с психологической точки зрения, в том числе анализируются типичные личностные особенности и мотивы поведения преступников³. Отмечается высокая частота встречаемости у них различных дисгармоний личности и психических нарушений, в частности, «серьезной умственной нестабильности», своеобразной извращенной логики, депрессии, нарциссического расстройства личности, параноидной шизофрении и др.

В силу этого необходимость тщательного, углубленного психиатрического и психологического обследования лиц – владельцев оружия и кандидатов на владение оружием – вырисовывается со всей очевидностью.

В тексте проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оружии” и Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” (в целях усиления госконтроля за оборотом оружия)» напрямую о психологическом обследовании граждан ничего не говорится⁴. Речь в нем идет о совершенствовании системы выявления медицинских противопоказаний к владению оружием и порядке их выявления. Предусматривается освидетельствование граждан психиатром, психиатром-наркологом. О проведении психологического обследования говорится только в пояснительной записке: «Наличие таких противопоказаний устанавливается по результатам медицинского освидетельствования, которое может проводиться исключительно медицинскими организациями государственной или муниципальной си-

стемы здравоохранения и должно включать в себя химико-токсикологические исследования наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов, а также психологическое тестирование». Таким образом, психологическое обследование лиц, владельцев оружия, и кандидатов на владение оружием рассматривается как часть психиатрического освидетельствования. Подобного мнения придерживается и заместитель председателя Комитета по охране здоровья Государственной Думы Российской Федерации Николай Говорин: «Психиатры должны проводить подробное психобиографическое и клиническое исследование тех, кто будет допущен к оружию. Им необходимо выяснять, где человек родился, какие имеет психологические особенности, запрашивать характеристику из школы. Помимо этого, сделать пациенту электроэнцефалограмму, чтобы посмотреть, нет ли у него скрытой эпилепсии, которая проявляется в дисфории, то есть в возникновении приступов злости и тоски»⁵.

С. Н. Ениколопов, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», считает, что психологическое обследование должно проводиться психологами психиатрических учреждений и на основании результатов такого обследования и иных дополнительных исследований врач-психиатр должен делать заключение о возможности доверять оружие человеку⁶. При этом должны определяться такие личностные особенности, как агрессивность, импульсивность, депрессивность и др.

Однако в настоящее время отсутствуют системные рекомендации по составлению психодиагностической батареи методик с целью изучения психологических особенностей владельцев оружия и кандидатов на владение оружием.

При выборе конкретных психодиагностических методик для психодиагностической батареи, рекомендованной к использованию с целью изучения психологических особенностей владельцев оружия и кандидатов на владение оружием, следует исходить из следующих основных положений:

1) в психодиагностическую батарею должны быть включены методики, предполагающие изучение таких индивидуально-психологических особенностей, наличие которых на современном этапе развития психодиагностики принято считать важными для владельцев оружия и кандидатов на владение оружием;

2) все включенные в психодиагностическую батарею методики должны иметь достаточный коэффициент надежности и быть валидными;

3) все включенные в психодиагностическую батарею методики должны иметь отечественную стандартизацию;

4) батарея психодиагностических методик должна быть составлена таким образом, чтобы все психологическое тестирование можно было провести в течение одного дня с учетом возможно необходимого времени для отдыха в перерывах между проведением отдельных методик.

Исходя из этого, представляется целесообразной психодиагностическая батарея, включающая в себя описанные ниже методики.

*Стандартные прогрессивные матрицы
Дж. Рейвена*

Изучение интеллектуального уровня владельцев оружия и кандидатов на владение оружием, несомненно, имеет значение для принятия решения, однако использование эталонного индивидуального теста интеллекта Д. Векслера в данном случае нецелесообразно вследствие его значительной трудоемкости и необходимости достаточного времени для его проведе-

ния. Представляется целесообразным использование Стандартных прогрессивных матриц Дж. Рейвена, позволяющих измерять особенности интеллекта в условиях ограничения времени проведения исследования. Методика позволяет переводить полученные шкальные оценки в стандартный показатель IQ. Существенным достоинством методики является возможность вычисления так называемого «индекса вариабельности», отражающего достоверность результатов исследования, а также возможность группового проведения исследования. С целью недопущения искажения получаемых результатов методики имеется возможность использования параллельных форм у различных испытуемых в группе, при этом испытуемые заранее не будут знать, какие конкретно параллельные формы им будут предложены.

Коэффициент надежности методики варьирует от 0,7 до 0,89; валидность⁷ составляет 0,72.

*Опросник уровня субъективного
контроля (Е. Ф. Бажин, Е. А. Гольнкина,
А. М. Эткинд, 1993)*

Теоретической основой методики выступает положение о том, что одной из важнейших психологических характеристик личности является степень ее независимости, самостоятельности и активности в достижении целей, развитие чувства личной ответственности за происходящие с ней события. Исходя из этого, различаются лица, полагающие, что происходящие с ними значимые события являются результатом внешних сил – случая, других людей и т. п. (экстернальный тип контроля), и лица, объясняющие значимые события как результат своей собственной деятельности (интернальный тип контроля). Локус контроля может рассматриваться как одна из важных психологических основ ответственности личности. Техника проведения методики несложна, не занимает много

времени, возможно групповое проведение исследования. Можно использовать как вариант методики, предложенный Е. Ф. Бажиным, Е. А. Голынкиной и А. М. Эткин-дом в 1993 г., так и новый отечественный вариант, разработанный Е. Г. Ксенофонтовой в 1999 г. (в нем упрощается проведение исследования, а также вводится ряд новых шкал («Предрасположенность к самообвинению») и субшкал («Интернальность при описании личного опыта», «Интернальность в суждениях о жизни вообще», «Готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей», «Готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности за нее», «Отрицание активности», «Профессионально-социальный аспект интернальности», «Профессионально-процессуальный аспект интернальности», «Компетентность в сфере межличностных отношений», «Ответственность в сфере межличностных отношений»).

Миннесотский многопрофильный личностный опросник (ММРІ)

Это одна из самых лучших методик для исследования индивидуально-психологических особенностей личности. Строго говоря, методика позволяет выявлять мотивационные факторы поведения, актуальные в момент исследования, но если получаемые результаты при повторных исследованиях являются сходными, то можно говорить о том, что диагностируются и достаточно устойчивые особенности личности. Методика была разработана S. R. Hathaway и J. McKinley в 1943 г. и основана на анализе личностных свойств психически больных. Впоследствии в трудах отечественных исследователей Л. Н. Собчик, Ф. Б. Березина, Р. В. Рожанца и М. П. Мирошникова были разработаны научные психологические подходы использования методики для целей психодиагностики.

Методика является достаточно защищенной от искажения результатов исследования благодаря наличию трех так называемых оценочных шкал – шкалы лжи, шкалы валидности и шкалы коррекции.

Диагностика личностных особенностей субъекта проводится по результатам комплексного оценивания по десяти так называемым клиническим шкалам, имеющим как психологическое, так и психиатрическое содержание: шкала сверхконтроля, соматизации тревоги (ипохондри); шкала тревоги и депрессивных тенденций (депрессии); шкала эмоциональной лабильности, вытеснения факторов, вызывающих тревогу (шкала истерии); шкала импульсивности, реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (шкала психопатии); шкала выраженности мужских и женских черт характера (шкала мужественности-женственности), шкала ригидности, ригидности аффекта (шкала паранойи); шкала тревожности, фиксации тревоги и ограничительного поведения (шкала психастении); шкала индивидуалистичности, аутизации (шкала шизофрении); шкала оптимизма и активности, отрицания тревоги (шкала гипомании) и шкала интроверсии-экстраверсии, социальных контактов (шкала социальной интроверсии).

Методика не дает нозологически-диагностической оценки. Поэтому профиль личности, получаемый с помощью ММРІ, должен постоянно соотноситься с клинической симптоматикой, материалами наблюдения психолога относительно особенностей выполнения обследуемым заданий по методикам, направленным на исследование познавательной деятельности, с результатами исследования с помощью других личностных методик.

Опросник ММРІ не может оцениваться как «диагностическая этикетка».

Коэффициент надежности⁸ методики составляет 0,5–0,8.

Методика исследования фрустрационной толерантности С. Розенцвейга

Методика была предложена С. Розенцвейгом в 1954 г. Согласно ему, фрустрация – это способность приспособления к ситуации стресса, характерный способ поведения в ситуации стресса. Проблема фрустрации имеет прямое отношение к проблеме агрессивного поведения, неадаптивной реакции на стрессовые события, психопатий и психогений. Методика проводится индивидуально с каждым испытуемым. Предпринимавшиеся попытки группового проведения исследования существенно искажают его результаты.

Методика позволяет получить ценную информацию об особенностях поведения человека в ситуациях эмоционального напряжения (стрессовых ситуациях). С ее помощью можно выявлять три направленности агрессии субъекта и три типа агрессивных реакций:

1) экстрапунитивные реакции (Е), при которых обвиняются внешние препятствия, обстоятельства или лица, вызвавшие у субъекта неприятности; при этом иногда кому-то вменяется в обязанность разрешение сложившейся ситуации;

2) интрапунитивные реакции (I), при которых обвинение направлено на самого себя; человек берет на себя ответственность за исправление ситуации или же воспринимает фрустрационную ситуацию как благоприятную для себя;

3) импунитивные реакции (М), при которых человек уклоняется от упреков другим людям и рассматривает ситуацию примиряющим образом, как нечто, что может быть исправлено, стоит только подождать и подумать, происходит своего рода обесценивание ситуации эмоционального напряжения.

По типу реакции подразделяются:

1) на препятственно-доминантные (OD) – вызвавшее фрустрацию препятствие

всячески подчеркивается (это препятствие представляется как неблагоприятное, благоприятное или незначительное);

2) самозащитные (ED) – главную роль играет способ защиты «Я», субъект осуждает кого-нибудь, признает свою вину, отрицает ответственность вообще;

3) необходимо-упорствующие (разрешающие) (NP) – акцент делается на потребности разрешить возникшую ситуацию, человек требует помощи от других лиц, сам берется за разрешение проблемы или полагает, что время и ход событий приведут к ее исправлению.

Методика дает также возможность расчета показателя, на основании которого можно судить о степени социальной адаптации индивида (GCR).

С целью большей объективизации возможного поведения человека в ситуациях фрустрации различного рода используются предложенные У. Раухфляйшем (U. Rauchfleisch, 1971) специальные диагностические индексы: направленности агрессии, трансформации агрессии и решения проблем.

Коэффициент надежности методики составляет 0,6–0,8, валидность⁹ – 0,747.

Проведение всех предложенных методик возможно в течение одного рабочего дня. Целесообразно придерживаться такой последовательности их проведения: стандартные прогрессивные матрицы Дж. Рейвена – методика исследования фрустрационной толерантности С. Розенцвейга – опросник уровня субъективного контроля – Миннесотский многопрофильный личностный опросник (MMPI). Такая последовательность позволяет обеспечить максимальную концентрацию внимания и работоспособность испытуемого и минимизировать искажения, связанные с утомлением во время проведения психологического обследования.

Проведение психологического обследования в условиях территориальных пси-

психиатрических лечебно-профилактических учреждений позволит обеспечить преемственность психологического и психиатрического обследования владельцев оружия и кандидатов на владение оружием и оперативность проведения обследования.

Однако в условиях повсеместного развития современных информационно-коммуникационных технологий высокоактуальным является включение в батарею психологического обследования еще одного психодиагностического инструментария – психодиагностически направленного контент-анализа социальных сетей (в случае участия в них владельцев оружия и кандидатов на владение оружием). Конкретные технологии такого анализа в настоящее время отсутствуют, и их разработка является актуальной задачей. Такое психодиагностическое исследование нужно проводить как уточняющее и завершающее этап психологического обследования владельцев оружия и кандидатов на

владение оружием силами психологов Росгвардии после получения заключения из территориальных психиатрических лечебно-профилактических учреждений. Психологический анализ страницы в социальных сетях (в случае ее наличия) может дать очень информативный материал (на основе информации о контактах испытуемого, выкладываемых фотографиях и иных материалах, подписках на группы и т. д.) об индивидуально-психологических особенностях человека и его мотивационной направленности. Конкретные же технологии такого исследования еще предстоит разработать.

Предложенные содержание и алгоритм психологического обследования владельцев оружия и кандидатов на владение оружием могут служить основой для разработки конкретных технологий, использование которых позволило бы минимизировать риск возникновения антисоциального поведения в условиях владения огнестрельным оружием.

¹ См.: *Замахина Т.* Справка с защитой. Госдума ужесточает требования к медкомиссии для кандидатов на владение оружием // Рос. газета. 2021. 6 мая. С. 22.

² См.: *Образцов В. А., Богомолова С. Н.* Криминалистическая психология : методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2002. С. 15–25.

³ См.: URL: <https://www.wiley.com/en-gb/The+Wiley+Handbook+of+the+Psychology+of+Mass+Shootings-p-9781119047933> (дата обращения: 06.06.2021).

⁴ См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172610-7> (дата обращения: 06.06.2021).

⁵ URL: <https://www.1sn.ru/262583.html> (дата обращения: 06.06.2021).

⁶ См.: URL: <https://iz.ru/1163715/svetlana-kazantceva-marina-bochkareva/nervnyei-sistema-kak-usilit-psikhologicheskii-kontrol-za-vladelcami-oruzhiia> (дата обращения: 06.06.2021).

⁷ См.: *Бурлачук Л. Ф.* Словарь-справочник по психодиагностике. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2007. С. 378.

⁸ См.: Там же. С. 252.

⁹ См.: Там же. С. 390–391.

Воронежский государственный университет

Бокон С. Н., кандидат медицинских наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Voronezh State University

Bokov S. N., Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Ю. П. Гармаев

Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОИСКА ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: статья посвящена решению задачи повышения эффективности поиска и изучения материалов судебно-экспертной практики обучающимися юридическими вузов, учеными и правоприменителями. Предложен алгоритм поиска соответствующих документов, имеющий ограничения в части получения их электронных версий. Констатируется необходимость активизации научных исследований и дидактических технологий, направленных на изучение основного источника науки и учебной дисциплины «Судебно-экспертная деятельность» – экспертной практики.

Ключевые слова: заключение судебной экспертизы, юридическая дидактика, поиск материалов экспертной практики, обучение в юридических вузах, удаленный поиск официальных документов, судебно-экспертная деятельность.

MODERN METHODS FOR FINDING EXPERTS PRACTICE USING THE INTERNET

Abstract: the article is dedicated to solving the problem of increasing the efficiency of searching and studying materials of forensic science practice by students of law schools, scientists and law enforcement. An algorithm is proposed for searching for relevant documents, which has limitations in terms of obtaining their electronic versions. The necessity of intensifying scientific research and didactic technologies aimed at studying the main source of science and academic discipline «forensic expert activity» – expert practice is stated.

Key words: forensic report, legal didactics, search for expert practice materials, training at law schools, remote search for official documents, forensic science activities.

Поступила в редакцию 13 июля 2021 г.

Многие годы работодатели выпускников юридических вузов – юридические компании, крупный бизнес, суды, прокуратура, МВД и др. – регулярно заявляют, что среднестатистический выпускник любого юридического вуза имеет лишь поверхностные представления о реальной правоприменительной практике¹. Молодой юрист – студент или выпускник вуза, зачастую ни разу не видел «живое» и полное (по перечню документов) уго-

ловное, гражданское, арбитражное дело, материалы по назначению и производству судебных экспертиз. Он, как правило, некомпетентен в самых обыденных для практикующего юриста прикладных знаниях, навыках и компетенциях, например, в том, как составить письменное ходатайство или постановление о назначении судебной экспертизы. Для всего этого надо знать, видеть своими глазами реальную экспертную практику.

В контексте качества обучения будущих юристов и использования знаний

© Гармаев Ю. П., 2021

науки судебно-экспертной деятельности Е. Р. Россинская с сожалением констатирует, что сложившаяся система юридического обслуживания организаций и населения, разнообразные частные юридические фирмы традиционно обеспечивают в основном адвокатскую поддержку и нотариальную практику. В то же время производство различных судебных экспертиз остается terra incognita, в том числе зачастую и для профессиональных юристов². Изучение экспертной практики юристами должно быть основано на доступных для каждого средствах и методах. Попытки студента или юриста-практика получить подборку реальных печатных документов, связанных с назначением и производством судебных экспертиз, упираются в почти непреодолимые организационные трудности. Отсюда прикладная задача: необходимо предложить алгоритм поиска и изучения этой самой практики как в печатном (в подлиннике или в копиях), так и в электронном виде.

Науки криминалистика и судебная экспертиза исходят из бесспорного положения о том, что право, практика и наука в своей совокупности образуют исчерпывающий перечень источников указанных наук³, впрочем, как, вероятно, всех иных юридических.

Настоящие прикладные рекомендации призваны помочь начинающим юристам, а также студентам, магистрантам, аспирантам, молодым и более опытным ученым в кратчайшие сроки найти и эффективно использовать материалы экспертной практики с помощью некоторых ресурсов Интернета для своих соответственно практических, образовательных и/или научных задач.

Вместе с тем следует учитывать, что методы поиска судебно-экспертной практики существенным образом ограничены. Насколько нам известно, в отличие от судебных актов, подавляющее

большинство которых публикуется в Интернете в соответствии с законом⁴, массовый «перевод» из печатной в электронную форму и публикация в Интернете заключений и иных материалов судебных экспертиз нигде и никем в стране не производится.

Наиболее доступным и, казалось бы, простым и надежным методом является поиск (по ключевым словам и т. п.) и использование электронных копий заключений судебных экспертиз, которые часто выкладывают на своих сайтах некоторые, в основном негосударственные, экспертные учреждения, а также адвокаты, иные юристы. Однако опытные специалисты не рекомендуют доверять, а тем более активно использовать в научной или практической деятельности такие электронные копии. Дело в том, что они выкладываются в Интернете в основном в рекламных целях. Далеко не всегда такие документы соответствуют стандартам качества и достоверности⁵.

Более корректный и надежный поиск заключений судебных экспертиз может осуществляться по следующему краткому алгоритму⁶.

Этап 1. Сначала проводится поиск приговоров по конкретным категориям уголовных дел, где традиционно осуществляются те или иные виды судебных экспертиз. Например, по уголовным делам о хищениях денежных средств из банкоматов обычно проводится судебно-портретная экспертиза.

Этап 2. Получив соответствующие приговоры в электронном виде, можно найти в них краткие описания резолютивной части нужного экспертного исследования и реквизиты заключения: время проведения, место и т. д.

Этап 3. Сами заключения, причем исключительно в печатном виде (с последующим копированием), можно запросить: а) в архиве соответствующего суда;

б) в экспертном учреждении, в котором проводилось само экспертное исследование, если не истек 5-летний срок хранения документа после вступления в силу судебного акта.

Этап 1 требует дополнительных пояснений. Текст почти любого приговора, иного итогового судебного акта или даже их подборку можно найти с помощью нескольких интернет-ресурсов⁷: сайт конкретного суда, ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru), база «СудАкт» (<http://sudact.ru/>). Рассмотрим возможности последнего ресурса более подробно «СудАкт» – это интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (<http://sudact.ru/>). Речь идет о крупнейшей в Рунете базе судебных актов и нормативных документов.

На указанном сайте представлена судебная практика Президиума и Пленума ВС РФ, арбитражных судов всех инстанций, областных и районных судов (и приравненных) общей юрисдикции, мировых судов. В разделе «Законодательство» содержатся нормативно-правовые акты в действующих редакциях.

Для поиска, например, по уголовным делам выберем любую статью УК РФ. Например, «статья 303 УК РФ – фальсификация доказательств...». Следует заполнить нужные поля на главной странице: раздел «Суды общей юрисдикции», «текст документа в гражданском и уголовном судопроизводстве»; отмечаем «первая инстанция». Остальные поля можно оставить незаполненными.

Плюсы поиска судебных актов с помощью «СудАкт»:

- 1) крупнейшая база в Рунете;
- 2) возможность поиска по заданным словам, чего нет, например, на сайтах конкретного суда.

Этап 1 приведенного выше алгоритма может быть реализован также через личные контакты:

а) с руководителями и сотрудниками информационных центров при органах внутренних дел (ГИАЦ МВД РФ, региональные ИЦ при ОВД в субъектах РФ);

б) с руководителями и сотрудниками крупных экспертных учреждений.

В настоящих тезисах рассмотрены лишь некоторые возможности поиска судебной и экспертной практики по определенным видам дел. Однако существуют и иные ресурсы, например, справочно-правовая система «КонсультантПлюс»⁸, информационно-правовая система «Гарант»⁹ и многие другие ресурсы.

Необходимо сделать вывод о том, что юридической дидактикой и наукой «судебно-экспертная деятельность» пока недостаточно разработана методология и методика изучения основного своего источника – правоприменительной и экспертной практики. Безусловно, соответствующие научные и дидактические разработки необходимо активизировать, в том числе путем постановки задач обучаемым юридическим вузов по поиску указанных материалов как предложенными, так и иными методами.

¹ Подробнее см., например: *Гармаев Ю. П., Попова Е. И., Шаралдаева И. А.* Проекты «трудоустройства студентов-юристов»: концепция и первые шаги реализации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Проблемы высшего образования. 2018. № 1 (32). С. 268–276.

² См.: *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 5.

³ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 755–758.

⁴ Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федер. закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

⁵ Данные вывод и последующие рекомендации по поиску материалов судебных экспертиз получены, в том числе в результате интервьюирования одного из ведущих российских ученых-экспертологов, доктора юридических наук, профессора Ф. Г. Аминева. См. также его работу: *Аминев Ф. Г.* Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения. М., 2019. 272 с.

⁶ В одной из следующих публикаций на эту тему мы дадим более развернутый анализ, несколько алгоритмов поиска.

⁷ Здесь и далее с сокращениями и уточнениями используется следующая работа: *Гармаев Ю. П.* Руководство по поиску, обработке и использованию материалов следственно-судебной практики (уголовное судопроизводство) : учеб.-метод. пособие. 2019. 61 с.

⁸ См.: Специальный поиск судебной практики. URL: http://www.consultant.ru/about/software/cons/spespoisk_sudpraktiki/ (дата обращения: 30.03.2020).

⁹ См.: Работа с судебной практикой в системе Гарант. URL: http://garant.crimea.com/Article_01.php. (дата обращения: 30.03.2020).

*Восточно-Сибирский филиал Российского
государственного университета правосудия*

Гармаев Ю. П., доктор юридических наук,
профессор, старший научный сотрудник,
профессор кафедры уголовно-процессуального
права и криминалистики

E-mail: garmaeff1@mail.ru

*East Siberian Branch of the Russian State
University of Justice*

Garmaev Yu. P., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Senior Researcher, Professor of the
Department of Criminal Procedure Law and
Criminalistics

E-mail: garmaeff1@mail.ru

Е. Л. Комбарова

*Центральный филиал Российского государственного университета правосудия***ТАКТИКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

А н н о т а ц и я: *исследуются особенности процесса формирования тактических судебных решений, характеризуется специфика их принятия, анализируются факторы, влияющие на данный процесс. Сделан вывод о невозможности реализации судом тактических комбинаций.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *тактика суда, тактическое решение, криминалистическая ситуация, криминалистические средства и методы, исследовательская функция суда.*

**TACTICS OF DECISION-MAKING IN THE FIELD
OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

A b s t r a c t: *the article investigates the peculiarities of the process of formation of tactical court decisions, characterizes the specifics of their adoption and analyzes the factors affecting this process. It is concluded that the court cannot implement tactical combinations.*

Key words: *court tactics, tactical decision, forensic situation, forensic tools and methods, research function of the court.*

Поступила в редакцию 12 июля 2021 г.

Под тактическим решением традиционно в криминалистике понимают «выбор цели воздействия на следственную ситуацию в целом или на отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и его элементы, определение методов, приемов и средств достижения цели»¹.

Сторонники же трактовки криминалистической тактики как деятельности, реализуемой исключительно в условиях противодействия реализации интересов субъекта тактики, считают, что сущность тактического решения состоит в выборе определенного воздействия на неблагоприятную обстановку, возникшую в результате противодействия со стороны лиц, не заинтересованных в успешном ходе расследования, с целью ее нейтра-

лизации и преобразования в благоприятную, способствующую выяснению всех обстоятельств преступления².

При этом объектом тактического воздействия могут быть различные субъекты, материальная обстановка (предметы) либо следственная (судебная) ситуация в целом.

Анализируя природу тактических решений, А. С. Князьков отмечает, что одни исследователи рассматривают их с позиции характеристики мыслительного процесса, акцентируя внимание на логической природе формирования тактических решений и отмечая их тесную связь с планированием. Данными учеными **тактическое решение понимается как итог мыслительного процесса, целью которого является выбор надлежащих методов и средств, необходимых для разрешения ситуации.** Другие же авто-

© Комбарова Е. Л., 2021

ры, пишет ученый, представляют **тактическое решение как принятую к исполнению программу действий, ориентированную на определенный результат**³.

Мы солидарны с автором, что оба определения тактического решения, в которых последнее предстает и как процесс выбора методов и средств, необходимых для разрешения конкретной ситуации, и как деятельность, ориентированная на конкретный, желаемый результат в рамках определенной программы или алгоритма, являются актуальными и заслуживают права на существование.

Хотя зачастую в работах многих исследователей эти вышеуказанные трактовки тактического решения не рассматриваются отдельно, объединяются авторами в единое целое и характеризуются в качестве совокупных целостных элементов, отражающих сущность тактического решения, мы считаем, что различие гносеологической природы и целеполагания принятия тактических решений наиболее отчетливо прослеживается именно в дистанцировании, разделении и самостоятельном существовании двух указанных А. С. Князьковым направлений трактовки сущности природы тактических решений.

Особенно наглядно данная специфика будет проявляться в контексте анализа тактической деятельности различных профессиональных участников процесса, обусловленной их функциями и особенностями процесса доказывания.

Принятие тактических решений следователем обусловлено реализуемой им функцией *уголовного преследования* – процессуальной деятельности, направленной, как отмечает О. Я. Баев, на обнаружение преступления, выявление, законное и обоснованное изобличение подозреваемого, обвиняемого в его совершении⁴. М. С. Строгович также трактует

уголовное преследование как совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение привлекаемого к уголовной ответственности лица и обеспечение применения к нему наказания⁵.

Мы солидарны с вышеприведенными трактовками функции уголовного преследования и считаем, что вся деятельность следователя направлена на поиск доказательств, уличающих лицо в совершении преступления. Потому любое тактическое решение следователя предопределяется необходимостью формирования прежде всего обвинительных доказательств. Вместе с тем, если в процессе сбора доказательств следователь придет к выводу о необоснованности обвинения, он обязан прекратить уголовное преследование по реабилитирующим основаниям.

Соответственно, следователь оценивает криминалистическую ситуацию именно в аспекте определения возможности эффективного поиска доказательств, направленных на изобличение виновного, реализуя поисковую деятельность, связанную с формированием доказательств в рамках функции уголовного преследования. Следователь ориентирован на конкретный результат, предполагаемый им по итогам производства следственных действий, проводимых в отношении конкретного обвиняемого и имеющих целью сбор обвинительных доказательств. Именно «заряженность» на определенный результат лежит в основе формирования следователем *тактических комбинаций и операций* как системы совокупных, объединенных единым замыслом следственных действий, проводимых в отношении субъектов.

Поэтому следователь принимает тактическое решение, исходя из планируемого им алгоритма расследования как целенаправленной системы. Но при этом средства и методы формирования доказа-

тельств направлены на выявление объективных закономерностей формирования идеальных и материальных следов преступления, оценку их взаимосвязи с деянием, поскольку обвинение лица в совершении преступления должно являться обоснованным и достоверным.

Что касается иных субъектов – участников уголовного процесса, то следует отметить, что в наивысшей степени *ориентированы на гносеологически определенный, желаемый результат стороны защиты и обвинения*, осуществляющие **доказывание-обоснование** защитного и обвинительного тезисов. Соответственно, специфика тактических решений данных субъектов предопределяется стратегической и тактической линиями поведения сторон обвинения и защиты, *являясь неотъемлемым элементом системы заранее спланированного комплекса действий, ориентированных на конкретный результат*.

Тактика суда – иная. Она подчиняется другим законам и правилам.

Суд – исследователь. Он не вправе принимать тактическое решение, заранее предполагая конкретный результат, и тем более опосредовать выбор конкретных средств и методов криминалистического воздействия на объекты именно этим желаемым результатом.

Тактическое решение суда – исключительно итог мыслительного процесса, реализуемого для решения определенной тактической задачи – устранения неполноты или противоречивости доказательственной информации, причины которой неизвестны суду.

Соответственно, тактическое решение суда заключается в выборе эффективных методов и средств воздействия на проблемную криминалистическую судебную ситуацию с целью устранения неполноты или

противоречивости доказательственной информации, а не в достижении какого-либо заранее запрограммированного результата как части общей запланированной программы деятельности.

Только в такой форме тактика судебных решений может иметь право на существование.

Это, на наш взгляд, концептуально важнейшее положение определяет всю сущность и специфику процесса принятия тактических решений судом.

Если выбор методов и средств воздействия на криминалистическую ситуацию со стороны следователя опосредован необходимостью достижения им конкретного ожидаемого результата и часто носит комплексный характер, имея форму тактических комбинаций, то выбор методов и средств воздействия на криминалистическую ситуацию судом предопределяется исключительно необходимостью устранения неполноты и противоречий доказательственной базы безотносительно какого-либо конкретного желаемого результата.

Безусловно, суд должен учитывать объективные закономерности исследования идеальных и материальных объектов, криминалистические и процессуальные особенности формирования доказательственной информации. В равной степени суд *должен прогнозировать последствия принимаемого им тактического решения, но лишь в части оценки степени его эффективности для восполнения недостающей информации или же устранения противоречий доказательственной базы в рамках конкретной криминалистической ситуации*. Как беспристрастный исследователь, суд не может и не должен при принятии тактического решения ориентироваться на конкретный гносеологический результат, предопределяя им выбор

соответствующих криминалистических методов и средств (в отличие от субъектов уголовного преследования и адвоката-защитника).

Тактика суда **не есть тактика достижения конкретного обвинительного или оправдательного результата, это тактика осознанного выбора эффективных средств и методов для установления достоверных обстоятельств события с целью разрешения проблемной для суда криминалистической ситуации.**

В этом основное отличие тактической составляющей судебной деятельности от деятельности следователя.

Суд осуществляет полномочия разрешения дела по существу, являясь беспристрастным исследователем, не имеющим права выступать на стороне обвинения или защиты. Тактическое решение суда определяется необходимостью установления достоверных обстоятельств дела, а не желанием поиска обвинительных или оправдательных доказательств в проблемных криминалистических ситуациях.

Например, в случае неясности или сомнения в достоверности показаний лица, данных им при его допросе государственным обвинителем или защитником, суд должен воспользоваться законным правом задать данному субъекту свои вопросы. Тактика суда будет заключаться в выборе таких тактических приемов допроса, которые способствуют прояснению противоречивых или неполно установленных (во всяком случае, для суда) фактов. При этом суд не ищет обвинительные или оправдательные доказательства. Он устанавливает истину.

Если криминалистическая ситуация характеризуется наличием различных интерпретаций фактов и обстоятельств сторонами защиты и обвинения, тактика суда имеет одну цель: установить, кто из

сторон прав, а кто нет, чья позиция является истинной, а чья ложной.

При наличии активной деятельности сторон обвинения и защиты по устранению противоречий доказательственной базы тактическая деятельность суда будет представлена **сферой оценки информации, фигурирующей в процессе следования.**

В данном случае *тактика суда будет направлена на эффективный выбор средств обоснования судебного решения, выносимого по итогам разбирательства.* Приговор суда будет являться тактическим решением, ибо он выступает необходимым следствием выбора судом средств обоснования его содержания и будет постановлен в условиях гносеологического воспрепятствования (неизбежного при наличии двух противоположных суждений об одних и тех же обстоятельствах) какой-либо стороны установлению судом объективной истины.

Приведем пример.

Потерпевший проходил обучение в секции – каратэ-до по стилю «Сётокан» в Яковлевской местной общественной организации «Детско-юношеская спортивная школа боевых искусств Востока «САТО»», директором и по совместительству тренером-преподавателем в которой является Клочков А. В., владеющий необходимыми знаниями и умениями, а также обладающий профессиональным образованием по специальности «физическая культура» квалификации «тренер».

В период времени с 17 часов 30 минут до 19 часов Клочков А. В., находясь в спортивном зале, расположенном на 3-м этаже здания районного дома культуры «Звездный», выполняя функции тренера-преподавателя ЯМОО ДЮСШ БИВ «САТО», проводил тренировку учеников по секции – каратэ-до по стилю «Сётокан».

В соответствии с п. 3.2.2 Профессионального стандарта «Тренер», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 7 апреля 2014 г. № 193н (далее – Стандарт), лицо, осуществляющее трениро-

вочный процесс, обязано знать правила охраны труда, а также обеспечивать безопасность при проведении тренировок и занятий.

Несмотря на это, в нарушение названных требований, установленных Стандартом и п. 15.5 Инструкции, согласно которым на занятиях строго запрещается при работе с партнером выполнять в очень быстром темпе (с большой скоростью) любые опасные для жизни и здоровья удары, боевые связки и приемы, Клочков А. В., находясь в указанное время в указанном месте, при демонстрации ученикам секции комбинации приемов на обучающемся несовершеннолетнем потерпевшем, действуя небрежно, не имея умысла на причинение ему тяжкого вреда здоровью, произвел с большой скоростью комбинацию приемов каратэ в отношении потерпевшего, связанную с блокированием его правой руки своими руками, последующим смещением предплечья правой руки потерпевшего наружу и вращением его правого плеча вокруг продольной оси.

В результате ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей тренера Клочков А. В. неосторожными действиями причинил несовершеннолетнему закрытый косой перелом в средней трети правой плечевой кости со смещением отломка и с развитием невротии лучевого нерва, который причинил тяжкий вред здоровью.

В судебном разбирательстве Клочков А. В. не признал себя виновным и показал, что травма получена по вине потерпевшего, в результате его несанкционированного падения, умысла на причинение травмы он не имел, считает это несчастным случаем. Потерпевший являлся опытным спортсменом. Гражданский иск поданный не признает.

Таким образом, возникает криминалистическая ситуация, характеризующаяся наличием противоречивых позиций стороны обвинения и защиты, различно объясняющих факт травмы несовершеннолетнего. Образовалась гносеологическая дилемма, препятствующая познанию судом достоверных обстоятельств события и требующая своего разрешения.

Необходимо исследование комплекса различных доказательств для вынесения

объективного, законного и обоснованного судебного решения.

В данном случае такими доказательствами явились показания самого потерпевшего, свидетелей, заключение и показания эксперта.

«Несовершеннолетний потерпевший в присутствии педагога и законного представителя показал, что на тренировке тренер Клочков А. В. стал демонстрировать на нем прием. Клочков А. В. начал медленно блокировать его руку и отводить ее наружу. Таким образом, тренер два раза в медленном темпе с паузами показал на нем технику осуществления залама. На третий раз Клочков А. В. в быстром темпе, с большей силой еще раз начал демонстрировать прием на нем, и в тот момент, как он начал делать залом и дальнейшее скручивание руки наружу, он в области плечевой кости услышал хруст и упал от боли, так как потерял равновесие. Рука была сломана в момент проведения приема, а не в результате падения.

Заключением эксперта подтверждено, что у потерпевшего имел место закрытый косой перелом в средней трети правой плечевой кости со смещением отломка и с развитием невротии лучевого нерва, который образовался в срок, который может соответствовать <дата>, и причинил тяжкий вред здоровью по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности, не менее чем на 1/3, независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи. Вышеописанное повреждение образовалось в результате резкого вращения правого плеча вокруг продольной оси его (вращательное направление травмирующей силы), могло образоваться от одного травматического воздействия (т. 1 л. д. 37–38).

Правильность выводов эксперта не вызывает у суда сомнений, они основаны на материалах дела, в соответствии с требованиями УПК РФ, научно обоснованы, в связи с чем экспертное заключение является объективным и допустимым доказательством по делу.

Допрошенный в суде первой инстанции эксперт выводы экспертизы подтвердил и дополнил, что травма была получена в результате резкого вращения правого плеча вокруг продольной оси его. Потерпевшего взяли за локоть

либо за локоть и предплечье и крутанули с достаточной силой.

Таким образом, заключение и показания эксперта объективно опровергают доводы осужденного о том, что травму несовершеннолетний потерпевший получил при падении самостоятельно.

Характер, место расположения, давность причинения телесного повреждения полностью подтверждают их причинение именно подсудимым при обстоятельствах, изложенных выше, что подтверждается показаниями потерпевшего, свидетелей»⁶.

В результате анализа совокупности доказательств суд пришел к выводу о виновности подсудимого в причинении несовершеннолетнему тяжкого вреда здоровью по неосторожности.

Безусловно, достаточно часто при невозможности опровергнуть сам факт причинения телесных повреждений потерпевшему подсудимым (подсудимыми) дается иная оценка мотивов совершения данного деяния. Задача суда – выбрать наиболее эффективные методы разрешения противоречий доказательственной базы.

Приведем еще один пример.

«Бадайкин А. В. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, и преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ.

Подсудимый отрицал умысел в совершении данных преступлений и утверждал, что телесные повреждения были причинены им потерпевшему случайно.

Однако в ходе следственного эксперимента обвиняемый, с учетом имевшегося у потерпевшего телесного повреждения, не смог изложить обстоятельства, при которых он случайно мог причинить его ножом.

Осмотр вещественного доказательства – куртки потерпевшего, на которой имеется два сквозных прокола в области телесного повреждения, ставит под сомнение возможность неумышленного воздействия осужденным ножом в одну и ту же область руки при случайном падении вместе с потерпевшим в снег, как то утверждал подсудимый Бадайкин А. В.

Изложенные доказательства в совокупности с нелогичностью показаний осужденного, пояснившего о прибытии его с ножом к месту нахождения потерпевшего с целью отогнать его, несмотря на то, что тот ему ничем не угрожал, обоснованно позволили мировому судье поставить под сомнение достоверность показаний Бадайкина А. В., положив в основу приговора показания потерпевшего»⁷.

Выбор судом средств доказывания, которые должны быть положены в обоснование приговора, – это тактическое решение, ибо оно реализуется в условиях гносеологического воспрепятствования сторон при наличии у суда возможности выбора варианта из нескольких возможных.

Если же стороны в процессе судебного разбирательства не активны или же их действиями разрешить данные противоречия не удалось, тактическая составляющая судебной деятельности сместится уже в сторону ***процесса собирания доказательств или же их исследования уже по инициативе суда.*** И в данном случае тактика суда будет направлена на эффективный ***выбор судебных действий следственного характера и тактических приемов, позволяющих установить достоверные обстоятельства исследуемого события.***

«Калишманов Ю. Л., находясь в офисе ООО ЧОП ОА «Фотон-секьюрити», выполняя обязанности старшего смены, умышленно, с целью выдворения находящегося в состоянии алкогольного опьянения и снятого им с охраняемого объекта охранника ООО ЧОП ОА «Фотон-секьюрити» из офиса данного общества, толкая того руками в область тела, выдворил потерпевшего на крыльцо, где в ходе ссоры с ним, проявляя преступную небрежность, поскольку при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был предвидеть наступление общественно опасных последствий своих действий, действуя из личной неприязни к потерпевшему Д., умышленно толкнул его в грудь, отчего последний упал

с крыльца спиной на припаркованный рядом с крыльцом автомобиль, а затем на асфальт. Тем самым Калишманов Ю. Л. по неосторожности причинил Д. телесные повреждения в виде компрессионных переломов 5–6 грудных позвонков. Данные телесные повреждения повлекли за собой значительную стойкую утрату общей трудоспособности (свыше 30 %) и квалифицируются как тяжкий вред здоровью...

Противоречия в показаниях потерпевшего Д. устранены судом путем оглашения его показаний, данных в ходе дознания (ввиду смерти последнего). Достоверными и допустимыми его показаниями суд признает его показания, данные в период дознания, поскольку они согласуются с показаниями самого потерпевшего и свидетеля Ч., а также письменными материалами дела.

Противоречия в показаниях свидетеля Ч. устранены судом путем оглашения ее показаний, данных в период дознания в соответствии с требованиями ст. 281 УПК РФ. Суд признает достоверными показания свидетеля в части того момента, что когда подсудимый и потерпевший стояли на крыльце, дверь была закрыта, что согласуется с показаниями самого потерпевшего»⁸.

Вместе с тем в производстве отдельных судебных действий следственного характера судом может быть отказано по причине неинформативности и нецелесообразности их осуществления.

В этом случае также будет иметь место тактика – тактика организации процесса исследования доказательств.

Так, по этому же вышеприведенному уголовному делу судом было вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о проведении следственного эксперимента для определения начала движения тела человека при толчке его рукой другим человеком в область груди, а также для определения, совпадают ли по времени данные движения (т. е. являются ли движения двух лиц, потерпевшего и обвиняемого, одномоментными). Суд пришел к выводу о невозмож-

ности проведения данного следственного действия⁹.

Хотелось бы обратить особое внимание на **невозможность выбора судом сразу нескольких способов достижения цели одновременно, способов, объединенных общим замыслом в рамках единого плана.**

Использование нескольких тактических приемов или следственных (судебных) действий для решения одной конкретной тактической задачи в условиях определенной следственной или судебной ситуации охватывается понятием «тактическая комбинация».

Тактическая комбинация может заключаться в определенном сочетании тактических приемов в рамках одного следственного действия или же в форме комбинирования различных следственных действий (оперативно-розыскных мероприятий) в единую систему, объединенную общим планом осуществления процессуальной деятельности субъектом доказывания.

Как отмечает И. М. Комаров, построение тактической комбинации на основании сочетания различных следственных действий представляет собой строго структурированную систему, где результаты предыдущего следственного действия необходимы для производства последующего, что обуславливает закономерную необходимость следователя поступать строго определенным образом¹⁰.

Но планировать целую систему последовательных действий возможно, лишь ожидая конкретно определенный результат. Суд не имеет на это права, иначе он выйдет за пределы своей компетенции.

Судья может и должен в случае необходимости (при наличии противоречивых или неполных сведений) использовать различные способы получения достоверной информации, однако он не

вправе осуществлять **одновременное планирование** различных тактических приемов или разных следственных действий, объединенных общим замыслом, в рамках тактической комбинации, поскольку тем самым он демонстрирует свою направленность на получение какого-либо конкретного, определенного результата, а также предупреждает или преодолевает *потенциальное воспрепятствование* со стороны различных субъектов, неминуемо теряя объективность и неизбежно превращаясь в субъекта уголовного преследования.

Поэтому, на наш взгляд, суд должен планировать применение иного тактического приема или другого следственного действия только в случае, если предшествующее тактическое воздействие не в полной мере позволило прояснить обстоятельства исследуемого события.

Суд по факту оценивает результат тактического решения, и если неполнота или противоречивость доказательственной базы не устранены, то только в этом случае судьей принимается новое тактическое решение.

Таким образом, **для суда невозможно проведение тактических комбинаций, поскольку данная криминали-**

стическая категория абсолютно противоречит сущности и целеполаганию судебной деятельности.

Подводя итог изложенному, хотим сделать следующий вывод: процесс принятия тактического решения судом имеет существенную специфику, предопределяемую различными факторами: ролью и статусом судьи, его процессуальной функцией, особенностями криминалистической ситуации.

Тактическое решение суда, в отличие от решений, принимаемых сторонами обвинения и защиты, *не может иметь целью достижение какого-либо гносеологически конкретного, заведомо желаемого результата.* Тактика суда – это *всегда только выбор эффективных, направленных на установление достоверных фактических обстоятельств события криминалистических средств и методов* разрешения проблемной неопределенной или противоречивой криминалистической ситуации, как локальной, так и характеризующей весь процесс судебного исследования доказательств в целом. Главное для судьи – не перейти эту тонкую грань, не утратить объективность и беспристрастность исследователя.

¹ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. М., 2004. С. 538.

² См.: Чистова Л. Е. Тактико-криминалистические категории : тактическая задача, тактическое решение, тактический риск // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 197.

³ См.: Князьков А. С. Тактическое решение как предпосылка тактико-криминалистических средств // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 220, 221.

⁴ См.: Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений : проблемы качества права и правоприменения // Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 424.

⁵ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 3 т. М., 1968. Т. 1. С. 190.

⁶ Апелляционное постановление Яковлевского районного суда Белгородской области по делу № 10-4/2019 от 29 мая 2019 г. URL: <https://sudact.ru/magistrate/>

⁷ Апелляционное постановление Ленинского районного суда г. Иваново от 22 ноября 2018 г. по делу № 10-37/2018. URL: <https://sudact.ru/magistrate/>

⁸ Приговор мирового судьи судебного участка № 34 г. Артема Приморского края от 29 апреля 2013 г. по делу № 1-7/2013. URL: <https://sudact.ru/magistrate/>

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Комаров И. М. К вопросу разработки криминалистического учения о тактических комбинациях в расследовании преступлений // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 2. С. 3.

*Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия*

Комбарова Е. Л., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru

Тел.: 8-950-768-77-80

*The Central Branch of the Russian
State University of Justice*

Kombarova E. L., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Judicial Expertise and Criminalistics Department

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru

Tel.: 8-950-768-77-80

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДОМ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЭКСПЕРТА ПРИ ОЦЕНКЕ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Аннотация: рассматриваются основные вопросы определения компетенции эксперта при оценке экспертного заключения судом: уровень профессиональной подготовки эксперта, опыт практической работы.

Ключевые слова: экспертиза, суд, заключение эксперта, оценка, ошибка, компетенция, компетентность.

DETERMINATION BY THE COURT OF THE EXPERT'S COMPETENCE IN EVALUATING THE EXPERT OPINION

Abstract: the article deals with the main issues of determining the competence of an expert when evaluating an expert opinion by a court: the level of professional training of an expert, practical experience.

Key words: expertise, court, expert opinion, assessment, error, competence, competence.

Поступила в редакцию 21 октября 2020 г.

В условиях развития науки и техники, информационных технологий, повышения качества судопроизводства возникает необходимость применения специальных знаний в целях достоверного установления фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию. От использования экспертизы во многом зависит исход процесса. На сегодняшний день закон позволяет использовать экспертизу практически при решении любых дел, рассматриваемых в судах.

В настоящее время судами используются многие виды экспертиз, такие как строительная, товароведческая, бухгалтерская, почерковедческая, судебно-техническая экспертиза документов, экологическая, техническая, медико-социальная, оценочная, экспертиза ценности документов и многие другие. Об этом свидетельствует не только рост числа экс-

пертиз и исследований, выполняемых в государственных судебно-экспертных организациях различных министерств и ведомств, но и бурно развивающаяся негосударственная судебно-экспертная деятельность, в рамках которой нередко реализуется законодательный принцип состязательности и равноправия сторон в судебном разбирательстве.

К сожалению, с ростом числа экспертиз растет и количество назначенных повторных экспертиз. Одним из факторов назначения повторных экспертиз является наличие ошибок в заключении эксперта, некачественное производство экспертиз. Причины возникновения ошибок различны и достаточно подробно проанализированы и классифицированы учеными. К одной из этих ошибок относится некомпетентность эксперта при производстве исследования, которая, к сожалению, в последнее время все чаще приобретает существенное значение при оценке заклю-

чения эксперта в суде. Компетентность эксперта при производстве экспертиз является важнейшим фактором, оказывающим значительное влияние на качество выполнения экспертизы, полноту, всесторонность и объективность проведенного исследования. Компетентность эксперта предполагает теоретическую и практическую подготовленность к решению экспертных задач, применение современных методов и средств в рамках своей компетенции, соответствующей полученной экспертной специальности. Рассмотрению компетентности лиц, привлекаемых в качестве экспертов для дачи заключения, в получении достоверных выводов по результатам исследования посвящено немало трудов отечественных ученых¹.

Однако до настоящего времени определение компетентности сведущего лица в определенной области знаний остается актуальным.

На стадии назначения экспертизы участниками судопроизводства решаются многие вопросы: относимость и допустимость объектов исследования, получение образцов для сравнительного исследования, формулировка вопросов перед экспертом и т. д. Одним из таких вопросов является вопрос о выборе экспертной организации, конкретного специалиста, обладающего специальными знаниями и способного решить поставленные судом вопросы. В настоящее время имеется широкий выбор экспертных организаций, как государственных, так и негосударственных (частных). Российское законодательство не устанавливает приоритет выбора экспертной организации. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 дается разъяснение о том, что экспертиза может быть проведена как в государственных судебно-экспертных учреждениях, так и в негосударственных либо лицом, обладающим специальными познаниями.

При этом суд не может отказать в проведении экспертизы в негосударственном судебно-экспертном учреждении либо частным лицом, обладающим специальными познаниями в силу того, что экспертиза может быть поручена государственному судебно-экспертному учреждению².

В отношении же судебного разбирательства по уголовным делам постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 разъяснено, что при невозможности назначения экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности, надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований, производство экспертизы может быть поручено другому государственному судебно-экспертному учреждению, не обслуживающему данную территорию, негосударственному экспертному учреждению, частному лицу³.

В гражданском и арбитражном судопроизводстве стороны предлагают производство экспертизы в конкретном экспертном учреждении конкретным специалистом с предоставлением сведений об эксперте, сроках проведения экспертизы, ее стоимости. Однако окончательный выбор экспертной организации остается за судом.

На стадии назначения экспертизы действующее процессуальное законодательство не предусматривает особого порядка проверки судом компетентности судебного эксперта.

При назначении судом экспертизы в государственное судебно-экспертное учреждение судом не назначается конкретный эксперт и не выясняется его компетентность. Данная обязанность лежит на руководителе экспертной организации. Руководителем государственной судебно-экспертной организации производ-

ство экспертизы поручается конкретному эксперту, исходя из его специальности, опыта работы, загруженности по производству других экспертиз. Следовательно, ответственность за качество производства экспертизы, наличие специальных знаний и практического опыта у эксперта несет руководитель государственного судебно-экспертного учреждения.

При назначении экспертизы в негосударственное судебно-экспертное учреждение либо лицу, обладающему специальными познаниями, суд должен выяснить его образование, специальность, стаж работы, должность в экспертной организации. На практике такая проверка заключается в обозрении копий документов специалиста, рекомендуемого стороной для производства исследования.

В обоих случаях суд, стороны в деле перед назначением экспертизы не имеют возможности в полной мере оценить компетентность эксперта, так как при назначении в государственное судебно-экспертное учреждение суду вообще не известно, кому будет поручено производство экспертизы. При назначении же экспертизы в негосударственное судебно-экспертное учреждение либо лицу, обладающему специальными познаниями, у суда имеется возможность изучить официальные документы сведущего лица, подтверждающие наличие специальных познаний в той или иной области. Однако ни научные звания, ни большой стаж работы, ни наличие у лица документов о прохождении им различных образовательных курсов не гарантируют полноты, объективности и всесторонности проведения исследования. Если в государственных судебно-экспертных организациях нормативными правовыми актами установлен порядок обязательного прохождения обучения сотрудников, повышения их квалификации и аттестации, то для негосударственных судебных экс-

пертов подобной системы пока не существует, процедура их сертификации носит не обязательный, а добровольный характер и осуществляется на коммерческой основе, что иногда влечет за собой возникновение парадоксальных ситуаций. На практике имеются случаи, когда такой «сертифицированный» специалист, не имея высшего профильного образования, обладает документами, свидетельствующими о наличии у него специальных знаний по двум-трем экспертным специальностям, не связанным с его основной квалификацией по диплому о высшем образовании. Такие «документы»-свидетельства раздают повсеместно различные организации – ассоциации, объединения, общества и др., часто вообще не имеющие лицензии на образовательную деятельность. В то же время подготовку специалистов осуществляют частные и государственные образовательные учреждения, но по сокращенной программе и на коммерческой основе. Выпускники таких образовательных учреждений имеют очень слабую подготовку по специальности и никакого практического опыта. Такие специалисты, стремясь показать свою значимость при производстве экспертиз, манипулируют различными методами и методиками, создают ложный эффект научного исследования при решении задач, требующих не только высокой и узкоспециализированной квалификации, но и значительного опыта работы по определенной экспертной специальности. Такие заключения, выполненные в псевдонаучном стиле и изобилующие специальной терминологией, иллюстрациями и многостраничными приложениями, как правило, вызывают затруднения в их восприятии сторонами процесса и оценке судом, создают ложное впечатление о большой проделанной работе. Так, при производстве одной комплексной автотехнической экспертизы экспертом

были сделаны и приложены к заключению эксперта множество фотоснимков по осмотру автомашины после того, как уже все повреждения на автомашине были устранены. Данные фотоснимки не имели никакой информации при проведении исследования.

В то же время выполнение экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении также не гарантирует выполнения всестороннего, полного и объективного исследования. В большинстве случаев полнота, объективность и всесторонность исследования зависят от самого эксперта, его личностных характеристик, наличия у него теоретических знаний и практического опыта, отношения к проводимому исследованию. Немаловажную роль при этом играет и руководитель экспертной организации, от которого зависит прохождение периодической аттестации экспертов, повышение их теоретического уровня знаний, освоение новых методов и методик, контроль за выполнением экспертиз и исследований.

В конечном итоге компетентность эксперта определяется при оценке непосредственно самого заключения эксперта. К критериям оценки компетентности, на наш взгляд, относятся:

– культурность в оформлении заключения эксперта. Заключение эксперта должно содержать все необходимые реквизиты, предусмотренные законодательством (УПК, АПК, закон об государственной судебно-экспертной деятельности). Структура заключения эксперта выработана практикой и достаточно подробно описана в литературе. По каждому виду экспертиз существуют образцы. Несоблюдение структуры заключения свидетельствует о невнимательности, безответственности к проведению исследования, о низком культурном уровне. Например, на практике, в заключениях экспертов встречаются такие ошибки, как

специально выделенные части – вводная часть, в исследовательской части выделены стадии раздельного исследования, сравнительного исследования, оценки результатов, в иллюстрациях к заключению эксперта пояснительные надписи выполняются не под изображениями, а над ними, при разметке различающиеся признаки размечаются красящим веществом красного цвета (на практике принято совпадающие признаки размечать красителем красного цвета). Такие ошибки также свидетельствуют о безразличном отношении к качеству выполняемой работы, документальному оформлению заключения эксперта. Имеет место также недостаточный контроль со стороны руководства экспертной организации. В некоторых судебных заключениях, выполненных в частных экспертных организациях, вводная часть представлена в табличной форме, указываются такие данные экспертной организации, как ИНН, ОГРН, фактический и юридические адреса и т. д. Экспертной практикой выработанная структура заключения эксперта, но в разных подведомственных экспертных организациях имеются свои особенности. На наш взгляд, правильнее было бы закрепить единую структуру заключения эксперта в федеральном законе в качестве образца;

– правильность и логичность употребления специальных терминов, построения предложений. Неверное употребление специальных терминов, непонимание их сути свидетельствует о низком теоретическом уровне подготовки эксперта. При проведении рецензирования в некоторых текстах экспертных заключений встречаются нелогичность изложения проведенного исследования, объединения результатов исследования различных объектов, многочисленные повторы. Все это непосредственным образом связано с личностными характеристиками специалиста

и свидетельствует о его отношении к проводимому исследованию;

- правильный выбор методик и методов проведения исследования и умение применять их в практической деятельности;

- верное оценивание результатов применения методов и правильные выводы;

- убедительность и обоснованность сделанных выводов. Данное положение должно подкрепляться иллюстративным материалом.

Негативная оценка экспертного заключения судом в большинстве случаев свидетельствует о некомпетентности эксперта, а некомпетентность эксперта должна находить свое отражение в его рейтинге. В таком случае участникам судопроизводства намного легче будет вы-

брать специалиста или конкретную экспертную организацию для проведения судебной экспертизы.

К сожалению, в настоящее время такой общий рейтинг специалистов не существует и данный вопрос на практике требует решения не только разработки положений рейтинга специалистов в разных областях науки, техники и искусства, проведения организационных мероприятий, но и законодательного закрепления.

Существующие в некоторых частных организациях списки специалистов по определенным направлениям исследований нельзя отнести к рейтингам.

На практике суды часто ориентируются на тех специалистов и те экспертные организации, с которыми им уже приходилось работать при проведении экспертиз.

¹ См.: *Зинин А. М., Майлис Н. П.* Судебная экспертиза : учебник. М., 2002 ; Судебная экспертиза : типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2016 ; *Зайцева Е. А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : монография. М., 2010 ; *Моисеева Т. Ф.* О компетенции судебного эксперта // *Эксперт-криминалист.* 2008. № 1. С. 31–33 ; *Юматов В. А.* Компетенция и компетентность судебного эксперта : содержание и объем понятий // *Вопросы экспертной практики.* 2017. № S1. С. 391–400 ; *Шведова Н. Н.* Компетентность судебного эксперта как ключевой фактор, определяющий достоверность его выводов (по материалам практики исследований документов по установлению давности выполнения реквизитов) // *Судебная экспертиза.* 2018. № 3 (55). С. 65–71.

² См.: О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе : постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

Кудрявцев Ю. С., старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики

E-mail: kyus63@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 271-54-15

The Central Branch of the Russian State University of Justice

Kudryavtsev Yu. S., Senior Lecturer of the Department of Forensic Examination and Criminalistics

E-mail: kyus63@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 271-54-15

Л. И. Малахова

Воронежский государственный университет

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СРОКОВ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ

А н н о т а ц и я: статья посвящена процессуальным срокам производства дознания. В ней также анализируется принцип разумного срока производства по уголовным делам, определяется последовательность продления процессуальных сроков при производстве дознания как одной из форм предварительного расследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: предварительное расследование, дознание, процессуальные сроки, разумный срок.

PROCEDURAL ASPECTS OF DETERMINING THE TERMS OF PRODUCTION OF INQUIRY

A b s t r a c t: the article is devoted to the procedural terms of the inquiry. It also analyzes the principle of a reasonable time frame for criminal proceedings, determines the sequence of extending procedural time limits in the conduct of an inquiry as one of the forms of preliminary investigation.

Key words: preliminary investigation, inquiry, procedural terms, reasonable time.

Поступила в редакцию 26 октября 2020 г.

Судопроизводство по уголовным делам осуществляется в сроки, которые непосредственно закреплены в УПК РФ. Данные сроки могут продляться исключительно в порядке, который допускает УПК РФ и с тем условием, что уголовное судопроизводство должно быть осуществлено в разумный срок.

В части определения процессуальных сроков возникают определенные проблемы. В частности, В. М. Быков полагает, что «нормы права о процессуальных сроках нельзя относить к числу принципов уголовного судопроизводства»¹. В свою очередь, А. С. Архипов, напротив, считает, что «данный принцип является требованием, соответствующего ранга, к полномоченным лицам, об осуществлении обязанностей по выполнению функции уголовного преследования»².

Здесь следует отметить, что разумный срок должен представлять собой определенное количество времени, необходимое для проведения процессуальных действий, которые, в свою очередь, необходимы для полного, объективного и всестороннего расследования по уголовному делу.

Согласно ч. 3 ст. 223 УПК РФ производство предварительного расследования в форме дознания производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. При необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток.

Прокурор района или города имеет право в некоторых случаях продлить срок дознания до 6 месяцев, например, если для проведения полного и объективного расследования требуется экспертиза. Продлить срок дознания выше шести месяцев возможно в исключительных случаях, когда требуется исполнить запрос

© Малахова Л. И., 2021

о правовой помощи. Данное продление производится прокурором субъекта РФ на срок до 12 месяцев.

В случае производства дознания в сокращенной форме предварительное расследование должно быть окончено «в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. В этот срок включается время со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением» (ст. 226.6 УПК РФ). Срок производства дознания в сокращенной форме может быть продлен прокурором до 20 суток, что возможно только в случае заявления обвиняемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела ходатайств о признании доказательства, указанного в обвинительном постановлении, недопустимым в связи с нарушением закона, допущенным при получении такого доказательства, о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по уголовному делу, собранных в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления, о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу, а также последующего удовлетворения таких ходатайств дознавателем.

По сравнению со сроками производства следствия данные сроки производства дознания гораздо меньше.

Такое решение законодателя объясняется тем, что дознание производится по уголовным делам небольшой и средней степени тяжести, процесс доказывания в данной категории уголовных дел не представляет собой особой сложности по сравнению с уголовными делами по тяжким или особо тяжким преступлениям. Ряд авторов говорят о процессуальной экономии. В частности, В. А. Семенцова считает, что «производство дознания позволяет сократить время между совершением преступления и наказанием лица, его совершившего. За счет этого и достигается социально полезная цель общего специального предупреждения преступности»³.

В течение последних лет при реформировании законодательства одной из самых приоритетных задач является сокращение сроков предварительного следствия и судопроизводства по уголовным делам. Несомненно, решение этой немаловажной задачи напрямую зависит от практических работников в области правоохранительной деятельности, а не только от законодательной власти Российской Федерации. Однако желание законодателя ускорить производство по уголовным делам часто приводит к отрицательным результатам. Часто причиной нарушения сроков служит необходимость, прописанная в УПК РФ, направления запросов в медицинские учреждения для проведения судебно-медицинской экспертизы, назначение других экспертиз, таких как психиатрическая, наркологическая и др. Также еще одной причиной является направление различных поручений в другие субъекты Российской Федерации при производстве следственных действий. Таким образом, соблюсти все процессуальные сроки в данное время является достаточно сложно, а иногда и невозможно.

У дознания в общем порядке как формы предварительного расследования отсутствует критерий «очевидности», что

во многих случаях означает необходимость проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление лица, совершившего преступление, что также отнимает время дознавателя.

Как отмечает С. А. Захарова, «нагрузка одного дознавателя составляет 100 находящихся в производстве дознавателей уголовных дел. Данный показатель вдвое превышает нормативную нагрузку»⁴.

Исследуя проблемы процессуальных сроков, Г. Б. Петрова справедливо указывает на то, что «каждый установленный законом срок так или иначе связан с процессуальным действием (или их совокупностью) либо с принятием решения»⁵.

Одним из условий эффективного и объективного расследования преступлений является определенный порядок совершения процессуальных действий и принятие решений в определенный срок. Дознание как упрощенная форма расследования соединено с отнюдь не упрощенным набором следственных действий и наделением органов дознания обязанностью устанавливать широкий круг обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Для того чтобы сроки обладали свойством эффективности, т. е. качественно влияли на состояние процесса правового регулирования, законодатель вынужден предусмотреть в нормах права такие промежутки времени, которые бы соответствовали тому объему работы, который предстоит выполнить в течение этого времени.

Поэтому представляется, что срок производства дознания по уголовному делу должен быть «золотой серединой» между теми максимально укороченными сроками, которые хотелось бы иметь потерпевшим, рассчитывающим на скорый доступ к правосудию, и сроками, достаточными для производства всех необходимых следственных и иных процессу-

альных действий. Представляется, что срок в 30 суток достаточен для производства всех необходимых следственных действий, направленных на выяснение и установление в полном объеме обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

В тех экстраординарных случаях, когда производство дознания связано с большим объемом следственных действий, производством судебных экспертиз, срок дознания по уголовному делу подлежит продлению. Однако продление срока дознания, безусловно, должно быть мотивировано. Порядок продления срока дознания также отличается от аналогичных действий при производстве предварительного следствия. Законом установлено, что срок дознания по уголовному делу, составляющий 30 суток, может быть продлен прокурором до 30 суток. При этом не конкретизировано, прокурору какого уровня доступны указанные полномочия.

В этом случае необходимо руководствоваться ч. 31 ст. 5 УПК РФ, согласно которой под понятием «прокурор» понимается Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре.

Продление срока дознания до 6 месяцев производится только прокурором района, города, приравненным к ним военным прокурором и их заместителями. Продление срока дознания с 6 до 12 месяцев – только прокурором субъектов РФ и приравненным к ним военным прокурором в случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи.

Указанная структура, сформированная в кодексе, выглядит не совсем последовательной. По мнению Т. В. Каша-

ниной, одним из правил формирования нормативных документов, к которым относятся общие и неординарные логические правила, используемые в процессе законотворчества, являются согласованность различных частей правового документа и отсутствие дублирования нормативных предписаний.

Нормы УПК РФ, регулирующие продление срока дознания до 30 суток, дублируют нормы, регулирующие продление срока дознания до 6 месяцев.

Право продления срока дознания до 30 суток предоставлено законодателем всем без исключения прокурорам, а право продления срока дознания до 6 месяцев – только прокурорам района, города, приравненным к ним военным прокурорам и их заместителям. Указанным правом не наделены прокуроры транспортных и иных специализированных прокуратур, что свидетельствует об отсутствии согласованностей различных частей документа.

Реформа норм УПК РФ, регламентирующих подследственность уголовных дел, по которым производится дознание, повлекла за собой и необходимость реформирования норм о порядке производства дознания. Возникла необходимость изменения сроков производства дознания, введения возможности их продления.

Вместе с тем в действующей на настоящий момент редакции УПК РФ начальник органа дознания, возглавляя соответствующий орган дознания, лишен полномочий по установлению и продлению сроков дознания. Начальнику органа дознания определена «созерцательная роль» за сроками производства дознания подчиненными ему дознавателями.

На практике возникают ситуации, когда дознавателем предоставлялись прокурору материалы уголовного дела для продления срока дознания, при этом продление срока дознания было не мотивировано, а вызвано лишь халатным от-

ношением дознавателя к своим должностным обязанностям, и срок дознания истек, а перечень необходимых следственных действий дознавателем не выполнен. Прокурор вынужден продлевать срок дознания, так как законодателем ему не предоставлено иных вариантов поведения.

Поэтому «именно ведомственный контроль начальника органа дознания за действиями дознавателя и возложение на него полномочий по первоначальному продлению срока дознания до 30 суток могли бы устранить возможные варианты халатного отношения должностных лиц к обязанностям по производству дознания»⁶.

Начальнику органа дознания необходимо предоставить и аналогичные права по установлению срока дознания при возобновлении ранее приостановленного дознания. Указанные полномочия позволят начальнику органа дознания более ответственно контролировать сроки производства по уголовным делам, находящимся в производстве органа дознания. Кроме того, перечень должностных лиц органов прокуратуры, уполномоченных на продление сроков дознания, недостаточно конкретизирован в УПК РФ. Предусмотрено, что срок расследования уголовного дела может быть продлен до 6 месяцев прокурором района, города, приравненным к ним военным прокурором и их заместителями. К вышеуказанному перечню не относятся прокуроры транспортных и иных специализированных прокуратур. Вместе с тем прокуроры транспортных прокуратур осуществляют надзор за производством дознания дознавателями таможенных органов и органов внутренних дел на транспорте.

Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 6 сентября 2007 г. № 137 (в ред. от 28.12.2007) установлено, что сроки дознания до 6 месяцев продлеваются прокурорами городов,

районов и приравненными к ним прокурорами или их заместителями, а свыше 6 месяцев – прокурорами субъектов РФ и приравненными к ним прокурорами, т. е. перечень должностных лиц, уполномоченных продлять сроки дознания, обособно расширен⁷.

В этой связи целесообразно установить такую последовательность продления сроков дознания: при возбуждении уголовного дела срок дознания составляет 30 суток и может быть продлен на срок до 30 суток мотивированным поста-

новлением начальника органа дознания. По истечении указанного периода срок дознания может быть продлен до 6 месяцев прокурором района, города, приравненным к ним военным, иным специализированным прокурором и их заместителями. По истечении 6-месячного срока, срок дознания может быть продлен до 12 месяцев прокурором субъекта РФ и приравненным к нему военным, иным специализированным прокурором, но только в случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи.

¹ Быков В. М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Архипов А. С. Разумный срок уголовного судопроизводства как показатель эффективности процессуальной деятельности участников стороны обвинения на стадии предварительного расследования // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 28. С. 98.

³ Семенцов В. А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар, 2013. С. 454.

⁴ Захарова С. А. Сокращение сроков расследования и судебного рассмотрения уголовных дел // Законность. 2010. № 1. С. 38.

⁵ Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 64.

⁶ Долгов А. М. К вопросу об определении сроков производства предварительного расследования в форме дознания и порядке их продления // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. 2016. № 9. С. 79.

⁷ См.: Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 6 сентября 2007 г. № 137 (в ред. от 28.12.2007) // Законность. 2007. № 11.

Воронежский государственный университет

Малахова Л. И., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

E-mail: malah78@mail.ru
Тел.: 8 (473) 220-84-02

Voronezh State University

Malakhova L. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process Department

E-mail: malah78@mail.ru
Tel.: 8 (473) 220-84-02

Е. И. Попова

*Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия*

Б. А. Дабаев

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

ТАКТИКА ДОПРОСА ЭКСПЕРТА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

А н н о т а ц и я: авторы акцентируют внимание на целесообразности использования знаний криминалистики в цивилистическом процессе. Проанализированы особенности участия эксперта в арбитражном судопроизводстве. На основе этого предложен комплекс тактико-криминалистических рекомендаций, призванных повысить эффективность взаимодействия суда, сторон с этим участником процесса, выделены типичные судебные ситуации, возникающие в связи с участием эксперта в арбитражном судопроизводстве, обозначены алгоритмы их разрешения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: арбитражный процесс, криминалистическая тактика, эксперт, истец, ответчик, суд, судебная экспертиза.

TACTICS OF QUESTIONING AN EXPERT IN THE ARBITRATION PROCESS

Abstract: the authors focus on the feasibility of using the knowledge of criminology in the civil process. The article analyses the peculiarities of the participation of experts in arbitral proceedings. Based on this, a set of tactical and forensic recommendations is proposed to improve the effectiveness of interaction between the court and the parties with this participant in the process, typical judicial situations arising in connection with the participation of an expert in arbitration proceedings are identified, and algorithms for their resolution are outlined.

Key words: arbitration process, forensic tactics, expert, plaintiff, defendant, court, forensic examination.

Поступила в редакцию 22 июня 2021 г.

Как известно, допрос – одно из самых распространенных процессуальных действий не только в уголовном, но и в цивилистическом процессе. Он предполагает беседу двух и более участников судопроизводства с целью получения необходимой для установления важных обстоятельств дела информации. Как верно отмечает М. В. Жижина, судебный допрос

имеет ряд важных отличий от допроса следственного. В их числе автор называет специфичность источников информации; полисубъектность допроса; его состязательность (многофункциональность); иерархичность построения¹. К сказанному следует добавить и особую роль судьи, призванного обеспечивать поступательность, законность, объективность и полноту рассмотрения дела, а также непродолжительность этого про-

---

© Попова Е. И., Дабаев Б. А., 2021

цессуального действия. Последнее обстоятельство имеет принципиально важное значение, поскольку требует от допрашивающего (тем более при наличии типичной ситуации, когда он ранее не вступал в контакт с допрашиваемым) особых усилий, направленных на получение информации, имеющей существенное значение для разрешения дела, а также преодоления противодействия со стороны отдельных участников судопроизводства.

Заметим, что наукой криминалистической давно и успешно разработаны комплексы эффективных тактических приемов, призванных оптимизировать рассматриваемое процессуальное действие. И здесь мы полностью согласны с позицией ряда исследователей (Т. С. Волчецкая, Е. П. Ищенко, М. В. Жижина, В. А. Новицкий, А. С. Ладошкин и др.) о целесообразности применения знаний криминалистики для оптимизации рассмотрения дел в гражданском процессе. Соответствующие знания, адаптированные для целей гражданского и арбитражного процесса, могут успешно использоваться субъектами, в них участвующими.

И здесь позволим себе сделать небольшое, но принципиально важное для целей анализируемого нами вопроса отступление. Несмотря на то что категория «допрос» в основном характерна для уголовного судопроизводства, а в процессе арбитражном принято, скорее, использовать такие термины, как «опрос», «объяснения сторон» (ст. 81 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации – далее АПК РФ), цели этих процессуальных действий во многом совпадают. Взяв за основу этот тезис, в рамках настоящей публикации будем использовать обозначенные дефиниции как тождественные.

В арбитражном процессе порядок допроса регламентируется ч. 3 ст. 86 АПК

РФ, в соответствии с которой после оглашения заключения эксперта в судебном заседании ему могут быть заданы вопросы в целях разъяснения (пояснения) и дополнения заключения.

По данным проведенного одним из авторов настоящей публикации – Б. А. Дабеевым – интервьюирования², около 52 % опрошенных юристов рассматривают экспертизу главным доказательством в деле, 23 % не считают заключение и показания эксперта приоритетными доказательствами, 25 % опрошенных полагают, что судебная экспертиза имеет, безусловно, важное значение, но не во всех делах. Комментируя, дополняя ответы респондентов, отметим, что зачастую влияние обозначенных источников доказательственной информации на принятие процессуальных решений зависит от допроса эксперта.

«Отвечая на вопросы, эксперт имеет возможность выдвинуть дополнительные аргументы в обоснование сделанных им выводов, сослаться на справочную литературу; объяснить, почему в основу сделанных им выводов положены те или иные признаки (обстоятельства, критерии), какова достоверность полученных результатов, на чем основаны его расчеты и выводы. ...Отвечая на вопросы сторон и суда, эксперт своими показаниями-разъяснениями и дополнениями должен способствовать правильному пониманию сторонами и судом его заключения, надлежащей его оценке»³.

На практике эксперта преимущественно вызывают в судебное заседание и допрашивают единожды, стремясь задать ему все имеющиеся у сторон и суда вопросы, связанные с проведенным исследованием. Даже в случаях, когда заключение объемно, включает множество страниц, фотоматериалов, арбитражный суд крайне редко назначает дополнительное заседание с участием этого же эксперта. Это,

как правило, обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, нежеланием самого эксперта вновь являться в суд, ввиду занятости и/или отсутствия вознаграждения за повторное участие в судебном разбирательстве. Во-вторых, судьи, ввиду высокой нагрузки, необходимости соблюдения процессуальных сроков, зачастую вынуждены рассматривать дела как можно быстрее. Типичны ситуации, когда судебное заседание длится 5–15 минут. Сказанное подтверждается в том числе и данными, полученными Национальным исследовательским университетом Высшей школы экономики в 2017 г. и размещенными на официальном сайте правового портала «Право.гу». Так, отмечается, что в среднем российские судьи слушают по два дела в день с темпом в три-пять раз выше рекомендуемого, в результате тратя на рассмотрение одного дела меньше времени, чем могли бы⁴.

Как известно, в арбитражном судопроизводстве могут участвовать и государственные эксперты, и эксперты частных учреждений. Их профессиональная деятельность регулируется Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ)⁵. Государственные эксперты, как правило, используют общепринятые сертифицированные методики и методы исследования, прошедшие апробацию и рекомендованные к внедрению в установленном порядке. У частных экспертов ситуация иная, законодательно до сих пор не закреплены четкие требования к образованию, опыту, специализации, методикам проводимых исследований. И несмотря на то что на деятельность частных (негосударственных) экспертов распространяются такие принципы государственной судебно-экспертной деятель-

ности, как объективность, всесторонность и полнота исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники (ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ), зачастую ошибки и нарушения при производстве экспертизы они допускают чаще, чем государственные эксперты⁶.

Данный вывод сделан нами на основе изучения специальной литературы⁷, анализа судебной практики⁸, а также данных, полученных в результате ранее обозначенного интервьюирования. Так, 63 % опрошенных юристов оценивают высокую вероятность совершения ошибок при производстве экспертизы негосударственными экспертами, 27 % не согласны с этим, 10 % воздержались от дачи ответа.

Вместе с тем приходится констатировать, что ошибки допускаются и государственными экспертами. В целом обозначенные ошибки можно классифицировать на процессуальные, гносеологические, деятельностные, субъективные⁹. Первые из названных видов ошибок связаны с нарушением процессуального режима при проведении исследования. Для их выявления рекомендуется соотнести содержание заключения и данные о выполнении требований закона, полученные в рамках допроса эксперта с нормативными требованиями к проведению анализируемого процессуального действия.

Гносеологические (т. е. логические, фактические, предметные), а также деятельностные ошибки выявляются труднее. В целом алгоритмы их обнаружения достаточно полно изложены в специальной научной литературе по судебно-экспертной деятельности¹⁰.

К субъективным ошибкам относятся те, что обусловлены личностными, в том числе психоэмоциональными, физиологическими особенностями этого субъекта. К ним относятся неаккуратность, не-

внимательность, поверхностное производство исследования, дефекты органов чувств эксперта (слуха, зрения и пр.), переутомление, стресс и т. д.¹¹ При наличии оснований предполагать субъективные ошибки, эксперту рекомендуется задавать соответствующие вопросы, например, о состоянии здоровья, объеме работ в период проведения анализируемого исследования.

Именно с помощью содержательно максимально полно выстроенного допроса эксперта суду и иным участникам дела удастся оценить полноту, объективность, достоверность и законность проведенного исследования. Такой подход при допросе способствует всестороннему разрешению дела. Однако на практике, как мы указывали ранее, судьи не всегда уделяют много времени проведению анализируемого процессуального действия, в связи с чем зачастую наиболее полный подход к изучению заключения эксперта и его допросу демонстрируют преимущественно истец и ответчик. При этом цели и интересы, которые преследуют такие субъекты, как известно, не совпадают.

Так, например, в одном судебном деле¹², в котором принимал участие один из соавторов настоящей публикации – Б. А. Дабаев, – в качестве представителя на стороне ответчика были назначены две судебных экспертизы (оба учреждения негосударственные). Первая была в пользу ответчика, но при допросе в суде эксперта было выяснено, что эксперты при изготовлении заключения допустили опечатку. В судебном заседании эксперт, ответчик, третье лицо утверждали, что это не влияло на выводы об отсутствии необходимости реконструкции и модернизации существующих объектов теплоснабжения, холодного водоснабжения в связи с подключением (технологическим присоединением) к ним объектов.

Однако истец усомнился в обоснованности заключения экспертов, и по его инициативе суд назначил повторную экспертизу. После ознакомления с выводами эксперта сторона ответчика обнаружила, что «новый» эксперт (также негосударственный) при проведении расчетов заведомо использовал некорректные данные, которые повлияли на вывод заключения в пользу истца. Информация о фактически ложном заключении эксперта о производительности установленных насосов, располагаемой мощности теплоисточника для покрытия тепловой нагрузки стала известна после того, как сторона ответчика представила суду оформленную рецензию специалиста на заключение эксперта. Прибегнув к такому тактическому приему, удалось убедить судью в необоснованности выводов повторной экспертизы.

Типичны ситуации, когда истец, ответчик или третье лицо пытаются представить заключение, показания эксперта с выгодных для них позиций¹³ (к примеру, несоответствие проведенной экспертизы необходимым критериям, отсутствие достоверности, полноты, законности проведенного исследования). Для обоснования такой позиции рекомендуем стороне привлечь специалиста, который бы по результатам своей собственной (независимой) оценки представил суду заключение по вопросам, связанным с проведенной судебной экспертизой.

В арбитражном процессе специалист выполняет консультативные функции (ст. 55.1, 87.1 АПК РФ). Поскольку консультации специалиста имеют преимущественно общеинформативный (справочный) характер, ему могут быть заданы вопросы относительно источника сведений, на основе которых он сделал выводы об их надежности и достоверности.

В то же время при допросе эксперта последнему может быть предложено

прокомментировать заключение специалиста и ответить на возникшие в связи с этим вопросы.

Хотелось бы обратить внимание и на следующую типичную ситуацию. Допрашивая эксперта, некоторые юристы-представители пытаются скомпрометировать этого участника судопроизводства, в достаточно жесткой форме указывая на его некомпетентность, индивидуальные недостатки личности и т. п. Цель проста – выставить эксперта в неприглядном свете перед судом и иными участниками процесса, поставить под сомнение достоверность сделанных им выводов. Суду следует пресекать подобного рода «выпады» со стороны участников процесса, при необходимости используя процессуальные меры воздействия (удалить из зала судебного заседания, ограничить выступление, наложить судебный штраф).

Представителю-юристу рекомендует-ся для проведения содержательно наиболее полного исследования и последующего допроса эксперта еще до судебного разбирательства установить психологический контакт с этим субъектом. Это может быть сделано, к примеру, в период проведения судебной экспертизы. Именно тогда целесообразно выстроить профессиональные деловые отношения, в том числе путем оказания помощи эксперту (при необходимости в этом) при осмотре объекта экспертизы, даче пояснений и комментариев, необходимых для полного и всестороннего исследования. Вместе с тем важно не нарушить тонкую грань, поскольку на практике чрезмерная активность некоторых юристов становится помехой в проведении исследования, что может вызвать негативное отношение со стороны как эксперта, так и его коллег.

В судебной практике могут быть ситуации, когда в процесс вызываются несколько экспертов. Это типично в случае

производства комиссионных, комплексных и повторных экспертиз. Тактически верно, чтобы все эксперты присутствовали в зале судебного заседания с самого начала судебного разбирательства и обязательно слушали показания своих коллег. Допрашиваются все эксперты. Причем они могут задавать вопросы друг другу и участвовать в перекрестных, шахматных допросах. Если выводы экспертов не совпадают, обязательно должны быть заданы вопросы относительно тех базовых моментов, которые были положены в основу выводов. Необходимо выяснить, использовали ли они одну и ту же методику или разные, в чем их различие, почему каждым экспертом была избрана именно эта методика; какие признаки, их совпадения и различия были выявлены каждым экспертом и как была оценена их информативность, по каким критериям; достаточны ли были полученные в результате исследования данные для сделанных выводов. В процессе допроса необходимо выяснить причину расхождений (при наличии таковых) в выводах разных экспертов. Каждому из них может быть предоставлена возможность прокомментировать заключение и показания коллег. Это очень важно для соблюдения принципа состязательности в процессе. Если этого не сделано, дело не может быть успешно рассмотрено.

В случае производства комиссионной экспертизы важно иметь в виду обстоятельство, на которое указывает Н. В. Парамонова. Автор отмечает: «...ведущим экспертом может быть оказано существенное влияние на результат экспертизы. Конечно, формально эксперт-организатор не имеет процессуальных преимуществ и не вправе, пользуясь своим авторитетом или опытом, склонять членов комиссии к тому или иному выводу.

Однако, в случае возникновения разногласий, главный эксперт может нарушать принципы независимости и личной ответственности эксперта путем разрешения конфликтных ситуаций с помощью различных форм воздействия (например, внушение, использование властных полномочий и пр.). Таким образом, наличие служебной зависимости членов экспертной комиссии может влиять на формирование коллективного мнения комиссии экспертов, вынуждая подчиненных приспособляться к складывающейся ситуации»¹⁴. С учетом изложенного, в случае проведения комиссионной экспертизы, при наличии сомнений в объективности проведенного исследования, помимо прочего, рекомендуется допрашивать всех экспертов, уточняя характер взаимоотношений при проведении исследо-

вания, наличие/отсутствие конфликтных ситуаций, условия, при которых принимались решения, и т. п.

Приведенные рекомендации призваны способствовать минимизации/профилактике обозначенных выше нарушений и ошибок, повышению эффективности допросов экспертов и объективности оценки их заключений и, как следствие, обеспечению законности, обоснованности и справедливости решений суда. В то же время следует учитывать, что предложенные рекомендации могут и должны корректироваться, реализовываться избирательно, в зависимости от судебной ситуации. Само же направление приложения усилий ученых в адаптации знаний криминалистики в сфере гражданского процесса должно, несомненно, развиваться.

¹ См.: *Жижина М. В.* Основы криминалистической тактики судебного допроса в гражданском (арбитражном) процессе : науч.-практ. пособие. М., 2012. С. 3.

² Интервьюирование проводилось в 2018–2019 гг. в отношении 68 юристов в сфере арбитражной практики в Москве, Иркутске, Улан-Удэ и Чите.

³ *Жижина М. В.* Тактика допроса эксперта в гражданском и арбитражном процессе // *Вестник арбитражной практики.* 2011. № 2. С. 46–53.

⁴ См.: Исследование : две трети судей работают вдвое больше, чем должны. URL: <https://pravo.ru/news/201888/>

⁵ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Отметим, что в арбитражном производстве в основном задействованы именно негосударственные эксперты.

⁷ См., например: *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М., 2010 ; *Судебная экспертиза : типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской.* М., 2014 ; *Парамонова Г. В.* Причины экспертных ошибок и пути их предотвращения // *Юридические науки.* 2015. № 3. С. 57–59 ; и др.

⁸ Один из примеров, в том числе подтверждающих названный вывод, приведен нами далее по тексту.

⁹ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 157. В литературе экспертные ошибки классифицируются и по другим основаниям. См., например: *Парамонова Г. В.* Указ. соч. С. 56–58 ; *Мазур Е. С., Иванов И. В.* О возможных ошибках в экспертных заключениях // *Вестник Томск. гос. ун-та.* 2014. № 387. С. 164–169.

¹⁰ См.: *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Указ. соч. ; *Парамонова Г. В.* Указ. соч. ; и др.

¹¹ См.: *Парамонова Г. В.* Указ. соч. С. 58.

¹² Решение Арбитражного суда Иркутской области от 22 октября 2019 г. по делу А19-20930/2016 // Архив Арбитражного суда Иркутской области.

¹³ См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 января 2019 г. по делу № А41-14790/2017 // Архив Арбитражного суда Московского округа.

¹⁴ *Парамонова Г. В.* Указ. соч. С. 59.

*Восточно-Сибирский филиал Российского
государственного университета правосудия*

Попова Е. И., кандидат юридических наук,
доцент, старший научный сотрудник кафедры
уголовно-процессуального права
и криминалистики

E-mail: popovaelena03@yandex.ru

*Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова*

Дабеев Б. А., аспирант кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
директор юридической компании «Центр
защиты бизнеса»

E-mail: main.bpcenter@gmail.ru

*East Siberian Branch
of the Russian State University of Justice*

Popova E. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher
of the Department of Criminal Procedure Law
and Criminalistics

E-mail: popovaelena03@yandex.ru

*Buryat State University
named after Dorzhi Banzarov*

Dabaev B. A., Post-graduate Student
of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics, Director of the Law Firm
«Center for Business Protection»

E-mail: main.bpcenter@gmail.ru

В. В. Саликова

Воронежский юридический техникум

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ПОЗНАНИЙ В ПРЕДМЕТЕ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА,
ЕГО СООТНОШЕНИЕ С УНИФИЦИРОВАННЫМ КРУГОМ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ УСТАНОВЛЕНИЮ
ПО КАЖДОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

А н н о т а ц и я: *рассматриваются особенности наличия в общем предмете доказывания определенных уровней познания, отображается специфика предмета доказывания при производстве о применении ПММХ.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *принудительные меры медицинского характера, предмет доказывания.*

**FEATURES OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE
IN THE SUBJECT OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES
ON THE USE OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES,
ITS RELATIONSHIP WITH THE UNIFIED RANGE
OF CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED
IN EACH CRIMINAL CASE**

A b s t r a c t: *the article discusses the features of the presence of certain levels of knowledge in the General subject of proof, displays the specifics of the subject of proof in the production of the use of PMMX.*

K e y w o r d s: *compulsory measures of a medical nature, subject of proof.*

Поступила в редакцию 22 июня 2020 г.

Ключевым признаком усложнения уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) является дополнение унифицированного предмета доказывания, предусмотренного ст. 73 УПК РФ. Оставляя в стороне доктринальные споры относительно содержания категории «предмет доказывания», отметим, что устоявшееся в науке уголовного

процесса ее толкование предполагает выделение из многих фактических обстоятельств, образующих исследуемое событие, лишь тех, которые имеют правовое значение, влияют на разрешение уголовного дела¹. В этом смысле предмет доказывания можно толковать как модель познавательной деятельности должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, в ходе которой устанавливаются обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ. Анализ положений названной нормы уголовно-процессуаль-

© Саликова В. В., 2021

ного закона позволяет констатировать наличие в общем предмете доказывания трех уровней познания.

Во-первых, это, как уже было отмечено, обобщенная нормативная модель, структура и содержание которой закреплены не только в ст. 73 УПК РФ, но и в нормах Общей части УК РФ. Как справедливо отмечает Н. П. Кузнецов, первый уровень предмета доказывания свободен от признаков конкретного преступления², поскольку оперирует общими понятиями, составляющими содержание состава преступления: объект и объективная сторона (событие преступления: время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания), а также субъект и субъективная сторона (виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание).

Во-вторых, предмет доказывания определяется на уровне норм Особенной части УК РФ, в которых сформулированы требующие установления в каждом конкретном случае юридические признаки конкретного преступления, охватывающие перечисленные выше признаки определенного его состава. В специальной литературе отмечается, что данный уровень предмета доказывания необходим для разработки криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений – краж, убийств, разбоев и т. д.³

В-третьих, понятие «предмет доказывания» конкретизируется применительно к обстоятельствам определенного деяния, составляющего предмет уголовного судопроизводства, что предполагает

проецирование требований закона относительно обстоятельств совершения, например, кражи на обстоятельства конкретного дела.

Не вызывает сомнений тот факт, что перечисленные выше общие положения о предмете доказывания и составляющих его элементах подвергаются конкретизации и преобразованию при усложнении процессуальной формы, предусмотренной главой 51 УПК РФ. В этой связи возникает вопрос, активно дискутируемый в специальной литературе: «Имеется ли в данном случае самостоятельный предмет доказывания?» Полагаем, что ответ на него содержится непосредственно в положениях ст. 434 УПК РФ, которые с учетом непосредственного предмета нашего исследования необходимо проанализировать более подробно.

Так, время, место, способ и другие обстоятельства совершения деяния, характер и размер вреда, им причиненного (п. 1, 3 ч. 1 ст. 434 УПК РФ), есть не что иное, как дублирование соответствующих пунктов ст. 73 УПК РФ. В данном случае подобный подход законодателя объясняется достаточно просто – деяние, совершенное психически больным лицом в состоянии невменяемости, не является преступлением. О справедливости данного тезиса свидетельствует анализ судебной практики. Так, в постановлениях о применении ПММХ суды во вводной части не приводят стандартной для приговора фразы: «обвиняется в совершении преступления, предусмотренного статьей... УК РФ», указывая на совершение лицом общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом в состоянии невменяемости, например, «покушение на умышленное уничтожение автомобиля путем поджога»⁴, «открытое хищение чужого имущества»⁵ и т. п.

Однако для установления этих обстоятельств в рамках производства о при-

менении ПММХ имеется ряд дополнительных причин. Доказанность времени совершения общественно опасного деяния является необходимым условием для решения вопроса о невменяемости лица в момент совершения общественно опасного деяния, поскольку в соответствии со ст. 21 УК РФ лицо не подлежит уголовной ответственности в том случае, если именно во время совершения общественно опасного деяния оно не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Кроме того, способ совершения деяния позволяет сделать вывод об общественной опасности лица, в отношении которого решается вопрос о применении ПММХ. В определенных случаях установление только способа совершения преступления дает следователю основание предположить, что деяние совершено психически больным лицом. Например, на месте совершения преступления обнаружен изуродованный труп со следами глумления⁶, что вряд ли может свидетельствовать о психическом состоянии, свойственном нормальному человеку. Еще один пример. П. обвинялся в совершении запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного п. «а», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, которое заключалось в нанесении 82-летней потерпевшей множественных колюще-режущих, а также рубленых ударов в области туловища и конечностей с использованием в качестве оружия двух топоров и ножа, в результате которых у потерпевшей были обнаружены следующие повреждения: перелом наружной пластинки лобной кости, перелом переднего края верхней челюсти слева, раны в лобной области, затылочной области, пе-

релом остистого отростка 4-го шейного позвонка, раны в области грудной клетки справа в 3-м межреберье по вертебральной и паравертебральной линиям, перелом правой лопатки, рана левой голени⁷.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 434 УПК РФ доказыванию подлежит факт совершения запрещенного уголовным законом деяния данным лицом, что, на наш взгляд, является преобразованием вопроса о виновности (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), поскольку он редуцирован путем исключения как самого понятия «вина», так как она характеризуется наличием волевого и интеллектуального элементов, отсутствующих в состоянии невменяемости, так и отсутствием необходимости установления мотива и цели совершения общественно опасного деяния. Следует отметить, что установление факта совершения общественно опасного деяния лицом, страдающим психическим заболеванием, имеет и процессуальное значение, поскольку предполагает усложнение процедуры производства предварительного расследования, что является одной из гарантий защиты прав и законных интересов такого лица.

Специфика предмета доказывания при производстве о применении ПММХ наиболее значимо проявляется в необходимости установления обстоятельств, названных в п. 4, 5 ч. 1 ст. 434 УПК РФ: наличие у лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу; связь психического расстройства лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда. Важным представляется вопрос об источниках доказательств. Так, если источником сведений о психических расстройствах в прошлом могут выступать медицин-

ские документы (амбулаторные карты, истории болезни, справка о наличии содержания на учете в психоневрологическом диспансере и т. п.), то их наличие в момент совершения деяния, а также в момент расследования уголовного дела устанавливается исключительно экспертным путем, поскольку имеет определяющее значение для решения двух вопросов: об освобождении душевнобольного от уголовной ответственности и о возможности его личного участия в уголовном судопроизводстве. На этот факт обращается внимание в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6, который указывает, что назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве (п. 3 ст. 196 УПК РФ). Сомнения подобного рода должны, по мнению высшей судебной инстанции, возникнуть при наличии данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь, о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, о получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующих о возможном наличии психического расстройства, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др.⁸ Например, по уголовному делу в отношении Б. в стадии предварительного расследования было установлено, что он состоит на учете у психиатра БУЗ ВО «Новохоперская РБ» с диагнозом шизофрения, эпизодический тип лечения, аффективно-бредовый син-

дром, в связи с чем ему была проведена амбулаторная первичная комплексная психолого-психиатрическая судебная экспертиза, согласно выводам которой Б. страдает хроническим психическим расстройством в форме шизофрении параноидной. Исходя из этих данных суд пришел к выводу, что Б. не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в период, относящийся к инкриминируемому ему деянию (краже, совершенной с причинением значительного ущерба гражданину, с незаконным проникновением в жилище). Так как общественно опасное деяние совершено Б. в период обострения хронического психического заболевания, суд назначил ему лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа⁹.

Об опасности лица для себя или других лиц либо о возможности причинения этим лицом иного существенного вреда могут свидетельствовать характер психического расстройства, подтвержденного выводами судебно-психиатрической экспертизы, его склонность в связи с этим к совершению насильственных действий в отношении других лиц или к причинению вреда самому себе, к совершению иных общественно опасных действий (изъятию чужого имущества, поджогов, уничтожению или повреждению имущества иными способами и др.), а также физическое состояние такого лица, с учетом которого оценивается возможность реализации им своих общественно опасных намерений. Например, в ходе судебного разбирательства было установлено, что Я., находясь в овраге возле собственного дома, обнаружил патроны неустановленного калибра времен Великой Отечественной войны, которые самостоятельно разобрал и высыпал из них порох в металлические банки, тем самым незаконно приобрел взры-

вчатые вещества, которые в последующем незаконно хранил в доме. Экспертным заключением было установлено, что в период, относящийся к совершению инкриминируемого ему общественно опасного деяния, признаков какого-либо временного психического расстройства у Я. не отмечалось. Однако степень недоразвития интеллекта у него столь выражена, что лишает его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В настоящее время по состоянию своего психического здоровья Я. не способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания, а также не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту. В связи с тем, что у Я. выявляются антисоциальные установки, он нуждается в принудительном лечении в психиатрическом стационаре специализированного типа¹⁰.

Еще один пример из судебной практики. К., находясь в помещении БУ ВО «Борский психоневрологический интернат» в невменяемом состоянии, т. е. не осознавая фактический характер и общественную опасность своих действий, не руководя ими вследствие психического расстройства в виде умеренной умственной отсталости (олигофрении в степени имбецильности), нанес не менее десяти ударов шваброй, руками и ногами потерпевшему по различным частям тела, из них не менее девяти в область головы, не менее одного в область левой голени. В судебном заседании на вопрос о причине, по которой он избил С., К. пояснил, что он мыл полы в корпусе, а зашедший в это время с улицы С. стал топтаться по полам, которые он незадолго до этого помыл, прогоняя его, он нанес ему несколько ударов шваброй в область головы. Согласно заключению эксперта, смерть С. наступила от внутричереп-

ной травмы, осложнившейся травматическим отеком, сдавлением и дислокацией ствола головного мозга, и двусторонней нижнедолевой фиброзно-гнойной бронхопневмонией. Физическое состояние К. было оценено судом как опасное для себя или других лиц, поскольку из изученной в судебном заседании медицинской документации следует, что он отставал в психическом развитии с раннего возраста, не мог обучаться даже по программе вспомогательной школы, неспособен к формированию каких-либо трудовых навыков, в связи с чем ему была определена 2-я группа инвалидности по психическому состоянию и он был признан недееспособным в 2010 г. после проведенного амбулаторного освидетельствования. Указанный диагноз подтверждается также выявленными при обследовании в ходе предварительного расследования недоразвитостью речи и мышления с невозможностью выполнения простейших мыслительных операций, недоразвитостью навыков счета, письма, дезориентацией в простейших практических вопросах, снижением памяти на текущие события, отсутствием критики к собственному психическому состоянию, ситуации обследования, инкриминируемому деянию. Учитывая выраженность личностных изменений: нарушения мышления, эмоционально-волевые расстройства, отсутствие критического отношения к своему болезненному состоянию и ситуации в целом, а также то, что имеющееся у К. психическое расстройство связано с опасностью для него и других лиц, как представляющий социальную опасность он был признан нуждающимся в направлении на принудительное стационарное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа¹¹.

С учетом использования в качестве средства доказывания производства судебно-психиатрической экспертизы, как

на уровне Пленума Верховного Суда РФ, так и на уровне методических рекомендаций разработан перечень вопросов, которые рекомендуется ставить перед экспертами. К их числу относятся:

1) характер и степень психического расстройства во время совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния в ходе предварительного расследования или рассмотрения дела судом;

2) могло ли лицо в указанные периоды осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими;

3) связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него и других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда;

4) нуждается ли такое лицо в применении принудительной меры медицинского характера и какой именно;

5) может ли это лицо с учетом характера и степени психического расстройства лично осуществлять свои процессуальные права.

Названные вопросы содержатся в постановлении о назначении судебно-психиатрической экспертизы и подлежат обязательному исследованию в судебном заседании при назначении ПММХ.

С точки зрения процесса доказывания экспертное заключение должно удовлетворять трем основным требованиям, предъявляемым к доказательствам: относимости, допустимости и достоверности. Относимость рассматриваемого вида доказательств не вызывает сомнений, поскольку инициатива производства экспертизы исходит либо от должностного лица, ведущего предварительное расследование, либо от суда или сторон.

Допустимость доказательства традиционно трактуется как установленные законом требования к субъекту его получения, порядку производства следствен-

ного и иного процессуального действия, результатом которого является фиксация сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также источник получения соответствующих фактических данных¹². Применительно к экспертному заключению необходимо акцентировать внимание на том, что оно, равно как и показания эксперта, в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ является самостоятельным источником доказательств. Следуя логике законодателя, можно сделать вывод, что недопустимыми являются все доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуальной формы производства следственного действия (п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Анализ положений главы 27 УПК РФ позволяет утверждать, что процессуальная форма назначения и производства экспертизы содержательно включает в себя несколько элементов, которые в уголовно-процессуальной литературе определяются как ее этапы, представляющие собой совокупность процессуальных действий и процессуальных решений, имеющих как обязательный, так и факультативный характер¹³. К их числу относятся:

1) назначение экспертизы компетентным должностным лицом, т. е. вынесение постановления о ее производстве с указанием конкретного эксперта либо экспертного учреждения, а также поставленных перед ним вопросов (ст. 195 УПК РФ). В качестве факультативного элемента названного этапа может выступать заявление ходатайства о производстве экспертизы одним из участников уголовного процесса либо следователем, дознавателем, если ее назначение в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ отнесено к исключительной компетенции суда (при помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицин-

скую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы);

2) ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя с постановлением о назначении экспертизы и разъяснение им прав, предоставленных ст. 198 УПК РФ, о чем составляется протокол. В качестве факультативного элемента информационного этапа назначения экспертизы выступает рассмотрение ходатайств указанных выше лиц о постановке перед экспертом дополнительных вопросов, об отводе эксперта, назначении другого эксперта, если таковые заявлялись;

3) вынесение постановления и получение образцов для сравнительного исследования с составлением соответствующего протокола (ст. 202 УПК РФ). В рамках уголовно-процессуальной формы производства экспертизы наличие или отсутствие данного этапа будет зависеть от вида экспертного исследования, а также существа поставленных перед экспертом вопросов. Как отмечается в специальной литературе, получение образцов для сравнительного исследования характерно для идентификационных экспертиз, которые проводятся в целях определения тождества полученных образцов с образцами, имеющимися в материалах уголовного дела¹⁴;

4) направление материалов в экспертное учреждение и производство исследований. Если экспертиза проводится вне рамок экспертного учреждения, то эксперт подлежит вызову к следователю, дознавателю для разъяснения ему прав, обязанностей, ответственности, предусмотренных ст. 57 УПК РФ. В качестве факультативного элемента четвертого

этапа можно рассматривать присутствие следователя (дознавателя), а также заинтересованных лиц по их ходатайству, при производстве исследований, а также дача обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим объяснений эксперту;

5) представление экспертом заключения с ответами на поставленные вопросы или выводом о невозможности их дать с указанием причин. При этом в качестве самостоятельного следственного действия или факультативного этапа производства экспертизы может проводиться допрос эксперта, предметом которого является данное им заключение, исключая сведения, ставшие ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к ее предмету. В соответствии со ст. 205 УПК РФ допрос эксперта возможен только после предоставления им заключения;

6) предъявление заключения эксперта и протокола его допроса подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, а также свидетелю, когда экспертиза производилась в его отношении, с разъяснением им права ходатайствовать о производстве дополнительной или повторной экспертизы (ст. 206 УПК РФ).

Таким образом, можно утверждать, что ст. 434 УПК РФ не содержит самостоятельного предмета доказывания, а модифицирует общий (унифицированный) предмет применительно к особенностям личности лица, совершившего общественно опасное деяние. Усложнение уголовно-процессуальной формы указанным способом имеет существенное значение, поскольку установление психического расстройства лица и его общественная опасность дает возможность следователю принять правильное решение по уголовному делу, а именно – прекратить уголовное дело в случае совершения общественно опасного деяния в состоянии невме-

няемости, а в отношении лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания

или его исполнение, – принять решение о производстве по уголовному делу как в общем порядке, так и с особенностями, предусмотренными главой 51 УПК РФ.

¹ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008. С. 74–75.

² См.: Кузнецов Н. П. Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 55–56.

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 372–376.

⁴ Архив Левобережного районного суда г. Воронежа. Уголовное дело № 1-56/2018.

⁵ Архив Советского районного суда г. Воронежа. Уголовное дело № 1-360/2017.

⁶ См.: Архив Бобровского районного суда Воронежской области. Уголовное дело № 1-84/2017.

⁷ См.: Архив Советского районного суда г. Воронежа. Уголовное дело № 1-16/2017.

⁸ См.: О практике применения судами принудительных мер медицинского характера : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 (в ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.01.2019 г.).

⁹ См.: Архив Новохоперского районного суда Воронежской области. Уголовное дело № 1-66/2018.

¹⁰ См.: Архив Хохольского районного суда Воронежской области. Уголовное дело № 1-5/2016.

¹¹ См.: Архив Рамонского районного суда Воронежской области. Уголовное дело № 1-135/2015.

¹² См., например: Шейфер С. А. Указ. соч. С. 51–62; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973. С. 123–125; Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 46–48.

¹³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 687.

¹⁴ См., например: Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я. В. Комиссарова. М., 2016. С. 87; Варнавский Д. А. Способы проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. 2017. № 13. С. 7.

Воронежский юридический техникум

Саликова В. В., преподаватель
юридических дисциплин

E-mail: avika.salikova55@gmail.com
Тел.: 8-951-550-26-82

Voronezh Law School

Salikova V. V., Teacher
of Legal Disciplines

E-mail: avika.salikova55@gmail.com
Тел.: 8-951-550-26-82

С. О. Севостьянова

Воронежский государственный университет

**ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЭКСПЕРТОМ:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

Аннотация: показано, что имеющейся в Уголовном кодексе РФ ст. 307 недостаточно для квалификации разнообразных способов фальсификации доказательственной информации экспертом. Предложены пути решения имеющихся проблем, в том числе новая ст. 307¹, охватывающая широкий спектр соответствующих правонарушений.

Ключевые слова: заключение эксперта, показания эксперта, фальсификация доказательств.

**EXPERT AS A SUBJECT OF EVIDENCE FALSIFICATION:
QUALIFICATION ISSUES**

Abstract: the article shows that Article 307 in the Criminal Code is not enough to qualify various ways of evidence falsifying by an expert. The ways of solving the existing problems are proposed, including the new article 307¹, which covers a wide range of relevant offenses.

Key words: expert conclusion, expert testimony, evidence falsification.

Поступила в редакцию 13 июля 2021 г.

С учетом внимания, которое уделяется в судопроизводстве такому доказательству, как заключение эксперта, вопрос о даче им заведомо ложного заключения (показаний) или ином искажении доказательственной информации (далее – ДИ) приобретает особое значение. Статья 74 УПК РФ относит экспертные показания и заключения к доказательствам, и не вызывает никакого сомнения, что действия виновных в фальсификации ДИ экспертов могут быть квалифицированы именно по положениям ст. 307 УК РФ.

Об этом свидетельствует и судебная практика, в рамках которой встречаются дела, где экспертам инкриминировался соответствующий состав; однако они единичны, что обусловлено, прежде всего, высокой латентностью соответствующих

преступлений экспертов, а не низким уровнем их реального совершения¹.

Формулировка соответствующей нормы также далека от идеала. В рассматриваемой статье, как и в ст. 303 УК РФ, не отмечено, будет ли умышленное умолчание важной информации, сведений или выводов сведений в рамках показаний и пояснений либо невключение их в письменные экспертные заключения считаться фальсификацией (совершенной в пассивной форме) или нет. Не урегулирован четко и вопрос о самой возможности/невозможности квалификации фальсификации ДИ, представленной в другой форме и совершенной другими способами (кроме дачи непосредственного заключения и показаний).

Так, экспертом могут быть умышленно уничтожены, повреждены или заменены материалы, предметы, следы или об-

© Севостьянова С. О., 2021

разцы, являющиеся первичными объектами экспертного исследования, причем еще на этапе процессуальной проверки сообщения о возможном преступлении (при изъятии таковых) либо на стадии предварительного расследования. При этом в самом экспертном заключении, представленном в суде, могут содержаться «верные» выводы относительно уже имеющихся в деле – неправомерно измененных или замененных заранее – вещественных доказательств или документов.

Вопрос о квалификации действий экспертов в данных случаях может быть решен неоднозначно. С одной стороны, в самом экспертном заключении или показании (о которых и идет речь в ст. 307 УК РФ) будут содержаться «правильные» выводы (исходя из имеющихся и приобщенных к делу на момент представления экспертом заключения или показания доказательств). С другой стороны, если эксперту заранее было известно об их подложности, в том числе в ситуациях, когда саму их фальсификацию или подлог он же сам и осуществил, представленное им экспертное заключение или данные показания априори можно считать заведомо ложными.

Напомним, что в современном УК РФ имеется и другая статья (ст. 292 УК РФ), в которой не указан сам эксперт в качестве специального субъекта преступления и не конкретизированы и не сужены действия злоумышленника лишь до дачи ложных экспертных заключений и показаний. Согласно формулировке ст. 292 УК РФ под служебным подлогом следует понимать *внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния соверше-*

ны из корыстной или иной личной заинтересованности...

Несложно видеть, что данная норма позволяет квалифицировать действия эксперта, не только давшего заведомо ложное экспертное заключение либо показание, но и участвующего в подлоге иной официальной документации, к которой можно отнести справки, выписки, акты медицинского освидетельствования, другие акты, материалы следотек, различных экспертных картотек, архивов, промежуточной, отчетной и другой официальной документации, сфальсифицированной субъектом преступления для тех или иных целей.

Формулировка ст. 292 УК РФ позволяет относить к объектам преступного посягательства соответствующих субъектов также официальную документацию, представляющую собой непосредственный объект исследования экспертов, переданную, например, таковым для проведения самой экспертизы (например, почерковедческой, технической или лингвистической).

Таким образом, можно констатировать, что перечень допускаемых в качестве объектов преступного посягательства документов, хотя прямо и не указанный в ст. 292 УК РФ, однако логически допускаемый из используемой формулировки, значительно шире, нежели содержащийся в ст. 307 УК РФ.

В данной ситуации возникает вопрос о том, во всех ли случаях можно рассматривать соотношение положений ст. 292 УК РФ к положениям ст. 307 УК РФ как общей нормы к специальной, когда следует квалифицировать действия преступников по последней, либо есть исключения – например, когда ложные сведения внесены не в сами экспертные заключения/показания, но в какую-либо иную официальную документацию, в том числе представляющую собой самостоятельные

первичные материальные доказательства по тому или иному делу.

Для ответа на данный вопрос мы обратились к изучению соответствующей судебной и следственной практики; однако она также неоднозначна. Так, в ходе исследования нами было найдено несколько примеров, подробно описанных на официальном сайте СК РФ, где действия одних экспертов, связанные с фальсификацией или подлогом ДИ, в том числе путем дачи заведомо ложных заключений, были оценены по ст. 307 УК РФ, а аналогичные действия других – по ст. 292 УК РФ.

Следственными органами СК РФ по Республике Дагестан в отношении руководителя Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава Республики Дагестан, а также его коллеги, зав. отделом того же бюро, было возбуждено уголовное дело по подозрению в совершении преступных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 285 и ч. 2 ст. 292 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями и служебный подлог). В ходе предварительного расследования было установлено, что в производстве суда находились материалы уголовного дела, возбужденного ранее в отношении некоего местного жителя, обвиняемого в осуществлении нескольких тяжких и особо тяжких преступлений. Однако на основании ходатайства, поступившего от защитника данного лица (на тот момент подсудимого), судья назначил комиссионную судебно-медицинскую экспертизу, поручив ее производство указанным экспертам.

Сам подсудимый для непосредственного участия в экспертизе направлен не был. Тем не менее в декабре 2014 г. указанные эксперты составили экспертное заключение, сделав ложные выводы о наличии у подсудимого множественных телесных повреждений, вызванных минно-взрывной травмой и огнестрельными ранениями головы, которые якобы не позволяют ему по

состоянию здоровья давать показания в суде, в связи чем он допросу не подлежит. Помимо прочего, в экспертном заключении подозреваемые эксперты указали на зав. отделением судебной психиатрии психоневрологического диспансера, якобы также участвовавшего в соответствующем исследовании, что не соответствовало реальной действительности. На базе сфальсифицированного заключения, учитывая его выводы, судья вынес постановление о приостановлении производства в отношении подсудимого, обвиняемого в тяжких и особо тяжких преступлениях, и изменении в отношении него используемой меры пресечения с заключения под стражу на более мягкую – подписку о невыезде.

По ходатайству следствия подозреваемые эксперты были отстранены судом от занимаемых ими должностей. По делу был проведен комплекс следственных действий, нацеленных на установление всех обстоятельств произошедших событий².

Как видно из этого примера, в отношении экспертов, участвовавших в фальсификации экспертного заключения, дело было возбуждено по ст. 292, а не по ст. 307 УК РФ. Последнее, на наш взгляд, было бы более оправданно и лаконично. Справедливости ради отметим, что в отношении экспертов, представивших именно заведомо ложные экспертные заключения, уголовные дела чаще возбуждаются, а судебные приговоры чаще выносятся именно по ст. 307, а не по ст. 292 УК РФ. При этом по ст. 292 чаще возбуждаются уголовные дела и выносятся приговоры в отношении экспертов, участвовавших в фальсификации не самого экспертного заключения, а какой-то иной экспертной документации, в том числе актов медицинского освидетельствования и справок.

С учетом сказанного выше можно констатировать несовершенство уголовно-процессуального и уголовного зако-

нодательства, регулирующего статус самих экспертов, а также возможности их привлечения к уголовной ответственности и наказанию за фальсификацию ДИ³.

Так, может возникнуть вопрос о допустимости квалификации по ст. 307 УК РФ действий эксперта, заменившего, изменившего, умышленно утратившего, уничтожившего, намеренно повредившего или испортившего первоначальные вещественные доказательства (в том числе которые могли иметь форму официальных документов), при этом давшего верное экспертное заключение уже по измененной или замененной им же заранее документации. Также не понятен вопрос о квалификации действий эксперта, который не заменял или не изменял эти доказательства самолично, но об их изменении или подмене, совершенной другим лицом, ему было известно еще до составления самого экспертного заключения.

Сложности могут возникнуть и при оценке действий эксперта, который не фальсифицировал доказательства, выступающие в качестве первичных объектов экспертного исследования, но совершил подлог материалов, отображающих или фиксирующих данные объекты, т. е. закрепляющих их на каком-либо материальном носителе. Например, такого рода подлог мог быть произведен путем намеренной порчи фотопленки, где соответствующие объекты были отображены в момент осмотра места происшествия работниками правоохранительных структур. Фальсификация могла быть осуществлена и посредством умышленного повреждения или искажения информации на электронных носителях, а также переклейки или подмены фотоснимка следа пальца руки подозреваемого лица другим снимком, содержащим, например, изображение следа пальца другого лица и т. п.

Еще один вопрос, который может возникнуть у правоприменителей, за-

ключается в том, можно ли квалифицировать действия эксперта, давшего свое заключение в форме «ответить на поставленный вопрос (вопросы) не представляется возможным», при наличии в действительности такой возможности, по ст. 307 УК РФ или нет. Помимо прочего, сложным, учитывая неточность используемых в законодательстве формулировок, а также отсутствие определенных ряда важных понятийных конструкций и процедур, представляется вопрос о том, может ли эксперт быть привлеченным по вышеотмеченной статье Уголовного кодекса за использование им в процессе проведения экспертизы техник, методов и методик, повреждающих сам объект изучения и ведущих к исключению возможностей в проведении повторных экспертиз.

Наиболее верным и лаконичным решением выявленных и перечисленных проблем нам представляется исключение упоминания эксперта и его возможных противоправных деяний из ныне действующей редакции ст. 307 УК РФ, при одновременном введении в Уголовный кодекс дополнительной отдельной статьи, дающей развернутое определение фальсификации экспертом ДИ и регламентирующей уголовную ответственность за данное правонарушение. И так, предлагается ввести в Уголовный кодекс РФ ст. 307¹ в следующей редакции:

Статья 307¹. Фальсификация доказательственной информации экспертом

1. Фальсификация доказательственной информации государственным или иным экспертом в суде либо в ходе досудебного производства, либо в рамках процессуальной проверки сообщений о возможном преступлении, произведенная умышленно, в том числе путем:

– дачи заведомо ложного заключения или показания;

– намеренного изменения, подмены, искажения, повреждения, порчи, утраты или уничтожения изначальных объектов исследования;

– добавления новых объектов исследования, в том числе искусственно созданных и (или) добытых противоправным путем, либо с нарушением процессуальных процедур;

– изменения, искажения либо уничтожения фотоснимков, видео- и аудиоматериалов, электронных или бумажных носителей, отображающих (фиксирующих) изначальные объекты исследования;

– дачи заключения или показания, содержащего верные выводы о фигурирующих в материалах дела объектах исследования, – в случаях, когда эксперту до его дачи было достоверно известно о подложности соответствующих объектов;

– намеренного невключения важных сведений в экспертные заключения или умолчания о них в ходе дачи показаний;

– умышленной дачи заключения или показаний об отсутствии возможности ответить на поставленные вопросы, при наличии такой возможности в реальной действительности;

– внесения в другие документы (помимо письменных заключений и показаний экспертов) заведомо ложных сведений, в том числе в справки, акты, выписки, отчеты, а также в следотеки, картотеки и экспертные архивы;

– преднамеренного и необоснованного использования без необходимости в ходе проведения экспертизы техник, методов и методик, повреждающих объект экспертного исследования и ведущих к исключению возможности проведения повторных экспертиз;

а равно иными путями – наказываются штрафом в размере до 150 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работа-

ми на срок до 480 часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев.

2. Те же деяния, совершенные экспертом в рамках предварительного расследования или в ходе судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких либо особо тяжких преступлениях, либо совершенные им в рамках разбирательства по гражданским или арбитражным делам, размер исковых требований или стоимость объектов спора по которым составляет особо крупный размер, –

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок со штрафом в размере до 500 тысяч рублей либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частью второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору, – наказываются лишением свободы на срок до 8 лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей либо без такового.

Примечание.

1. Под доказательственной информацией в настоящей статье понимаются любые объекты первичного исследования экспертов, а также материальные носители, на которых они могли быть зафиксированы или запечатлены, а равно как и их описание, выводы, мнение, доводы и пояснения экспертов, в том числе изложенные в форме экспертных заключений, письменных или устных показаний, актов медицинского освидетельствования, иных актов, справок, выписок, экспертных отчетов, в том числе представленных в рамках картотек, следотек, экспертных архивов, которые после их обнаружения или представления были признаны в качестве доказательств по делу как соответствующие принципам относимости, допустимости и достоверности, а также тех объектов, которые на том или ином этапе были исключены из доказательственной

базы по причине их несоответствия одному или нескольким перечисленным выше основаниям.

2. Под фальсификацией доказательственной информации здесь понимаются все формы и способы возможной противоправной деятельности экспертов, перечисленные в части первой настоящей статьи, а также любые иные умышленные их действия, направленные на введение участников процесса, в том числе его сторон, органов предварительного следствия и суда в заблуждение относительно предметов, объектов и результатов проведенных ими экспертиз и иных исследований.

3. Под особо крупным размером в настоящей статье понимается сумма, равная или превышающая один миллион рублей.

Таким образом, нами представлена возможная формулировка предлагаемой

к введению новой статьи УК РФ, которая могла бы позволить решить множество спорных и коллизионных вопросов в исследуемой сфере. В числе прочего полагаем, что в этом случае однозначно может решиться и поднятый нами ранее вопрос о том, в каких случаях ст. 307 УК РФ следует считать специальной нормой по отношению к ст. 292 Уголовного кодекса как общей, а в каких – наоборот.

Очевидно, что при введении предлагаемой ст. 307¹ в Уголовный кодекс РФ перечисленные выше проблемы в области квалификации соответствующих преступлений уйдут, так как любые действия экспертов, связанные с фальсификацией ДИ и перечисленные в предложенной нами формулировке, будут квалифицироваться именно по ст. 307¹ УК РФ, а не по каким-либо иным статьям.

¹ А также, разумеется, трудностью доказывания заведомой ложности заключения или показаний эксперта.

² См.: В Республике Дагестан главный судмедэксперт республики и его подчиненный подозреваются в злоупотреблении полномочиями // Офиц. сайт СК РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/907439>

³ Судебная практика знает один случай привлечения частного эксперта к уголовной ответственности за изготовление поддельных документов – приговором Басманного райсуда г. Москвы от 16 марта 2006 г. эксперт С. И. Мотря был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 159 УК РФ за фальсификацию заключений экспертов государственного судебно-экспертного учреждения (РФЦСЭ при МЮ РФ). Любопытно, что это отнюдь не помешало ему продолжать в дальнейшем свою деятельность в качестве судебного эксперта и даже руководителя экспертной организации «Агентство независимых экспертов».

Воронежский государственный университет

Севостьянова С. О., аспирантка

E-mail: sievostianova1986@mail.ru

Voronezh State University

Sevostyanova S. O., Post-graduate Student

E-mail: sievostianova1986@mail.ru

В. Е. Федорин

Воронежский государственный университет

ЭКСПЕРТ И СПЕЦИАЛИСТ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЪЕКТИВНОСТИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А н н о т а ц и я: рассматриваются актуальные проблемы определения термина «объективность и беспристрастность эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве» и система правовых гарантий, закрепляющих независимость эксперта от стороны обвинения, анализируется независимость негосударственных судебно-экспертных учреждений и частных экспертов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: объективность, беспристрастность, отводы, правовые гарантии, эксперт, специалист, прокурор, суд, следственный орган, негосударственные экспертные учреждения, частный эксперт, экспертиза.

EXPERT AND SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROCEDURAL GUARANTEES OF OBJECTIVITY OF THEIR ACTIVITIES

Abstract: the article deals with the current problems of defining the concept of objectivity and impartiality of an expert and specialist in criminal proceedings and the system of legal guarantees that secure the independence of an expert from the prosecution, analyzes the independence of non-state forensic institutions and private experts.

Key words: objectivity, impartiality, challenges, legal guarantees, expert, specialist, Prosecutor, court, investigative body, non-governmental expert institutions, private expert, expertise.

Поступила в редакцию 24 июня 2021 г.

В последние годы с появлением частных экспертных учреждений вопросы процессуальной регламентации экспертизы исследуются достаточно глубоко и активно¹. В связи с этим рассмотрим вопросы, которые непосредственно касаются процессуальных гарантий, направленных на обеспечение объективности эксперта и специалиста.

УПК РФ содержит ряд процессуальных гарантий данного вида. К основным из них относятся:

1) закрепление оснований и порядка отвода эксперта и специалиста (ст. 70, 71 УПК РФ);

2) институт комиссионной и повторной экспертизы;

3) запрет эксперту без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства и самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Последовательно рассмотрим указанные гарантии.

Согласно ч. 2 ст. 70 УПК РФ «Отвод эксперта» эксперт не может прини-

---

© Федорин В. Е., 2021

мать участие в производстве по уголовному делу:

1) при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УПК РФ. Предыдущее его участие в производстве по уголовному делу в качестве эксперта или специалиста не является основанием для его отвода;

2) если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей;

3) если обнаружится его некомпетентность.

Аналогичные основания исключения из уголовного судопроизводства предусмотрены для специалиста. Согласно ст. 71 УПК РФ специалист не может принимать участие в производстве по уголовному делу при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 70 УПК РФ. Предыдущее участие лица в производстве по уголовному делу в качестве специалиста не является основанием для его отвода.

Как отмечалось ранее, в ч. 2 ст. 70 УПК РФ законодатель в качестве основания для отвода эксперта называет служебную или иную зависимость эксперта от сторон или их представителей.

В связи с указанными основаниями в теории и практике возникает два вопроса:

1) об обоснованности нахождения экспертных учреждений в системе МВД и других органов, имеющих следственный или оперативный аппарат;

2) об объективности частных экспертов и сотрудников негосударственных экспертных учреждений.

Ряд авторов полагает, что нахождение экспертной службы в ведомстве, имеющем собственные следственные или оперативные службы, необоснованно, так как это отрицательно влияет на объективность эксперта, вынужденного защищать ведомственные, корпоративные интересы.

В частности, по мнению Ю. В. Корневского и Г. П. Падвы, вопрос об отсут-

ствии служебной или иной зависимости эксперта от сторон нередко возникает, когда лицо, производящее экспертизу, состоит на службе в системе органа, ведущего расследование.

Аналогичная точка зрения высказана В. М. Быковым. Как отмечает данный автор, экспертная служба и подразделения не могут оставаться в одних государственных органах и ведомствах вместе со следователями и дознавателями, которые по УПК РФ являются стороной обвинения. То обстоятельство, что эксперт служит в одном ведомстве со следователем и дознавателем, является достаточным основанием для заявления такому эксперту отвода. Понятно, что когда следователь и эксперт – в погонах и имеют общего начальника в лице начальника ОМВД или УМВД области, то следует признать, что в этом случае основания для отвода эксперта имеются.

По мнению В. М. Быкова, следует быстрее создать Комитет судебной экспертизы РФ, на который можно было бы возложить основную деятельность по производству различных судебных экспертиз².

Существует и другая точка зрения. В частности, Е. Р. Россинская, признавая, что нахождение экспертных учреждений в подчинении тем же органам исполнительной власти, что и следственные аппараты, отрицательно сказывается на независимости эксперта, отмечает: «Казалось бы, для обеспечения независимости судебной экспертизы все государственные учреждения следовало бы сосредоточить именно под эгидой Минюста России. Но практика показывает, что во многих случаях оторванность судебно-экспертной службы от органов дознания и следственных аппаратов приносит значительно больше вреда, чем пользы. Теряется оперативность применения специальных знаний, определяющая зачастую весь

успех раскрытия и расследования преступлений в целом»³.

На наш взгляд, верной является последняя из указанных точек зрения. Помимо необходимости обеспечения оперативности применения специальных знаний, можно выделить еще несколько аргументов в защиту мнения о нецелесообразности создания единого Комитета судебной экспертизы.

1. Существует система правовых гарантий, закрепляющих независимость эксперта от стороны обвинения. Так, согласно ст. 7 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведения исследований в соответствии со своими специальными знаниями.

Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. В ст. 302 УК РФ установлена уголовная ответственность за поношение эксперта к даче заключения путем применения угроз, шантажа или незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание.

2. В системе органов, имеющих как следственные (оперативные), так и экспертные службы, они организационно не

подчиняются друг другу и строго различаются по целям профессиональной деятельности, имеют различные «производственные» интересы. Ранее отмечалось, что при производстве экспертизы эксперт решает не тактические, а научно-практические задачи. Как указывал Р. С. Белкин, эксперт не вправе связывать себя ни версией обвинения, ни версией защиты или истца и ответчика, но должен добросовестно искать истину, невзирая на то, кому эта истина будет выгодной, и понимать, что она всегда «выгодна» правосудию и законности⁴.

Кроме того, не следует «сбрасывать со счета» и угрозу уголовной ответственности за дачу экспертом заведомо ложного заключения или показания, установленную в ст. 307 УПК РФ.

3. В законодательстве закреплена необходимость соблюдения экспертом методики производства экспертного исследования с соблюдением формализованных процедур, затрудняющих фальсификацию результатов экспертного исследования и обеспечивающих возможность их проверки. Согласно положению, установленному в ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», эксперт производит исследование объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

По этим причинам оказание давления на эксперта (независимо от его ведомственной принадлежности) со стороны должностных лиц, представляющих обвинение, как правило, безрезультат-

но, ибо если эксперт идет навстречу «пожеланиям» обвинения, ему приходится идти на фальсификацию научного исследования, которая может быть выявлена в ходе повторного научного исследования, проведенного иными, как правило, более квалифицированными исследователями.

4. При реализации предложения о создании Комитета судебной экспертизы РФ исчезает вневедомственный контроль объективности экспертных исследований, осуществляемый путем проведения повторных экспертиз. В настоящее время имеется возможность назначения повторной экспертизы (в случае сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов) экспертам экспертного учреждения, принадлежащего к иному ведомству. Так, например, если вызывает сомнение обоснованность экспертного заключения эксперта, работающего в системе МВД, повторная экспертиза может быть назначена экспертам, работающим в системе Министерства юстиции, и наоборот.

В случае же создания единой экспертной службы уровень объективности повторных экспертиз неизбежно будет снижен, так как одним из важнейших показателей, по которым оценивается работа экспертного подразделения в целом (следовательно, и его руководителей), является число повторных экспертиз, выводы которых не подтверждают результатов первичных экспертиз. Как обоснованно отмечает В. В. Трухачев, ведомственный контроль в системе уголовной юстиции не может являться высокоэффективным, поскольку сами ведомства не заинтересованы в раскрытии системы злоупотреблений, совершаемых его работниками, ибо это подрывает, причем существенно, престиж организации в целом⁵.

На наш взгляд, в современных условиях основную угрозу для независимости эксперта представляет воздействие, которое оказывается на него не руководством следственных или оперативных подразделений, а руководством экспертного учреждения. Определенные гарантии недопустимости вмешательства руководителей экспертных учреждений в деятельность эксперта при производстве экспертизы закреплены в ст. 18 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно данной норме, государственному судебно-экспертному учреждению не может быть поручено производство судебной экспертизы, а в случаях, когда указанное производство начато, оно немедленно прекращается, если установлены обстоятельства, подтверждающие заинтересованность в исходе дела руководителя данного учреждения. В соответствии со ст. 14 указанного закона руководитель экспертного учреждения не вправе давать эксперту указания, предвещающие содержание выводов по уголовному делу.

Дискуссионным является вопрос об объективности частных экспертов и сотрудников негосударственных экспертных учреждений. Данные эксперты и сотрудники негосударственных экспертных учреждений зачастую находятся в прямой зависимости от заказчиков – обратившихся к ним лиц и организаций. Естественно, что заказчика прежде всего интересует получение экспертного заключения, результаты которого ему выгодны, «работают» на его процессуальный интерес. При этом нередко и экспертные учреждения данного вида, рекламируя свою деятельность, обещают обратившимся к ним лицам «решить их проблемы». По меткому замечанию Е. Р. Россинской, реальная независимость негосу-

дарственных судебно-экспертных учреждений, частных экспертов, несмотря на то, что многие из них именуют себя независимыми, далеко не всегда имеет место. В некоторых случаях экспертный вывод может находиться в прямой зависимости от суммы гонорара за проведенное исследование⁶.

Это обстоятельство, несомненно, должно учитываться судом и иными субъектами уголовного судопроизводства при оценке доказательств.

Рассматривая далее обстоятельства, исключающие участие эксперта в уголовном судопроизводстве согласно ст. 70 УПК РФ, отметим, что к числу таких обстоятельств законодатель отнес некомпетентность эксперта. В литературе компетентность отождествляется с субъективной компетенцией эксперта, т. е. степенью владения конкретным экспертом знаниями, которыми должен владеть эксперт. Компетентность определяется образованием эксперта, специальной подготовкой, опытом в решении аналогичных задач, индивидуальной способностью к критическому мышлению⁷. Некомпетентность в данном случае означает недостаточную квалификацию эксперта.

Согласно ст. 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший соответствующую подготовку по конкретной экспертной специальности. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее специальное экспертное образование.

Подчеркнем, что обнаружение некомпетентности как недостаточной квалификации эксперта (предусмотренное ст. 70 УПК РФ) следует отличать от тех случаев, когда вопросы, поставленные перед экспертом, выходят за рамки его специальности (не находятся в его компетенции). Некоторые авторы полагают, что и в последнем случае также нужно говорить о некомпетентности эксперта, хотя она и не является основанием для его отвода (необходимо поручить экспертизу специалисту в другой области либо назначить комплексную экспертизу)⁸.

Думается, что термин «некомпетентность», используемый в ст. 70 УПК РФ, должен трактоваться однозначно – как недостаточная квалификация эксперта. Когда же вопросы, поставленные перед экспертом, выходят за рамки его специальности, речь должна идти не о некомпетентности эксперта, а об отсутствии у него полномочий по производству определенной экспертизы.

Отметим далее, что в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» законодатель установил еще одно основание для безусловного отвода либо самоотвода эксперта. Согласно ст. 18 данного закона в производстве судебной экспертизы в отношении живого лица не может участвовать врач, который до ее назначения оказывал указанному лицу медицинскую помощь. Данное ограничение действует также при производстве судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, осуществляемой без непосредственного обследования лица.

Как отмечается в литературе, в целом проблема отвода эксперта по данному основанию актуальна для судебно-психиатрической экспертизы, где часть экспертов-психиатров могут совмещать су-

дебно-психиатрическую деятельность с общепсихиатрической. Лечащего врача нельзя признать беспристрастным, поскольку:

а) ранее он обследовал данное лицо, давал медицинскую квалификацию состоянию его здоровья, чем он во время экспертизы может оказаться в известной мере связанным;

б) во время экспертизы могут вскрыться ошибки и упущения лечащего врача;

в) лечащий врач вступает со своим пациентом в особые отношения (атмосфера особой доверительности между пациентом и врачом и т. д.)⁹.

Эффективными процессуальными гарантиями объективности эксперта является закрепленная в УПК РФ возможность производства комиссионных и повторных экспертиз.

Согласно ст. 200 УПК РФ комиссионная судебная экспертиза производится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Комиссионный характер экспертизы определяется следователем либо руководителем экспертного учреждения, которому поручено производство судебной экспертизы.

Коллегиальность производства экспертизы является фактором, который в значительной степени затрудняет проявление экспертом необъективности (в таком случае пристрастный или предвзятый эксперт становится перед дилеммой: либо отказаться от проявления субъективизма, либо обосновывать, почему его мнение противоречит мнению других специалистов в данной области знаний).

Прямой процессуальной гарантией, направленной на проверку объективности эксперта, является ст. 207 УПК РФ, регламентирующая производство повторной экспертизы. Согласно ч. 2 указанной нормы в случае возникновения

сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту.

Отметим, что на практике следователи и руководители экспертных учреждений, как правило, учитывают данное обстоятельство, когда решают вопрос о назначении комиссионной экспертизы. Как отмечает Е. Р. Россинская, комиссионные экспертизы назначаются в особо сложных случаях, а также при производстве повторных экспертиз¹⁰.

Тем не менее законодатель не требует обязательного проведения повторной экспертизы комиссией экспертов. Данное положение необходимо исправить. Потому представляется обоснованным предложение об изложении ч. 2 ст. 207 УПК РФ в следующей редакции: «В случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается комиссии, состоящей из других экспертов».

К процессуальным гарантиям объективности эксперта также относятся установленные для эксперта запреты:

а) без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства;

б) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования (ч. 4 ст. 57 УПК РФ).

Отметим, что Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» содержит более «мягкое» предписание, согласно которому эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомне-

ние его незаинтересованность в исходе дела (ст. 16). На наш взгляд, и та и другая законодательные конструкции небезупречны. Так, неопределенным является употребляемый в ст. 57 УПК РФ термин «ведение переговоров». Переговоры предлагают некое формальное, официальное общение равных сторон, которое эксперт, в принципе, не может проводить с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим. Более удачен в данном случае термин «личные контакты», используемый в Федеральном законе. Однако вызывает возражения оговорка, сделанная в ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», о запрете личных контактов эксперта с участниками процесса лишь в случае, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела.

На наш взгляд, любой личный контакт (т. е. вступление в неформальные, неслужебные отношения) эксперта с иными участниками процесса дает основания предполагать о возможной заинтересованности эксперта. Разграничить на практике, когда личный контакт ставит под сомнение заинтересованность эксперта в исходе дела, а когда не ставит, в подавляющем большинстве случаев невозможно. Отметим также, что эксперт не обязательно должен быть заинтересован в исходе дела. Основанием для его отвода может являться его личная заинтересованность в результатах экспертного исследования.

В связи с этим предлагается изложить п. 1 ст. 57 УПК РФ в следующей редакции: «Эксперт не вправе в период производства экспертизы вступать в личные контакты с участниками процесса».

Иногда как процессуальная гарантия объективности и беспристрастности эксперта рассматривается право следователя, а также подозреваемого (обвиняемого), его защитника присутствовать при

производстве судебной экспертизы. При этом имеются в виду положения ст. 197 и 198 УПК РФ. Согласно ст. 197 УПК РФ следователь вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы. Подозреваемый (обвиняемый), его защитники вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы с разрешения следователя (ст. 198 УПК РФ).

Существует мнение, согласно которому следователь во время присутствия при производстве экспертизы может делать замечания эксперту в связи с неполнотой проведенного исследования или несоблюдением процессуального порядка проведения экспертизы. В то же время отмечается, что следователь не наделен правом методического контроля за проведением исследований, и право выбора методики исследования остается за экспертом¹¹.

На наш взгляд, необходимо согласиться с точкой зрения Р. С. Белкина, согласно которой норма, закрепляющая право следователя присутствовать при производстве экспертизы, фактически бессодержательна¹². По его мнению, никто не вправе давать рекомендации или предъявлять к эксперту какие-либо требования при производстве им экспертизы. Не может следователь ставить перед экспертом и какие-либо дополнительные вопросы, не указанные в постановлении о назначении экспертизы: подобная ситуация разрешается только путем официального назначения дополнительной экспертизы¹³.

Также следует согласиться с мнением А. Р. Белкина, утверждающего, что орган, назначивший экспертизу, не в состоянии оценить ни соответствие выбора и применение им методов исследования, ни соответствие этих методов современным достижениям соответствующей области знания, поскольку для такой оценки этот орган должен обладать теми же познаниями, что и эксперт¹⁴.

- ¹ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 2001. С. 552–623.
- ² См.: *Быков В. М.* Новый УПК требует создания независимого комитета судебной экспертизы // Рос. юстиция. 2003. № 11. С. 15.
- ³ *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 96.
- ⁴ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. С. 625.
- ⁵ См.: *Трухачев В. В.* Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2000. С. 86.
- ⁶ См.: *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. С. 96.
- ⁷ См.: Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М., 1999. С. 177.
- ⁸ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. М., 2002. С. 156.
- ⁹ См.: Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство / под ред. В. Ф. Орлова. М., 2004. С. 36.
- ¹⁰ См.: *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. С. 130.
- ¹¹ См.: Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. С. 48–49.
- ¹² См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 213 ; *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003. С. 367 ; *Россинская Е. Р.* Использование специальных знаний по новому УПК : реалии и предложения // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2004. Вып. 5. С. 226.
- ¹³ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. С. 213.
- ¹⁴ См.: *Белкин А. Р.* Проблемы участия эксперта и специалиста в процессе исследования доказательств // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2004. Вып. 5. С. 46.

Воронежский государственный университет

Федорин В. Е., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: fedorin-ve@mail.ru

Tel.: 8-950-756-76-19

Voronezh State University

Fedorin V. E., Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Criminalistics

E-mail: fedorin-ve@mail.ru

Tel.: 8-950-756-76-19

УДК 343.98

М. О. Баев

Воронежский государственный университет

МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПО ДЕЛАМ О ЗАНЯТИИ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

А н н о т а ц и я: анализируется ст. 210¹ УК РФ; указывается, что наличие данной нормы вызывает насущную необходимость разработки соответствующих методик, в том числе по защите лиц потенциально, либо реально заподозренных, либо обвиненных в занятии высшего положения в преступной иерархии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: защита по уголовным делам, обвинение, уголовное судопроизводство.

METHODS OF PROFESSIONAL DEFENSE IN CASES OF OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

Abstract: *the article analyzes Art. 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and indicates that the presence of this norm raises an urgent need to develop appropriate methods, including for the protection of persons potentially, or really suspected, or accused of occupying a higher position in the criminal hierarchy.*

Key words: *criminal defense, prosecution, criminal proceedings.*

Поступила в редакцию 13 июля 2021 г.

Аксиоматичным представляется положение о том, что криминализация новых деяний с неизбежностью влечет необходимость не только разработки новых методик раскрытия и расследования данных видов преступлений, но и профессиональной защиты от реального либо потенциального уголовного преследования по ним.

Исключительно наглядно данный тезис подтвердило включение в отечественное уголовное законодательство нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной

иерархии. Статья 210¹ УК РФ, вступившая в силу с 1 апреля 2019 г. на основании Федерального закона № 46-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в части противодействия организованной преступности», изначально вызвала массу дискуссий как среди теоретиков права, так и среди правоприменителей.

Несмотря на очевидную актуальность необходимости уголовно-правового противодействия лидером организованной преступности, предложенная законодателем формулировка диспозиции ст. 210¹ УК РФ, дублирующая ее название «Занятие высшего положения в преступной иерархии», привела исследователей

к диаметрально противоположным оценкам по вопросам законности в подобном виде ее включения в действующую правовую систему, а также к практической реализуемости: от категорического отрицания допустимости подобной нормы ввиду очевидного противоречия основным принципам действующего уголовного законодательства у одних, необходимости регулирования данных правоотношений в рамках не уголовного кодекса, а иного специального законодательства – у других, различных предложений по необходимости ее усовершенствования – у третьих до признания нормы оптимальной и вполне «работоспособной».

Поскольку критика указанного нормативного установления не является целью данной статьи, считаем возможным ограничиться декларированием нашего мнения о целесообразности ее исключения из уголовного закона ввиду очевидного его противоречия основным принципам действующего уголовного законодательства, а именно ч. 1 ст. 14 УК РФ, признающим преступлением только деяния (действия либо бездействие), в то время как критикуемая норма фактически устанавливает ответственность не за деяние, а за статусную характеристику личности, положению ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности, а также принципу виновной ответственности, предусмотренному ст. 5 УК РФ.

Фактически введение ст. 210¹ УК РФ возвращает наше законодательство к справедливо критикуемой и своевременно исключенной из правоприменительной практики теории опасного состояния личности.

Однако *Dura lex, sed lex* – «закон есть закон».

Поэтому как бы критически мы ни относились к данной норме и ее современному содержанию, ее наличие вызы-

вает насущную необходимость разработки соответствующих методик, в том числе по защите лиц потенциально, либо реально заподозренных, либо обвиненных в занятии высшего положения в преступной иерархии.

Надежды стороны защиты на то, что норма окажется «мертворожденной», не оправдались, так как если с момента принятия ч. 4 ст. 210 УК РФ (вступила в силу с 1 января 2010 г.) был вынесен, насколько нам известно, лишь один приговор, то после принятия ст. 210¹ УК РФ возбуждено 102 уголовных дела, вынесено девять обвинительных и три оправдательных приговора.

Анализ доступной судебно-следственной практики, а также личный опыт автора статьи в осуществлении защиты по данной категории уголовных дел позволяет констатировать печальный факт непонимания стороной обвинения предмета доказывания состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ и, как следствие, проблемность защиты в ситуации отсутствия не только сложившейся судебно-следственной практики, но и мало-мальски четких критериев, позволяющих отнести того либо иного субъекта к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Отсутствие четких дефиниций «преступная иерархия», «высшее положение» и его «занятие» создают, на наш взгляд, непреодолимые препятствия как в обосновании обвинительных доводов, так и в их опровержении.

Попытка, предпринятая Пленумом Верховного Суда РФ, попытавшегося п. 24 Постановления Пленума от 10 июня 2010 г. № 12 решить вопрос о субъекте данного вида преступления, вряд ли может быть признана удачной. Более того, по нашему мнению, не только не выработано объективных критериев, но еще бо-

лее их размыло, бремя их определения в рамках судебного усмотрения переложилось на конкретного применителя.

Согласно данному разъяснению, при решении вопроса о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию преступного сообщества (преступной организации) или руководству им, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации).

О лидерстве такого лица в преступной иерархии могут свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п.

В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, т. е. пленум ориентирует на доказывание совершения конкретным лицом конкретных действий. Согласимся с мнением Д. А. Григорьева и В. И. Морозова, что оценочный характер данного квалифицирующего признака не позволяет выработать четких критериев определения.

В теории выделяют:

1) конкретные действия по созданию и руководству преступным сообществом координации преступной деятельности, создание устойчивых связей между самостоятельно действующими преступными группировками, раздел сфер преступного

влияния и преступных расходов и иные преступные действия, свидетельствующие об авторитете и лидерстве на определенной территории либо в определенной сфере деятельности;

2) наличие в распоряжении лица денег, ценностей и иного имущества, добытого преступным путем без его непосредственного участия в их приобретении, передаваемых этому лицу систематически без правовых оснований, их расходование на осуществление преступной деятельности;

3) наличие международных криминальных связей, проявляющихся в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Но бесспорным представляется тот факт, что состав от ст. 210¹ УК РФ является формальным, так как описание объективной стороны ограничивается указанием на совершенные действия вне зависимости от его последствий. Причем преступление окончено с момента совершения действий.

В этой связи краеугольным камнем является вопрос, что именно должно доказать обвинение, а защита соответственно опровергнуть.

Свою позицию о незаконности обвинения подзащитного автор статьи подробно изложил в ходатайстве, заявленном в рамках предварительных слушаний при рассмотрении уголовного дела по обвинению гр-на А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ в Белгородском областном суде.

Полагая, что изложенные в нем позиции во многом, хотя и исключительно в постановочном плане, могут послужить методической основой защиты по делам данной категории, считаем возможным привести его описательно-мотивировочную и резолютивную части.

В производстве Белгородского областного суда находится уголовное дело

в отношении А. по признакам преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. Обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения.

1. Обвинение не основано на законе

Статья 14 УК РФ указывает, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания, а основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

Дополнив УК РФ ст. 210¹, законодатель не дал определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, не указал, какие действия данного лица могут расцениваться как общественно опасные, т. е. являющиеся в силу ст. 14 УК РФ преступлением. Обвинение А. основывается при определении этого понятия на неофициальных источниках: показаниях лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы, сотрудников службы исполнения наказаний и органов внутренних дел.

Очевидно, что об общественной опасности лица, занимающего высшее положение преступной иерархии, могут свидетельствовать именно конкретные противоправные действия или бездействие, составляющие способ совершения преступления.

Это согласуется с положениями ст. 5 УК РФ, гласящей: лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Очевидно, что указанные в Постановлении Пленума рекомендации по от-

ношению к установлению признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, – лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, – должны быть выполнены и при обвинении лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ.

Воронцов А. В., профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности ФГКУ ВО «Академия управления МВД России», допрошенный в качестве специалиста, пояснил, что «вор в законе» занимает высшее положение в преступной иерархии. Имеющие такие звания лица отличаются масштабами подконтрольного объекта криминальной среды: объект экономики, транспортный узел, район, город, место лишения свободы.

Это позволяет сделать вывод о том, что занятие высшего положения в преступной иерархии и наличие статуса «вора в законе» не являются идентичными понятиями. Для решения вопроса о том, занимает ли «вор в законе» высшее положение в криминальном мире, необходимо установить объем его полномочий, конкретные подконтрольные объекты и проанализировать характер его действий по реализации своих полномочий.

Таких сведений в настоящем уголовном деле не имеется.

Употребленные в постановлении о привлечении А. в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении абстрактные формулировки создают неопределенность обвинения, не отражают пределы судебного разбирательства. Кроме того, это нарушает предусмотренное ст. 47 УК РФ право А. знать, в чем он обвиняется, и защищаться от обвинения.

Нельзя признать достаточными содержащиеся в материалах уголовного дела данные о занятии А. высшего положения в преступной иерархии. Сами обстоятельства приобретения статуса «вора

в законе» в постановлении о привлечении А. в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении указаны как «неустановленные».

Указание на то, что подсудимый является «вором в законе», в его характеристиках не имеет ссылок на какой-либо источник. Свидетели, считающие А. «вором в законе», источником своей осведомленности назвали данные из Интернета. Ни сам А., ни иные лица не указали, какими конкретными полномочиями он был наделен, заняв высшее положение в криминальном мире, что именно было подконтрольно ему, в чем проявилась общественная опасность его положения.

Указание в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении на то, что до получения статуса «вора в законе» А. доказал свою приверженность к преступной идеологии, желание соблюдать и пропагандировать правила криминальной субкультуры, проявив психологические лидерские качества, независимость, уверенность в себе, решительность, умение ориентироваться и принимать решения в сложных ситуациях, никакого подтверждения в материалах дела не имеет.

Нет сведений о том, что положение «вора в законе» по состоянию на 1990 – 20 ноября 1991 г. давало ему какие-либо материальные блага, что не позволяет суду признать доказанным, что А. действовал из корыстных побуждений, с целью занятия лидирующего положения в уголовно-преступной среде и повышения своего преступного авторитета, осознавая противоправность своих действий и наступление общественно опасных последствий в виде нарушения общественной безопасности, нормального функционирования государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений, как это указано в по-

становлении о привлечении в качестве обвиняемого.

В материалах дела нет каких-либо конкретных сведений о том, что после получения статуса «вора в законе» до осуждения, а затем во время отбывания наказания в местах лишения свободы А. осуществлял полномочия «вора в законе», общие сведения о которых сообщили допрошенные лица, на подконтрольной территории. Обвинение не установило какой-либо конкретную территорию, на которой А. до и после осуждения якобы осуществлял свои полномочия, каким образом им и с кого именно проводились сбор средств и их распределение, каким образом он контролировал соблюдение принятых в преступной среде традиций и правил и осуществлял их пропаганду среди криминально ориентированной молодежи.

Факты осуждения А. не могут быть бесспорно истолкованы как пропаганда так называемых «воровских идей», спланивание под этими идеями лиц криминальной направленности, продолжение пропаганды криминальной субкультуры. Такой вывод не следует из текста приговоров, вступивших в законную силу. Не имеется и иных сведений, которые могли бы свидетельствовать, что преступления совершались с целью пропаганды воровских идей.

Особые условия отбывания наказания свидетельствуют о нарушениях, допущенных А. при отбывании наказания и несоблюдении правил содержания осужденных в исправительном учреждении, однако это не является признаком того, что нарушитель – лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии при отсутствии иных сведений о наличии у него особых полномочий и их реализации как «вора в законе».

Помимо того, что не является безусловно установленным факт занятия А.

высшего положения в преступной иерархии, обвинение указывает, что это событие могло состояться, как указано в обвинительном заключении, не позднее 1990 г.

То есть обвинением инкриминируется совершение указанных выше действий по занятию высшего положения в преступной иерархии до принятия Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ, которым УК РФ был дополнен ст. 210¹, тем самым произошла криминализация занятия высшего положения в преступной иерархии.

В силу требований ст. 10 УК РФ уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, обратной силы не имеет.

Таким образом, А. не может нести ответственность за действия, совершенные до вступления в силу указанного Федерального закона.

Текст постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительное заключение не содержат указания на совершение А. после 12 апреля 2019 г. конкретных противоправных действий, свидетельствующих о реализации им своих полномочий как «вора в законе», т. е. о том, что занятие высшего положения, если расценивать его как деяние преступления, не было пресечено или прекращено после вступления в законную силу Федерального закона № 46-ФЗ.

В общих выражениях в обвинении указано, что А. пропагандирует «воровские идеи», сплывает под этими идеями лиц криминальной направленности, продолжая реализовывать свой преступный умысел, действуя умышленно из корыстных побуждений и иной личной заинтересованности, с целью закрепления своего преступного влияния, увеличения своего преступного авторитета, поддержания лидирующего положения в уголовно-преступной среде, извлечения имуществен-

ной и неимущественной выгоды для себя и иных лиц путем разрешения споров и конфликтов между лицами, придерживающимися криминальной идеологии, создания благоприятных условий для лиц, содержащихся в местах лишения свободы и следственных изоляторах.

Следствие установило и указало в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении, что, противодействуя негативному влиянию его (А.), имеющего статус так называемого «вора в законе», на лиц, содержащихся под стражей, в указанном учреждении в целях пресечения его дальнейшей деятельности по пропаганде обычаев и правил криминальной субкультуры, а равно в целях недопущения нарушений положений Конституции РФ, Уголовно-исполнительного кодекса РФ, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (утвержденных Приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295) и других нормативных актов и приказов, регламентирующих деятельность следственных изоляторов и исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, Администрацией ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Белгородской области и других учреждений ФСИН России были предприняты меры, направленные на содержание его (А.) одного в камере, т. е. в изоляции от остальных заключенных, с целью исключения его общения с лицами криминальной направленности.

С момента прибытия в ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Белгородской области А. содержался в одиночной камере. Он изолированно от иных осужденных осуществлял прогулки, помывку в бане, питался в камере. При этом сотрудниками ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Белгородской области не было установлено за время содержания под стражей ни одного

факта нарушений, связанных с попытками общения с иными осужденными или сотрудниками ФСИН, использование для этого выкриков, средств межкамерной связи, запрещенных предметов, т. е. совершение действий, которые можно было бы расценить как оказание влияния на иных осужденных с целями, указанными в обвинении.

Само по себе большое количество нарушений режима содержания А. за время отбывания наказания не является бесспорным признаком того, что А., допуская эти нарушения, действовал как «вор в законе». Допрошенные сотрудники ФСИН указали, что нарушения режима содержания допускаются не только «ворами в законе», но и иными осужденными. Характер допущенных нарушений также не может безусловно свидетельствовать о том, что такие нарушения допускались А. для подтверждения своего статуса в криминальном мире.

Указав, что занятие высшего положения в преступной иерархии совершено и совершается А. из корыстной заинтересованности, следствие не привело в обвинении времени и конкретных действий, направленных на реализацию умысла подсудимого в этой части, равно как и не указало на конкретную роль А. в сборе и аккумулировании денежных средств на нужды осужденных, их местонахождение и сумму, а обвинение не представило суду доказательств этого.

Согласно показаниям лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы, сотрудников ФСИН, специалиста Воронцова, «положенцы» и «смотрящие» также занимают высшее положение в преступной иерархии. Они назначаются «вором», и через них «вор в законе» осуществляет свои полномочия. Однако по настоящему делу такие лица установлены не были, характер их действий, взаимо-

связь с подсудимым и его роль не выяснились, юридической оценки их действия не получили.

Не является доказательством совершения А. преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ на территории Российской Федерации и сообщенные руководителем группы Национального центрального бюро Интерпола УМВД России по Белгородской области сведения о том, что он разыскивается как лицо, в отношении него издано уведомление Интерпола «с синим» углом. Данное сообщение не указывает на время совершения предполагаемых неправомерных действий. Указание на то, что такое уведомление издается в целях предупреждения преступной деятельности лица, в отношении лидеров и активных участников организованной преступной группы и преступного сообщества, а также лиц, причисляющих себя к категории «воров в законе» не содержит ссылки на какой-либо нормативный акт и содержит **не утверждение** о признании разыскиваемых лиц «ворами в законе», а о том, что эти лица сами причисляют себя к этой категории.

Обвинением не приведено доказательств сделанного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого вывода, что положение А. позволяет ему контролировать и координировать различные направления деятельности криминальных структур в Российской Федерации и обеспечивать их существование, что согласно предъявленному обвинению является признаком лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Вменяя в вину А. то, что после принятия Федерального закона № 46-ФЗ он, осознавая противоправность своих действий, продолжил занимать высшее положение в преступной иерархии и находиться в криминальном звании так на-

зываемого «вора в законе», обвинение не указало, каким образом лицо, намеренное снять с себя это звание, должно действовать, не нарушая закон, каков правомерный способ прекращения такого статуса и, как следствие, освобождения от уголовной ответственности.

Допрошенные сотрудники УФСИН, УВД, специалист, лица, отбывавшие наказание в местах лишения свободы, указали на то, что сам «вор в законе» не может снять с себя этот статус. Сделать это может только так называемая «воровская сходка», которая принимает решение, исходя из возможного проступка «вора», его поведения. Даже в том случае, если «вор» высказывает намерения выйти из этого статуса, такой вопрос подлежит рассмотрению иными «ворами в законе», которые могут признать причины отказа от звания «вора» заслуживающими внимания и снять его, а могут не согласиться с решением «вора». Не предусмотрено и в действующем законодательстве какого-либо правомерного порядка лишения лица статуса «вора» либо процедуры добровольного отказа от этого статуса.

В силу этого нет законных оснований для признания противоправным, уголовно наказуемым поведения А., который не снял с себя звания «вор в законе», каковым он себя считает.

Не могут являться доказательством действий А. как «вора в законе» данные, отраженные в акте расшифровки видеозаписи оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» с участием А., состоявшейся в 2020 г. В данном документе нет сведений о том, какие именно действия выполнялись А., в отношении кого и в какой период, а участвовавшие в этом оперативном мероприятии лица показали, что беседа с А. касалась событий до 2019 г., что следует и из содержания записи.

То обстоятельство, что и после апреля 2019 г. осужденные воспринимали А. как «вора в законе», так как, по их словам, «обратного прогона» о его «раскоронении» не было, не может служить доказательством того, что А. в этот период умышленно занимал высшее положение в криминальном мире.

В силу положений ч. 3 ст. 49 Конституции РФ неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

В этой связи, по мнению стороны защиты, обвинением не представлено доказательств того, что А. действуя умышленно из корыстных побуждений и иной личной заинтересованности, с целью закрепления своего преступного влияния в Белгородской области, увеличения своего преступного авторитета, поддержания лидирующего положения в уголовно-преступной среде, с целью извлечения имущественной и неимущественной выгоды для себя и иных лиц путем разрешения споров и конфликтов между лицами, придерживающимися криминальной идеологии, создания благоприятных условий для лиц, содержащихся в местах лишения свободы и следственных изоляторах, осознавая противоправность своих действий и наступление общественно-опасных последствий в виде нарушения общественной безопасности, нормального функционирования государственных, коммерческих и иных организации и общественных объединений, занял высшее положение в преступной иерархии и совершал какие-либо действия, обусловленные этим статусом и направленные на реализацию полномочий такого лица.

Отсутствие в деле доказательств, объективно и бесспорно указывающих на выполнение подсудимым объективной стороны инкриминируемого ему преступления, позволяет суду сделать вывод об

отсутствии в действиях А. состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, что в силу п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ является основанием для прекращения уголовного дела.

2. Решение о возбуждении уголовного дела не обосновано

В нарушение ч. 2 ст. 140, ч. 1 ст. 146 УПК РФ постановление о возбуждении уголовного дела не содержит достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В нарушение ч. 1 ст. 3 УК РФ в качестве основания возбуждения уголовного дела указано, что А. – «вор в законе». Уголовный закон **не определяет данное понятие**, не предусматривает, что высшее положение в преступной иерархии занимает «вор в законе».

Репорт КУСП 9372 от 25 июня 2020 г. не содержит сведений о признаках преступления, указывает погашенные судимости и качества личности. Ссылка на интернет-ресурс «<http://www.primecrime.ru/>» не обоснована, информация на нем постановлением Дмитровского районного суда г. Костромы от 6 октября 2020 г. по делу об административном правонарушении 2а-1050/2020 признана оправдывающей и пропагандирующей противоправное поведение, распространяющееся в молодежной субкультуре, ориентированной на внедрение в повседневную жизнь стиля общения и «законов» криминального мира, признанной запрещенной на территории Российской Федерации (АУЕ). Отбытие подсудимым наказаний в соответствии с приговорами судов и привлечение к административной ответственности не свидетельствуют о преступлении. Иные сведения изложены без указания источника – со ссылкой на некие «сведения ГУУР МВД России», «сведения ФСБ России», «сведения сотрудника ГУУР МВД России». Опрошенные показали, что знают о А. **по слухам**, ни

с ним, ни с А. **С.А. не знакомы, не указали источник** осведомленности. Вывод об участии подсудимого в собрании, притом что время, место и состав собрания не установлены (абз. 1 л. 4 обвинительного заключения), не обоснован за отсутствием конкретных фактических данных.

3. В ходе расследования не собраны доказательства

Сведения оперативно-розыскных мероприятий «наведение справок» о личности подсудимого не являются достаточными (ст. 88 УПК РФ). Указав, что он отбывал наказания в местах лишения свободы не менее 20 лет и получил статус «вор» в период с 1990-го по 20 ноября 1991 г., следователь изучил его поведение в период с 12 июля 2007 г. по 10 июня 2008 г. (отбытие наказания в ФКУ ИК-6 УФСИН России по Чувашской Республике), в неопределенный период времени с 10 июня 2008 г. (отбытие наказания в ФКУ Тюрма ГУФСИН России по Челябинской области) и в неопределенный период времени с 10 февраля 2009 г. (отбытие наказания в ФБУ Т-2 УФСИН России по Липецкой области). Сведения о поведении в иное время отбытия наказаний в местах лишения свободы не установлены. Личное дело из ЦВСИГ ГУ МВД России по г. Москве не содержит сведений о преступлении (л. 87–141 т. 1 материалов уголовного дела). В удовлетворении ходатайства о запросе личных дел из иных учреждений, в которых содержался подсудимый, отказано (л. 35–36 т. 7 материалов уголовного дела).

Справка о результатах проведенного ОРМ «наведение справок» просмотр интернет-ресурса «<http://www.primecrime.ru/>» **не является относимой и достоверной** (ст. 88 УПК РФ). В материалах уголовного дела нет сведений о том, что подсудимый является автором «прогона № 1», «прогона № 2» (абз. 5–7 л. 11

обвинительного заключения), не установлена принадлежность почерка, существование этих «прогонов» в действительности. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ справка относится к недопустимым доказательствам.

Рапорт оперуполномоченного 1-го направления 8-го отдела управления «К» СЭБ ФСБ России от 25 июня 2020 г. о проведенном ОРМ «наведение справок» (л. 22–23 т. 2 материалов уголовного дела) **не является достоверным** (ст. 88 УПК РФ) в связи с тем, что материалы уголовного дела не содержат сведений об организации подсудимым акций неповиновения среди осужденных в местах лишения свободы. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ рапорт относится к недопустимым доказательствам.

В нарушение ч. 2 ст. 168 УПК РФ 26 июня 2020 г. участвующим в допросе подозреваемого А. **специалистам Б. и Т. не разъяснены их права и ответственность**, предусмотренные ст. 58 УПК РФ (л. 64 т. 2 материалов уголовного дела). В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания подозреваемого относятся к недопустимым доказательствам.

Допрос подозреваемого начат 26 июня 2020 г. в 13 ч 15 мин, приостановлен в 13 ч 35 мин, возобновлен в 16 ч 15 мин и окончен в 16 ч 20 мин. **Перерыв в следственном действии объявлялся для составления протокола, ознакомления с ним участников, ознакомления с видеозаписью допроса** (л. 70 т. 2 материалов уголовного дела). **26 июня 2020 г. в 14 ч 24 мин начато и в 15 ч 00 мин окончено получение образцов для сравнения с участием А. и специалиста Б., которая также является участником допроса подозреваемого** (л. 75 т. 2 материалов уголовного дела). Следственные действия произвел заместитель на-

чальника отдела СЧ СУ УМВД России по Белгородской области К. Изложенное свидетельствует о фальсификации доказательств. Протокол допроса подозреваемого от 26 июня 2020 г. и оптический диск (л. 64–72 т. 2 материалов уголовного дела), протокол получения образцов для сравнительного исследования от 26 июня 2020 г. и оптический диск (л. 75–77 т. 2 материалов уголовного дела) относятся к недопустимым доказательствам в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Заключения судебных фоноскопических экспертиз 3-238, 3-239, 3-252, 3-253, 3-240, 3-241 сфальсифицированы и относятся к недопустимым доказательствам в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Ознакомившись с ними 26 января 2021 г., А. сообщил, что изложенный от его лица текст не соответствует сказанному им в действительности.

4. Существо обвинения не разъяснено обвиняемому и не понятно

А. отказался подписать протокол допроса обвиняемого от 15 февраля 2021 г., сославшись на то, **что сущность обвинения ему не понятна**, что подтверждается с. 2–4 протокола. Защитник на с. 4 протокола заявил, что обвинение не понятно, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого отсутствуют предусмотренные п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ данные, вывод о совершении преступления сделан ввиду расширительного толкования уголовного закона и сведений, не относящихся к описанию преступления.

Вместо сведений о деянии постановление о привлечении в качестве обвиняемого от 15 февраля 2021 г. содержит необоснованное толкование неправовых понятий: «уголовно-преступная среда (криминальная среда)», «криминальная субкультура», «криминальная идеология», «пре-

ступные традиции», «сходка», «воровская сходка», «вор в законе», «вор», «воровской общак», «смотрящий», «смотрящий за игрой», «положенец», «малява».

В нарушение ч. 1 ст. 3 УК РФ **следователь отождествил необоснованное толкование неправовых понятий** с деянием, предусмотренным ст. 210¹ УК РФ, делая вывод, что «вор» занимает высшее положение в преступной иерархии (абз. 3 с. 3 постановления). **Закон не определяет указанные понятия**, ст. 210¹ УК РФ установила ответственность не за принадлежность к неправовому статусу «вор», а за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Сведения об отбытии А. наказаний в виде лишения свободы и характеризующий материал (л. 71–86 т. 1 материалов уголовного дела) не подтверждают совершение вменяемого деяния и **относятся к периоду времени до его криминализации**.

5. Обвинение не ограничено какими-либо пределами, абстрактно

В нарушение ст. 14 УК РФ и вопреки Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого **не изложено, когда, где и какие конкретно действия осуществил А. в указанных следователем целях, в чем они выразились**.

Обвинение является неопределенным, не отражает пределы уго-

ловного судопроизводства в нарушение предусмотренного ст. 47 УПК РФ права А. знать, в чем он обвиняется, и защищаться.

Материалы уголовного дела содержат данные об *отбытии А. наказаний, последующей криминализации* вменяемого преступления, *задержании и содержании его под стражей*. Иное **относится к действиям неустановленных лиц**, не являющихся участниками судопроизводства.

По этим основаниям сторона защиты настаивала на прекращении уголовного преследования А., прекращении в отношении А. уголовного преследования **в виду** отсутствия в его действиях события преступления.

В удовлетворении ходатайства в стадии предварительного слушания было предсказуемо отказано, на момент подготовки статьи уголовное дело находится в стадии судебного следствия.

Резюмируя вышеизложенное, вынужден констатировать: лишь активная научная дискуссия, вдумчивая, кропотливая и аккуратная работа законодателей, принципиальная и непредвзятая, свободная от политической ангажированности позиция правоприменителя сможет обеспечить баланс личных и общественных интересов при разрешении вопросов уголовной ответственности по данной категории крайне спорных правоотношений.

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
криминалистики

E-mail: baev_co@mail.ru

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Criminalistics
Department

E-mail: baev_co@mail.ru

О. Н. Богун

Ростовский юридический институт МВД РФ

О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ТАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А н н о т а ц и я: рассмотрены актуальные вопросы, связанные с классификацией тактических задач в криминалистике, предложены актуальные тактические задачи как для теоретических, так и для практических криминалистических исследований, обоснована авторская позиция относительно данной проблемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тактическая задача, классификация тактических задач.

ABOUT SOME TYPES OF TACTICAL TASKS OF PRELIMINARY INVESTIGATION

A b s t r a c t: this publication discusses current issues related to the classification of tactical tasks in criminology, offers current tactical tasks for both theoretical and practical forensic research, and substantiates the author's position on this problem.

Key words: tactical task, classification of tactical tasks.

Поступила в редакцию 20 июня 2020 г.

Проведение предварительного расследования преступлений связано с точным определением и учетом данных анализа ситуаций расследования, тактических задач расследования. Сведения из специальной литературы свидетельствуют о том, что криминалистами в достаточной степени разработаны виды тактических задач.

Уже классической стала их классификация по функциональному назначению (розыскные или поисковые, исследовательские, организационно-управленческие¹). Оно определяет вид криминалистической деятельности, осуществляемой следователем, для которого данные задачи являются характерными.

Так, выделение в системе функциональных задач, задач розыскного (по-

искового) характера основано в первую очередь на розыском характере отечественного уголовного судопроизводства. Фактически следователь, добывая доказательства и ориентирующую информацию, что в криминалистике называется криминалистически значимой информацией, осуществляет розыскную деятельность посредством доступных ему процессуальных средств в соответствии с криминалистическими рекомендациями. Объектами его розыскной деятельности являются только те объекты, которые ему известны², т. е. установлены процессуальным путем. Можно сказать и по-другому, что поисковая деятельность следователя направлена на получение информации об объектах, пока ему не известных, но, вероятно, существующих.

Исследовательский характер тактических задач функционального назначения определяется необходимостью из-

учения следователем в процессе расследования преступления объектов, «втянутых» в его орбиту и релевантных этому процессу. Соответствующая тактическая задача связана тактической целью получения и восприятия информации, отраженной в этих (этими) объектах. Фактически это деятельность следователя по сборанию, исследованию, оценке и использованию криминалистически значимой информации в процессе расследования преступлений.

Вспомогательный характер в предварительном расследовании носят организационно-управленческие задачи. Их содержание тесно связано с определениями понятий «организация» и «управление», которые представляют собой «динамически связанный процесс формирования структуры системы ее качественного совершенствования, поддержания в организованном состоянии для оптимального целенаправленного функционирования»³. Решение подобных тактических задач отражает сопровождение процесса расследования и решение задач розыскного (поискового) и информационного характера, создание оптимальных условий для их решения. Кроме того, и что немаловажно, они отражают необходимость установления эффективного взаимодействия между участниками расследования, в том числе и на основе психологического контакта, с использованием оптимальных форм тактического взаимодействия и управления их поведением со стороны следователя, а также обеспечения комфортных условий и необходимых организационных и технико-криминалистических средств расследования.

Мы полагаем, что классификация тактических задач по функциональному назначению является актуальной для современных условий расследования преступлений.

В криминалистике разработано достаточно различных классификаций тактических задач, однако их прикладной аспект определяется не числом указанных классификаций, а тем, насколько они гармонично вписываются в ту или иную частную криминалистическую методiku расследования преступлений.

Так, по характеру решения тактические задачи можно разделить на простые, когда способ их решения в соответствии с ситуацией расследования известен следователю, и сложные, которые характеризуются отсутствием однозначного способа разрешения в определенной ситуации расследования и наличием обстоятельств, не позволяющих в полной мере предвидеть последствия принятого тактического решения.

По последовательности решений следователя тактические задачи могут быть исходными (обнаружение, фиксация и изъятие криминалистически значимой информации), промежуточными (установление доказательств и ориентирующей информации, планирование следственных действий, организация и реализация тактических операций по установлению обстоятельств расследуемого преступления и т. п.) и конечными (принятие процессуальных решений, установление элементов системы обстоятельств, подлежащих доказыванию) задачами.

Приоритетность решения следователем тактических задач предполагает их классификацию на первоочередные и последующие тактические задачи.

Для криминалистических классификаций традиционным и широко распространенным является деление различных объектов, процессов и явлений на типичные и нетипичные или типичные и специфические. Также некоторыми авторами делятся и тактические задачи⁴. Следует отметить, что типизация тактических задач

всегда носит примерный характер и в зависимости от особенностей расследования может быть «мягко» изменена или дополнена следователем с учетом ситуации расследования или других обстоятельств.

Оригинальным представляется подход к классификации тактических задач В. Е. Корноуховым. Он выделяет общие и частные тактические задачи, при этом частные тактические задачи являются производными общей тактической задаче.

Можно и далее приводить различные классификации тактических задач расследования, однако мы выбрали наиболее популярные для криминалистических исследований, а поэтому часто используемые в криминалистических рекомендациях по расследованию преступлений.

На наш взгляд, деление тактических задач на исходные, промежуточные и конечные нам представляется излишним, так как сам процесс решения любой тактической задачи предусматривает начало и окончание ее решения.

В криминалистической литературе было подмечено, что любая тактическая задача, определенная следователем в расследовании преступления, являясь целью тактического воздействия, определяет также избираемые им криминалистические средства и методы⁵. Это хорошая идея для разработки научно-практических рекомендаций, связанных с расследованием преступления в определенных ситуациях, так как следователь получает хороший, обоснованный данными анализа судебно-следственной практики криминалистический алгоритм деятельности. В зависимости от особенностей си-

туации расследования этот алгоритм может быть им скорректирован. Отметим, что криминалистические исследования в этом направлении уже активно проводятся⁶. В соответствии с изложенным классификацию тактических задач с учетом тактических средств, с помощью которых они могут быть решены, следует представить следующим образом:

1) тактические задачи, решение которых может быть обеспечено посредством отдельных тактических приемов;

2) тактические задачи, решение которых может быть обеспечено посредством использования тактических комбинаций;

3) тактические задачи, решение которых может быть обеспечено посредством тактических операций.

В современных условиях расследования преступлений особую актуальность приобретают тактические задачи, обусловленные преодолением противодействия расследованию. Современная криминалистика располагает достаточными научно-практическими наработками для того, чтобы следователи в процессе расследования, используя эти рекомендации, могли эффективно преодолевать противодействие расследованию со стороны заинтересованных лиц⁷.

В данной публикации нами проведено исследование видов тактических задач, которые могут быть использованы в расследовании преступлений. Полагаем, что их применение в разработках криминалистических методик расследования преступлений может оптимизировать эти методики для правоприменительной деятельности.

¹ В различных источниках авторы по-разному определяют элементарные структуры этой классификации, однако их сущность от этого не меняется. Например, С. Ю. Якушин называет их предметно-производственные, научно-поисковые, организационно-управленческие. См.: Якушин С. Ю. Тактические задачи и средства их решения при расследовании преступлений / под науч. ред. В. Н. Карагодина. Казань, 2014. С. 23.

² См.: *Закатов А. А.* Криминалистическое учение о розыске. Волгоград, 1988. С. 6 ; *Коновалов Е. Ф.* Розыскная деятельность следователя. М., 1973. С. 5 ; и др.

³ *Зеленский В. Д.* Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов н/Д., 1989. С. 33 ; *Его же.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений : монография. Краснодар, 2011. С. 52.

⁴ См., например: *Богауудинов Ф. Н., Хакимуллина Л. М.* Особенности расследования уголовных дел с участием иностранных граждан // Российский следователь. 2009. № 9. С. 2–4.

⁵ См.: *Головин А. Ю.* Криминалистическая систематика. М. 2002. С. 217–219.

⁶ См., например: *Якушин С. Ю.* Указ. соч.

⁷ См., например: *Карагодин В. Н.* Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992 ; *Бабаева Э. У.* Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006 ; Противодействие расследованию преступлений и меры его преодоления : учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М., 2017 ; и т. п.

*Ростовский юридический институт
МВД РФ*

Богун О. Н., адъюнкт кафедры
криминалистики

E-mail: bon_161@mail.ru

*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation*

Bogun O. N., Associate Professor of the
Department of Criminology

E-mail: bon_161@mail.ru

И. М. Комаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ В СИТУАЦИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СО СТОРОНЫ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А н н о т а ц и я: автор рассматривает актуальную криминалистическую проблему, связанную с организацией расследования преступлений, на наиболее важном этапе – первоначальном этапе расследования, в ситуациях, когда заинтересованные стороны противодействуют его ходу с целью достижения собственных интересов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: предварительное расследование, ситуация расследования, противодействие расследованию.

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION IN SITUATIONS OF OPPOSITION FROM INTERESTED PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: the author examines the current forensic problem associated with the organization of crime investigation at the most important stage – the initial stage of the investigation, in situations where interested parties counteract its progress in order to achieve their own interests.

Key words: preliminary investigation, investigation situation, counteraction to investigation.

Поступила в редакцию 22 июня 2020 г.

Вопросы организации расследования преступлений всегда представляли особый интерес для криминалистов. В основе этого интереса лежит их стремление разработать научно-практические рекомендации следователю с целью оптимизации расследования отдельных видов преступлений.

Данной проблеме в последние десятилетия было посвящено достаточно специальных исследований. В их основе лежат как общетеоретические, так и криминалистические источники, предназначение которых определяется как система научно-практического знания, способ-

ного обеспечить достижение следователем целей уголовного судопроизводства в сложных уголовно-процессуальных и криминалистических ситуациях стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Тактические и методические аспекты организации расследования преступлений достаточно подробно были рассмотрены отечественными криминалистами И. Н. Якимовым, В. И. Громовым, Р. С. Белкиным, А. М. Лариным, М. П. Шаламовым, О. Я. Баевым, М. О. Баевым, Н. П. Яблоковым, В. К. Гавло, Е. П. Ищенко и др.

Особая роль в данных исследованиях принадлежит В. Д. Зеленскому, а так-

же А. Г. Филиппову, который последовательно отстаивает позицию о том, что организация раскрытия и расследования преступлений является самостоятельным разделом науки криминалистики, наряду с традиционно признанными разделами.

Не вдаваясь в теорию вопроса, присоединимся к авторитетному мнению В. Д. Зеленского о том, что «организация – это, прежде всего, структурирование расследования, его упорядочение»¹. То есть для того, чтобы организовать расследование, необходимо определить и конкретизировать его цели, спланировать и создать условия для руководства практическим производством действий, их сочетаний, а также расследования в целом.

Определение понятия «организация расследования преступлений» представляется нам, в своей сущности, системой действий следователя, нацеленной на создание условий для качественной реализации назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК РФ.

Однако возникает вопрос: «Что представляет собой эта система относительно отдельной методики расследования?»

Здесь уместно обратиться к определению В. Д. Зеленского, которое и расчислито по своему содержанию на прикладную возможность его использования следователем в конкретной методике расследования преступлений.

В этом определении автор в качестве одного из важных существенных признаков указанной системы действий выделяет признак «умственной модели» (по своей сути криминалистической) предстоящей деятельности следователя, т. е. «искусственной системы, воспроизводящей в той или иной степени сходства исследуемый в сфере уголовного судопроизводства объект (оригинал), изучение которого позволяет получить новые знания об оригинале, необходимые для решения задачи правосудия и управления

профессиональной деятельностью следователя»².

Данное определение указывает на то обстоятельство, что следователь, осуществляя деятельность по организации расследования преступлений, должен опираться на соответствующую модель, которая с учетом обстоятельств конкретного преступления и оценки следственной ситуации способна обеспечить оптимизацию его организационной деятельности. В этой связи Е. П. Ищенко, анализируя взгляды В. Д. Зеленского, отмечает, что последний очень верно акцентирует внимание на том, что «расследование протекает в условиях дефицита исходной информации и времени, ожидаемого и реального противодействия, вследствие чего организационные функции следователя должны включать всю организацию расследования, ибо он определяет и конкретизирует цели, планирует всю работу, создает условия для качественного производства следственных действий, руководит системой расследования»³. Поэтому качественно организовать расследование может процессуально-самостоятельный, наделенный властно-распорядительными полномочиями, профессионально подготовленный и обладающий высокими морально-этическими качествами следователь.

Следующий важный вопрос, который требуется разрешить, связан с выделением главного элемента, образующего систему действий следователя по организации расследования преступлений. То есть фактически следует определиться с видом методики организации предварительного расследования, которую предполагается разрабатывать, ориентированной прежде всего на типичную следственную ситуацию.

Например, если эта методика характеризуется отсутствием или недостаточностью информации о личности, в отно-

шении которой предполагается ведение расследования, и многих обстоятельствах события, также не вполне информационно определенных на первоначальном этапе следствия, рекомендации по организации их установления в качестве главного элемента, образующего соответствующую систему, должны основываться на особенностях этой личности, как, собственно, и соответствующая частная методика расследования.

Также, к примеру, анализ преступлений, совершаемых депутатами законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и выборного органа местного самоуправления, свидетельствует о том, что они представляются достаточно мозаичными по предметам преступного посягательства. Поэтому «привязывать» методические рекомендации следователю по организации расследования к тем или иным особенностям этих преступлений не имеет практического смысла. В этом случае рекомендации по своему содержанию не дадут сколько-нибудь положительного эффекта применительно к целям расследования. Однако очевидно, что эти преступления отличаются от других преступлений субъектом, т. е. личностью преступника. Это и указывает на необходимость изучения данной личности в качестве главного элемента организации расследования.

В этом указанный вывод не расходится с классификационным подходом к делению частных криминалистических методик на две родовые группы, предложенным И. А. Возгриным⁴.

Далее в качестве примера рассмотрим особенности организации расследования преступлений, совершаемых так называемыми «региональными» депутатами, и аргументируем тезис о том, что организация расследования преступлений тесно связана не только с предметом преступ-

ного посягательства и другими важными обстоятельствами совершения преступления, но и с личностью преступника.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что депутаты законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и выборных органов местного самоуправления – достаточно пестрая по социально-демографическим, нравственно-психологическим и биологическим свойствам социальная группа. Приоритетной особенностью, которая их объединяет, является только уголовно-процессуальный правовой статус. В этом отношении и следует выстраивать рекомендации, связанные с вопросами организации предварительного расследования совершаемых ими преступлений.

Объективно, что в процессе досудебного производства по уголовным делам рассматриваемой категории следователю будет противостоять не маргинальный, а публичный субъект, который достаточно хорошо владеет положениями действующего законодательства, к тому же представленный в расследовании квалифицированным профессиональным защитником.

Это означает, что противодействие, т. е. совокупность умышленных действий, направленных на воспрепятствование другим действиям (деятельность правоохранительных органов), имеющих целью достижение объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования этих участников уголовного судопроизводства, будет носить все возможные формы, свойственные посткриминальным ситуациям.

В этой связи отметим, что организация предварительного расследования как одна из основных функций следователя не в состоянии эффективно реализовать свое предназначение для установления обстоятельств совершенного преступле-

ния, если это не будет связано с учетом такой важной категории, как следственная ситуация.

В. А. Образцов в этой связи справедливо отмечает, что «организовать деятельность по установлению преступника – это значит разработать и реализовать определенный комплекс общих и ситуационных, и вспомогательных подготовленных мероприятий, способствующих эффективно выявлению и изобличению указанного лица»⁵. Очевидно, конкретные практические шаги следователя на этом этапе должны быть связаны в первую очередь с построением, изучением и адекватной оценкой сложившейся ситуации. Фактически это означает необходимость идти от оценки и анализа следственной ситуации к выбору в соответствующей частной методике типового плана расследования, а затем к его адаптации и реализации с учетом особенностей обстоятельств и условий расследования конкретного преступления.

В соответствии с изложенным выделим типичные следственные ситуации, в которых протекают на первоначальном этапе данные расследования, и отразим их связь с организационными действиями следователя.

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о том, что расследование начинается и протекает в обстановке возникновения достаточного числа проблем и разрешения их следователем в соответствующих ситуациях, порой же осуществляется в конфликтных обстоятельствах. Одна из главных причин этому – особый правовой статус субъекта преступления.

Практически 86,2 % из числа изученных нами уголовных дел свидетельствуют о том, что следственную ситуацию на первоначальном этапе следует определить как проблемную, т. е. как своеобразное противоречие между знанием

и незнанием, специфическое соотношение известного и неизвестного по делу, при котором искомое не дано и непосредственно в исходных данных не содержится, но находится в неоднозначной, вероятностной связи с уже установленными фактами, в какой-то мере ограничивающими и направляющими поиск решения.

Проблемная ситуация по делам данной категории практически исчерпывает свое содержание тогда, когда следователь достоверно устанавливает факт принадлежности заподозренного в совершении преступления лица к «специальным» субъектам – депутатам законодательного органа государственной власти субъектов Российской Федерации и выборного органа местного самоуправления. По материалам изученных уголовных дел в отдельных случаях этот факт находил свое подтверждение в период от 10 до 15 суток (24,3 %) с момента возбуждения уголовного дела.

Необходимо также обратить внимание на особенности личности депутатов, в первую очередь с тем, чтобы отметить их свойства, учет которых необходим и обязателен для следователя в целях достижения назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК РФ. Эти свойства обеспечивают для предварительного расследования преступлений, совершенных депутатами, после установления их особого правового статуса, следственную ситуацию, чье содержание следует охарактеризовать как конфликтное. Оно оценивается таковым в соответствии с практически 79,3 % изученных уголовных дел.

Сущность конфликтных ситуаций составляют два основных «конфликтогенных» фактора – тактическое соперничество сторон, имеющих несовпадающие интересы, и обстановка неопределенности в отношении их планов и намерений.

На формирование конфликтных ситуаций существенное влияние оказывает

такая разновидность прагматической неопределенности, как стратегическая неопределенность.

Если в проблемных ситуациях рассматриваемого вида главную неопределенность составляет отсутствие фактов, свидетельствующих об особом правовом статусе лица, заподозренного в совершении преступления, от чего зависит «включение» в процесс организации расследования особых процессуальных процедур, то в конфликтных ситуациях (когда факт особого процессуального статуса заподозренного установлен) эта зона охватывает несколько иные обстоятельства – действительные планы, намерения, подлинную тактическую позицию соперничающей со следователем стороны.

Следует также отметить, что достаточно часто проблемные ситуации на первоначальном этапе взаимодействуют с конфликтными ситуациями, образуя, таким образом, комбинированную ситуацию для следователя (18,9 % по материалам изученной судебной-следственной практики).

Особенностью конфликтных ситуаций является тактическое противодействие следователю со стороны подозреваемого, в отдельных случаях свидетелей и потерпевших, других участников расследования, занимающих негативную позицию, которая усугубляется незнанием следователем их действий.

Проблемы противодействия расследованию преступлений активно исследовались еще в работах Г. Гросса. В этой связи он, в частности, указывал на дачу ложных показаний и притворство (симуляцию недугов) со стороны обвиняемого или важного свидетеля во время допроса.

Продолжение этих исследований нашло свое отражение в работах Р. С. Белкина, А. Р. Ратинова, В. Н. Карагодина, И. М. Лузгина, И. А. Николайчука, Э. У. Бабаевой, М. О. Баева, О. Я. Баева,

В. В. Трухачева, А. М. Кустова и других криминалистов.

В широком смысле под противодействием расследованию понимается совокупность умышленных действий, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов и суда по осуществлению правосудия. Другими словами, относительно стадий досудебного производства это воспрепятствование осуществлению следователем его процессуальных полномочий по быстрому и полному раскрытию и расследованию преступлений, изобличению виновных, т. е. установлению на основе норм уголовно-процессуального закона объективной истины по уголовному делу, в том числе и утаивание особого правового статуса, о чем было сказано ранее.

Общей целью противодействия, как известно, являются оставление в тайне для следователя обстоятельства совершенного преступления, сокрытие источников криминалистически значимой информации о самом преступном событии и его участниках, дезорганизация правоохранительной деятельности, а также воспрепятствование раскрытию преступления и осуществлению правосудия.

В динамике это обстоятельство можно рассматривать в качестве посягательства на доказательственную информацию, т. е. покушение на эти объекты (доказательственную информацию / доказательств) с целью обеспечения принятия и реализации противостоящей стороной уголовно-процессуальных и криминалистических решений в интересах лиц, осуществляющих посягательство, а также удержания противостоящей стороны от принятия и реализации решений, не соответствующих интересам субъектов, такую деятельность осуществляющих, по иным личным причинам.

Все направления деятельности по воспрепятствованию обусловлены вза-

имодействием внешних, объективных и субъективных факторов, которые отражаются в предкриминальном поведении, при совершении преступления и в посткриминальном поведении субъекта взаимодействия.

Права Э. У. Бабаева, отмечая, что «на каждом этапе подобное поведение включает две подсистемы: свойства личности и внешнюю среду, взаимодействие которых ведет к мотивации противодействия, а от мотивации к планированию, затем совершению преступления, избранию способа сокрытия преступления»⁶.

Для субъектов, преступное поведение которых фрагментарно и в качестве примера исследуется в настоящей статье, целью противодействия является стремление не только не допустить выявления всех обстоятельств совершенного преступления, но и скрыть это преступление и последствия его совершения от общественности (объективно данные мотивы установлены по 96,1 % изученных уголовных дел).

Вышеприведенные факторы подлежат обязательному учету в процессе организации расследования следователем преступлений, совершенных указанными депутатами.

Практика досудебного производства по уголовным делам в отношении этих депутатов свидетельствует о том, что обычно противодействие уголовному преследованию не связано с деятельностью, содержание которой можно оценивать как подготовку к сокрытию умышленного преступления, т. е. деятельность, осуществляемую субъектом задолго до выявления преступления и возбуждения уголовного дела.

Обычно детерминантом поведения рассматриваемых субъектов преступлений является конфликтная ситуация, складывающаяся при возбуждении уголовного дела и в дальнейшем при предва-

рительном расследовании между заподозренным, подозреваемым, обвиняемым и следователем, который осуществляет в отношении них уголовное преследование. Это тот случай, когда сама «конфликтность следственной ситуации предполагает наличие противодействия».

Мотивом этой конфликтной ситуации выступают попытки противодействия возбуждению уголовного дела (52,8 %), его прекращения (47,2 %) с целью избежать уголовной ответственности.

Практика свидетельствует о том, что воспрепятствование досудебному производству по уголовному делу проявляется в конкретных активных действиях заподозренных, направленных на создание помех и препятствий уголовному преследованию, что выражается в сокрытии принадлежности к субъектам, обладающим особым процессуальным статусом (26,9 %), отказе в даче объяснений, соответствующих определенным фактам (21,2 %), даче ложных показаний (11,4 %) и пр.

Так, глава Нижнезалегощенского сельского поселения Залегощенского района Орловской области Н. Д. Бобылева (фамилия изменена) была обвинена в злоупотреблении должностными полномочиями (ч. 2 ст. 285 УК РФ), что выразилось в корыстном нарушении ею правил регистрации граждан по месту жительства. В процессе предварительного расследования и судебном разбирательстве Н. Д. Бобылева неоднократно меняла свои показания, желая избежать уголовной ответственности⁷.

Это так называемое внутреннее противодействие, которое оказывается не только субъектами, заподозренными в совершении преступления или в отношении которых уже ведется уголовное расследование, но и лицами, причастными в любой форме к данному расследованию. Ими фактически могут быть

любые участники уголовного судопроизводства, определенные действующим уголовно-процессуальным законодательством, имеющие цель скрыть, изменить или уничтожить криминалистически значимую информацию и (или) ее носители.

Этот вид противодействия следователь должен всегда учитывать в организации и планировании расследования преступления. Для его преодоления криминалистикой разработано достаточно эффективных тактических способов и средств, основанных на их упреждающем характере.

Также одной из особенностей расследования преступлений, совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ или выборного органа местного самоуправления, является так называемое внешнее противодействие. То есть деятельность лиц, либо вообще не связанных с расследуемым событием и лицом, осуществляющим расследование, либо связанных со следователем процессуальными, служебными или иными властными отношениями или другими зависимостями.

Наиболее активно, по понятным причинам, эта форма противодействия реализуется на стадии возбуждения уголовного дела. Ее приоритетной целью является затягивание принятия решения о возбуждении уголовного дела, что негативно сказывается на процессах качественного собирания криминалистически значимой информации о преступлении и лице, его совершившем. В основе данного вида противодействия, по свидетельству практики, лежит так называемый административный ресурс в отрицательном понимании данного словосочетания. Он может быть связан как с непосредственным давлением на следователя с помощью телефонных переговоров, непосредственных контактов и пр., так и опосредованным воздействием через ру-

ководителей следственных структур, сослуживцев, родственников и пр.

После возбуждения уголовного дела факторы внешнего противодействия предварительному расследованию обычно усиливаются и могут выражаться в создании негативного общественного мнения относительно процесса расследования, различных формах вмешательства в процесс расследования заинтересованных представителей органов власти и управления и пр.

Однако наиболее серьезными формами внешнего противодействия являются действия непосредственных заинтересованных в конкретном расследовании руководителей следственных структур и непосредственных руководителей следователя, в производстве которого находится уголовное дело в отношении так называемого «специального» субъекта. К этим формам следует отнести «торможения» следствия путем несвоевременного создания следственной оперативной группы или частого ее изменения по составу; прямое вмешательство в процесс расследования путем дачи указаний, внесения предложений; организацию ознакомления заинтересованных в уголовном деле лиц с информацией, которая составляет следственную тайну; устранение от расследования опытных и принципиальных работников и пр.

Учет фактора противодействия досудебному производству по уголовным делам данной категории представляется одним из главных в процессе организации расследования. Именно в отношении него будут строиться все остальные элементы организации, связанные с вопросами планирования основных и дополнительных следственных и розыскных мероприятий, основу которых могут составить тактические средства преодоления лжесвидетельств и разоблачения ложных показаний; способствующие соблюдению

следственной тайны; защите доказательственной информации от ее уничтожения и искажения; обеспечивающие безопасность участников уголовного процесса; способствующие предупреждению возникновения следственных ошибок.

Исходя из таких особенностей процесса организации предварительного расследования, связанных в первую очередь с особенностями личности данных «специальных» субъектов, характера следственных ситуаций расследования, необходимо разрабатывать соответствующие

криминалистические рекомендации по предварительному расследованию уголовных дел о преступлениях, совершенных депутатами законодательных органов государственной власти субъектов РФ и выборного органа местного самоуправления.

Такой методологический подход мы считаем правильным для разработки соответствующих рекомендаций по организации расследования преступлений, объединенных частными криминалистическими методиками.

¹ Зеленский В. Д. Организационные функции субъектов расследования преступлений. Краснодар, 2005. С. 15.

² Густов Г. А. Моделирование в работе следователя : учеб. пособие. Л., 1980. С. 16.

³ Ищенко Е. П. Организация расследования преступлений : современные проблемы // Проблемы организации расследования преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 21–22 сентября. Краснодар, 2006. С. 9.

⁴ См.: Возгрин И. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования // Следственная ситуация : сб. науч. трудов. М., 1984. С. 66–67.

⁵ Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997. С. 43.

⁶ Бабаева Э. У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М., 2006. С. 63.

⁷ См.: Уголовное дело №1-13/2009 // Архив Новосильского районного суда Орловской области.

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Комаров И. М., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov*

Komarov I. M., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminology

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

Е. Л. Комбарова

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

ОЦЕНКА ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРОВЫМ СУДЬЕЙ

А н н о т а ц и я: осуществлен анализ различных аспектов оценки заключения эксперта мировым судьей в различных уголовно-процессуальных формах судебных производств: при разрешении уголовных дел частного обвинения, а также в процессе рассмотрения уголовных дел в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ).

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспертное заключение, мировой судья, доказательство, относимость, допустимость, достоверность, эксперт, специалист.

ASSESSMENT OF AN EXPERT OPINION BY A MAGISTRATE

Abstract: the article analyzes various aspects of evaluating the expert's opinion by a justice of the peace in various criminal procedural forms of court proceedings: when resolving criminal cases of private prosecution, as well as in the process of considering criminal cases in a special order with the consent of the accused with the charge against him (Chapter 40 of the criminal procedure code of the Russian Federation).

Key words: expert opinion, justice of the peace, evidence, relevance, admissibility, reliability, expert, specialist.

Поступила в редакцию 13 июля 2021 г.

Мировой судья в процессе отправления правосудия осуществляет оценку значительного спектра экспертных исследований – судебно-медицинских, дактилоскопических, трасологических, компьютерно-технических и иных.

Экспертное заключение в системе доказательств играет важную роль, позволяя определить следовую картину, характеризующую механизм события.

При этом степень информативности заключения эксперта для мирового судьи различна.

В одном случае, исходя, например, из судебно-медицинского экспертного за-

ключения, мировому судье достаточно сложно установить подлинный механизм события ввиду вероятностного характера выводов эксперта и их вариативности.

Например, «у потерпевшего выявлена травма правого глазного яблока, компонентами которой явились: ушиб правого глазного яблока, тяжелой степени с подвывихом хрусталика; кровоизлияния в ткань глазного яблока; рваная рана наружного угла глаза. Данное повреждение в виде травмы правого глазного яблока образовалось от действия тупых твердых предметов, которыми могут быть и рука, сжатая в кулак, нога, обутая в ботинок, и др. Ударов могло быть много, но для образования данного повреждения достаточ-

но и одного травмирующего воздействия. Индивидуальных признаков травмирующих предметов в полученном потерпевшим повреждении не отобразилось»¹.

В иных же случаях экспертное заключение более категорично характеризует механизм события, позволяя опровергнуть версию стороны, участвующей в деле.

Приведем выдержку из решения суда.

«По версии обвинения, ссадина причинена потерпевшему в результате удара кулаком, нанесенного Гориним, но данное обстоятельство опровергается заключением судебно-медицинской экспертизы: *ссадина на левом предплечье возникла при касательном воздействии предмета с относительно заостренной поверхностью воздействия, коим кулак не является*»².

В данном случае ошибочной явилась версия государственного обвинителя.

Заключение эксперта позволяет опровергнуть и ложную версию подсудимого.

Так, мировой судья, вынося приговор, указал, что «к доводам подсудимого о том, что кулаком ударов потерпевшему он не наносил, на пол его не ронял, умысла на причинение побоев у него не было, суд относится критически, считает их выбранным способом защиты с целью избежать уголовного наказания. Данные доводы опровергаются оглашенными в судебном заседании показаниями потерпевшего Падерина В. А., свидетелей, исследованными письменными доказательствами – копией карты вызова скорой медицинской помощи и заключением эксперта, согласно которым у потерпевшего Падерина В. А. было зафиксировано телесное повреждение *в виде ушибленной раны волосистой части головы*, при этом подсудимый указал на то, что при падении от его случайного толчка, потерпевший ударился о тумбочку лбом, но материалы дела не содержат сведений о наличии раны у потерпевшего в области лба»³.

Оценивается заключение эксперта по общим правилам оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ), в рамках которых осуществляется определение относимости, допустимости и достоверности экспертного заключения.

Но специфика уголовно-процессуальной формы судебного разбирательства накладывает существенный отпечаток на процесс оценки заключения эксперта мировым судьей.

Значительную долю в числе уголовных дел, разрешаемых мировым судьей, представляют уголовные дела частного обвинения.

Юридически некомпетентный частный обвинитель, пытаясь доказать правомерность своего обвинительного тезиса, может заявлять множество ходатайств об установлении обстоятельств, часто не имеющих прямого отношения к исследуемому событию, что весьма затрудняет и удлинняет процесс рассмотрения дела частного обвинения по существу.

Относимость экспертного заключения представляет собой логическую взаимосвязь между информационной составляющей заключения и обстоятельствами уголовного дела, подлежащими установлению.

Так, частный обвинитель обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой о том, что мировым судьей не было разрешено ходатайство Сахновых о проведении повторной судебно-медицинской экспертизы с учетом карты вызова скорой помощи, в которой не отражены обстоятельства, характеризующие причинение потерпевшей сотрясения головного мозга. Но, как указано в приговоре, «из самого ходатайства следует, что предлагаемый эксперту вопрос является скорее правовым, а не специальным, в то время как причины неуказания симптомов сотрясения головного мозга находятся, учитывая обстоятельства очевидного

преступления, за пределами исследуемых судом доказательств»⁴.

Обладает спецификой оценка мировым судьей *допустимости* экспертного заключения при разрешении уголовных дел частного обвинения.

В подавляющем большинстве случаев потерпевший, которому причинены телесные повреждения, подпадающие под категорию уголовных дел частного обвинения, первоначально обращается не к мировому судье, а в правоохранительные органы, сотрудниками которых осуществляются определенные проверочные действия. При поступлении заявлений граждан мировому судье из органов внутренних дел вместе с материалами проверки часто поступают и заключения эксперта.

Отдельные судьи принимают подобное заключение в качестве доказательства, полагая, что при ознакомлении с выводами экспертного исследования в судебном заседании подсудимый и защитник, в случае несогласия с результатами, могут заявить ходатайство о проведении повторной экспертизы.

Так, в одном впоследствии оспоренном решении мирового судьи указывается: «довод защитника о том, что подсудимый в соответствии со ст. 195, 198 УПК РФ не был ознакомлен постановлением о назначении медицинской экспертизы и с самим заключением эксперта, в связи с чем полагает, что заключение эксперта не может являться доказательством по делу, не состоятелен. Подозреваемый, обвиняемый и их защитники, а также потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства; в том случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с постановлением одновременно с признанием его таковым. Медицинская экспертиза назначалась УУП

ОМВД России в рамках проведения проверки по заявлению потерпевшего о нанесении ему побоев. *Подсудимый на тот момент не был признан подозреваемым либо обвиняемым.*

Уголовное дело в отношении подсудимого является делом частного обвинения. С заключением эксперта подсудимый и его защитник были ознакомлены в процессе рассмотрения уголовного дела у мирового судьи. При этом подсудимый и его защитник вправе были заявить ходатайство о проведении повторной экспертизы. На основании изложенного суд приходит к выводу о том, что оснований для признания заключения эксперта недопустимым доказательством не имеется, выводы экспертизы подсудимым и его защитником не оспаривались»⁵.

Однако суды вышестоящей инстанции отменяют приговоры мировых судей, принимающих заключение эксперта, проведенное в рамках досудебного производства, и не назначающих в обязательном порядке судебно-медицинскую экспертизу в рамках судебного разбирательства.

Приведем пример.

В приговоре мирового судьи, вынесенном по делу частного обвинения, «в качестве доказательства вины подсудимого в инкриминируемом ему преступлении, в том числе указаны: акт судебно-медицинского исследования № 676 от 11.10.2013 (л. д. 10–12) и Заключение эксперта № 522/2013 от 22.01.2014 (л. д. 13–19). Однако указанные документы не могут быть признаны допустимыми доказательствами виновности подсудимого, поскольку получены в нарушение требований ст. 80, 86, 88, 147, 195, 196, 198, 283, 319 УПК РФ, эти документы были вне рамок судебного разбирательства по делу частного обвинения у мирового судьи, подсудимый не имел возможности поставить перед экспертом

вопросы, не был ознакомлен о назначении производства медицинской экспертизы, то есть его право на судебную защиту было существенным образом нарушено... Следовательно, отказ мирового судьи о проведении судебной медицинской экспертизы, которая по делам данной категории является обязательной, представляет собой нарушение требований ст. 196 УПК РФ...»⁶.

Таким образом, мировой судья должен назначить в судебном заседании судебно-медицинскую экспертизу для определения степени тяжести вреда здоровью, предложив сторонам поставить вопросы перед экспертом. Только в этом случае процессуальные права потерпевшего и подсудимого будут соблюдены.

Вместе с тем следует понимать, что неучастие в деле государственного обвинителя накладывает значительный отпечаток на процесс назначения экспертизы.

В рамках публичного разбирательства стороны активно используют свое право постановки вопросов к эксперту. По делам же частного обвинения потерпевший в силу юридической некомпетентности сталкивается с затруднениями в формулировании нужных вопросов, а подсудимый и защитник по тактическим соображениям часто не заинтересованы в подробном установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, что проявляется не только в рамках назначения экспертизы, но и в процессе доказывания по делу в целом.

Поэтому приобретает определенные особенности и процесс оценки такого качества экспертного заключения, как его *достоверность*.

Анализ достоверности экспертного заключения предполагает оценку объективности и полноты исследования, его научной и логической обоснованности.

Устраняются неполнота и противоречивость экспертного заключения путем

допроса эксперта, анализа заключения специалиста и его допроса, сопоставления экспертного заключения с другими имеющимися в деле доказательствами.

Однако специфика дел частного обвинения обусловлена отсутствием досудебного производства, что предопределяет необходимость формирования всей доказательственной информации по уголовному делу *в рамках судебного разбирательства*. Но юридический непрофессионализм частного обвинителя, а также часто имеющая место пассивность адвоката, осуществляющего защиту по назначению, в значительной степени препятствуют полноте формирования доказательств и, соответственно, затрудняют процесс оценки мировым судьей *достоверности* экспертного заключения путем его сопоставления с другими имеющимися в деле доказательствами.

Причины некачественного экспертного исследования могут быть различными.

Неполнота и недостоверность, например, судебно-медицинского экспертного исследования могут быть обусловлены, в частности, качеством представляемых эксперту медицинских документов. Устранить недостатки позволяет повторная экспертиза, а также допрос эксперта в судебном заседании.

Приведем пример, процитировав выдержку из приговора мирового судьи.

«Судебно-медицинский эксперт, допрошенный в судебном заседании, показал, что проводил судебно-медицинскую экспертизу потерпевшего на основании постановления о проведении экспертизы, руководствуясь актом судебно-медицинского обследования, составленным им самим. При составлении акта он осматривал потерпевшего лично, ему были представлены медицинские документы – амбулаторная карта, заключения рентгенолога, копия журнала. Рентгеновские снимки и снимки компьютерной томографии он не

изучал, так как не является специалистом по чтению данных снимков, со снимками эксперт не работает, работает только по медицинским документам, заключениям специалистов. Пояснил, что так как компьютерная томография – более современный способ диагностики, то снимки более четкие и на них можно увидеть то, что не видно на рентгеновских снимках. В ходе вопроса ему были предложены для изучения рентгеновские снимки и снимки КТ, осмотрев которые, он пояснил, что, действительно, качество рентгеновских снимков такое, что на них перелома верхней челюсти у потерпевшего не видно, но на снимках КТ он виден четко. Перелом 4-го пальца левой кисти был диагностирован по рентгеновским снимкам 05.04.2015, перелом верхней челюсти слева и латеральной стенки левой верхнечелюстной пазухи диагностированы по результатам компьютерной томографии 06.04.2015»⁷.

В отдельных случаях в первичных медицинских документах, на основании которых проводится судебно-медицинская экспертиза, могут содержаться неумышленные ошибки, переходящие в заключение эксперта.

Так, оценивая экспертное заключение, мировой судья пришел к выводу о наличии в нем ошибки, поскольку в заключении указывалось на обнаружение у потерпевшего резаной раны 2-го пальца *правой кисти*, что не соответствует установленным судом обстоятельствам, поскольку у потерпевшего на момент его поступления в больницу имелась резаная рана 2-го пальца *левой кисти*.

Судьей было установлено, что указанную ошибку допустил в медицинских документах врач-хирург, о чем он и дал суду показания. В связи с тем что судмедэксперт свое заключение давал по медицинским документам, ошибка, допущенная врачом-хирургом, перешла в указанное заключение эксперта⁸.

Заключение эксперта о сроке давности причинения лицу телесных повреждений часто имеет основополагающее для подсудимого значение, позволяя опровергнуть факт причинения им вреда здоровью потерпевшего в конкретное время и инкриминируемых следствием обстоятельствах.

Неполнота оценки сведений, представленных в заключении эксперта, а также неустранение мировым судьей противоречий в сведениях, представленных в экспертном заключении и заключении специалиста, могут повлечь отмену приговора.

Приведем пример из практики суда апелляционной инстанции.

«В основу обвинительного приговора мировым судьей принято заключение эксперта, согласно выводам которого на момент обследования у потерпевшего имелся закрытый перелом костей носа с кровоподтеком и ссадиной в его проекции, которые могли образоваться одномоментно, в результате однократного воздействия тупого предмета (предметов), детальные свойства контактных поверхностей которого в повреждениях не отобразились, по давности образования не противоречат сроку, указанному обследуемым, о чем свидетельствуют морфологические признаки повреждений (окраска кровоподтека, характер поверхности ссадины)... Однако, указывая на давность причинения потерпевшему закрытого перелома носа, судебно-медицинский эксперт сослался на окраску кровоподтека, характер поверхности ссадины, которые *не являются признаками перелома носа*, а представляют собой описание видимых телесных повреждений на лице потерпевшего...

Показания эксперта отражены в приговоре не полностью. В частности, не отражены его показания о том, что достоверно определить давность перелома ко-

стей носа и искривления носовой перегородки может рентгенолог, ему для экспертизы были представлены лишь медицинские документы без снимков. Обнаруженные у потерпевшего повреждения могли образоваться в том числе в результате воздействия собственной рукой, при ударе в быту. В представленных ему для экспертизы документах отсутствовали сведения о том, консолидированный или консолидирующийся перелом обнаружен у потерпевшего.

Признавая необоснованным заключение специалиста, суд первой инстанции не раскрыл его содержания. Вместе с тем в данном заключении указано то, что признаков острого периода клинического течения перелома костей носа (болезненность, отек, кровоизлияния в носовых ходах, отсутствие носового дыхания, нарушение обоняния и т. д.) врачом отоларингологом не указаны, диагноз: “перелом костей носа” установлен на основании рентгенограмм, описание которых, имеющихся в заключении эксперта, противоречивы: “...рентгенография ППН: ...носовая перегородка искривлена влево...”, – нет сведений о переломе костей носа; “...рентгенография костей носа: определяется косой перелом носовой кости...”, – нет сведений о смещении отломков. Установить наличие, количество, давность перелома(ов) или искривления перегородки по заключению не представляется возможным.

Допрошенный в суде апелляционной инстанции специалист показал, что в указанных медицинских документах различное описание травмы: перелом носа, косой перелом носа, перелом носовой кости. Перелом костей носа ведет к обильному носовому кровотечению, смещению отломков, разрыву слизистых оболочек. Эти признаки должны быть выявлены врачами, но они не описаны в справках. По его

мнению, у потерпевшего на снимках обнаружен застарелый перелом костей носа со смещением отломков, поскольку такой перелом не зарастает, а обрастает хрящевой тканью и будет пожизненно проявляться. В настоящее время, как и на момент обследования потерпевшего, определить, какой перелом у него обнаружен – застарелый или свежий – невозможно.

Оценка данным доказательствам мировым судьей не дана, имеющиеся в них противоречия судом первой инстанции не устранены»⁹.

В случае наличия противоречий между результатами первичной, повторной экспертизы или заключением специалиста, мировым судьей должна быть дана надлежащая оценка каждому доказательству и в решении судья должен указать, почему он принимает одно доказательство и отвергает другое.

Значительную проблему при оценке заключения эксперта представляет отсутствие унификации методик экспертного исследования. Наличие множества методических рекомендаций порождает затруднения в оценке судьей правильности выбора экспертом наиболее оптимального метода исследования. При этом выводы экспертов по одним и тем же обстоятельствам, сделанные в результате применения различных методик экспертиз, могут весьма существенно различаться.

Так, в рамках гражданского судопроизводства при оценке утраты товарной стоимости автомобиля в результате ДТП сумма материального ущерба может быть рассчитана по разным методикам, при этом итоговый результат существенно различается.

Приведем пример.

В ходе рассмотрения гражданского дела по ходатайству страховой компании и просьбе истца судом были назначены автотовароведческие, оценочные экспер-

тизы. По итогам первичной экспертизы, в ходе которой была использована методика РФ ЦСЭ при Министерстве юстиции, эксперт рассчитал размер утраты товарной стоимости (далее – УТС) автомобиля «Опель Астра GTC P-J/SW» и пришел к выводу, что он составляет 6137 рублей. После дополнительной экспертизы, проведенной этим же экспертом, но уже с использованием другой методики авторства немецкого инженера Эрнеста Хальбгевакса, размер УТС составил 15 619 рублей. Далее истец самостоятельно организовал проведение независимой оценки для установления размера утраты товарной стоимости автомобиля, обратившись в другое экспертное учреждение, где экспертом также была проведена оценка УТС автомобиля по методике Хальбгевакса и размер УТС составил уже 18 477 рублей 63 копейки.

Соответственно, для определения размера утраты товарной стоимости автомобиля мировой судья должен сделать выбор в пользу какой-либо одной из методик. В данном случае мировой судья сделал вывод, что метод Хальбгевакса, на применении которого настаивала истец (очевидно, ввиду большего размера суммы, подлежащей взысканию), не применим для определения величины утраты товарной стоимости для автомобилей, поскольку методика Министерства юстиции «Исследование автотранспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки» рекомендована для проведения судебной экспертизы, она разработана с учетом требований Федерального закона «О государственной экспертной деятельности» в соответствии с приказом Министерства юстиции «Об утверждении перечня родов и видов экспертиз выполняемых работ в федерально-экспертном учреждении РФ», а также нормативно-правовой, нор-

мативно-технической документации по вопросам экспертной деятельности в отношении транспортных средств, технической эксплуатации транспортных средств и безопасности дорожного движения¹⁰.

Вместе с тем и методика определения размера утраты товарной стоимости автомобиля, разработанная Хальбгеваксом, также является общепринятой, более широко применяется в странах Европы и используется для расчета УТС автомобилей иностранного производства. Отсутствует какой-либо прямой запрет применения данной методики в ходе производства экспертных исследований на территории Российской Федерации.

Таким образом, судья должен в решении мотивировать, почему он принимает одну методику и отвергает другую. Однако объективно оценить эффективность и целесообразность методики, применяемой в конкретном случае, может только специалист в данной научной сфере.

Соответственно, одним из способов оценки достоверности вызывающего сомнение экспертного заключения является либо назначение повторной или дополнительной экспертизы, либо анализ заключения специалиста в соответствующей области.

Однако в уголовном процессе большинство судей весьма критично оценивает заключение специалиста, представленное стороной защиты.

В. Васюков и Е. Семенов отмечают, что суды в 80 % случаев не принимают в качестве надлежащего доказательства заключение специалиста, полученное адвокатом-защитником, отмечая, что получение стороной защиты заключения специалиста осуществляется вне рамок уголовного процесса, специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ, порядок привлече-

ния защитником специалиста к участию в уголовном судопроизводстве законом детально не урегулирован, а ст. 168, 270 УПК РФ носят декларативный характер¹¹, что априори предопределяет наличие у суда сомнений в достоверности представленной специалистами информации.

Естественно, адвокат-защитник не может предупредить специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, ибо он не является субъектом доказывания, обладающим властными полномочиями. Вместе с тем именно конкуренция, состязательность специальных знаний в уголовном судопроизводстве позволит мировому судье установить достоверные обстоятельства события.

Для придания информации, содержащейся в заключении специалиста, представленного защитником, надлежащего доказательственного значения, на наш взгляд, необходим *обязательный допрос судьей специалиста* по всем выводам, сделанным им в заключении. Предшествовать данному допросу должно предупреждение судом специалиста об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, что позволит ввести в правовое поле уголовного процесса соответствующую информацию, придать ей необходимое доказательственное значение с позиции допустимости и избежать таким образом потенциально возможных злоупотреблений со стороны специалиста.

В частности, обратившись к особенностям получения иных доказательств в уголовном процессе, можно отметить, что недопустимыми являются показания лиц, данные ими в ходе *опроса* при проведении доследственной проверки или же показания по соответствующим обстоятельствам, данные субъектами *в процессе гражданского судопроизводства*, так как данные лица в рамках этих форм полу-

чения доказательственной информации не предупреждаются об уголовной ответственности и потому соответствующие сведения являются недопустимыми доказательствами, никогда не могут быть положены в основу обвинительного заключения или использоваться судом при постановлении судебного решения. В равной степени информация, полученная в ходе оперативно-розыскной деятельности, не имеет самостоятельного доказательственного значения и подлежит легализации в уголовный процесс определенным образом.

Думается, это правило должно быть актуально и для заключения специалиста, представленного адвокатом-защитником. Вся информация, полученная вне стандартной процедуры уголовного процесса, должна быть вовлечена в уголовное судопроизводство в надлежащем порядке, что и позволяет осуществить допрос субъекта – носителя информации, проведенный в предусмотренной законом форме.

Именно конкуренция специальных знаний в уголовном процессе позволит мировому судье, необходимыми познаниями не обладающему, объективно оценить экспертное заключение и сделать соответствующие выводы, что будет способствовать познанию истины, установлению достоверных обстоятельств события.

Отдельную проблему представляет оценка мировым судьей заключения эксперта при рассмотрении дела в *особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением*.

Усеченный характер судебного следствия, не предполагающий возможность исследования доказательств, препятствует проверке качества экспертного заключения путем допроса эксперта, специали-

ста (при наличии суждения по вопросам экспертного исследования) либо назначения повторной экспертизы.

Соответственно, судья анализирует только имеющиеся в деле сведения, сопоставляя экспертное заключение с другими доказательствами (в первую очередь на стадии подготовки дела к судебному разбирательству). При наличии малейших противоречий, расхождений экспертного заключения с иной доказательственной информацией судья, на наш взгляд, обязан перейти на общий порядок и осуществить исследование доказательств в судебном заседании в полном объеме.

Но задача анализа экспертного заключения путем сопоставления с имеющимися в деле доказательствами, реализуемая мировым судьей на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в особом порядке, осложняется тем, что досудебное производство по делу зачастую осуществляется в форме *сокращенного дознания*, предполагающего возможность потенциальной избирательности формирования дознавателем

доказательственной информации и, как следствие, ее возможную неполноту и односторонность, препятствующую всесторонней оценке мировым судьей заключения эксперта.

При этом, обнаружив ущербность доказательственной информации, мировой судья не может перейти на общий порядок судебного разбирательства, чтобы устранить возникшие у него сомнения относительно качества экспертного заключения, поскольку при наличии обстоятельств, препятствующих постановлению обоснованного и справедливого приговора в случае производства дознания в сокращенной форме, на основании ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ судья должен вынести постановление *о возвращении дела прокурору* для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

Таким образом, на процесс анализа экспертного заключения мировым судьей оказывает влияние не только уголовно-процессуальная форма *судебного* производства, но и форма производства *досудебного*.

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Чернянского района Белгородской области от 15 марта 2017 г. по делу № 1-6/2017. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

² Приговор мирового судьи судебного участка № 106 Волгоградской области от 2 мая 2017 г. по делу № 1-6/2017. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

³ Приговор мирового судьи судебного участка № 17 Мишкинского судебного района Курганской области от 29 июля 2016 г. по делу № 1-24/2016. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

⁴ Кассационное определение Кемеровского областного суда от 28 августа 2012 г. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

⁵ Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Советского судебного района г. Иваново от 21 июня 2017 г. по делу № 1-24/2017. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

⁶ Приговор Белореченского районного суда Краснодарского края от 10 апреля 2015 г. № 10-1/2015 по делу № 10-1/2015. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

⁷ Приговор мирового судьи судебного участка № 1 г. Краснотурьинского судебного района Свердловской области от 8 сентября 2015 г. по делу № 1-81/2015. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

⁸ См.: Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Тисульского судебного района Кемеровской области от 9 декабря 2016 г. по делу № 1-78/2016. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

⁹ Приговор № 10-44/2017 Центрального районного суда г. Читы от 22 июня 2017 г. по делу № 10-44/2017. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

¹⁰ См.: Решение мирового судьи судебного участка № 3 Железнодорожного района г. Барнаула Алтайского края от 11 ноября 2016 г. по делу № 2-4/2016. URL: <https://www.sudact.ru/magistrate/>

¹¹ См.: Семенов Е. А., Васюков В. Ф. Заключение специалиста : причины критической оценки в суде // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 100, 101.

*Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия*

Комбарова Е. Л., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики

*E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru
Тел.: 8-950-768-77-80*

*The Central Branch of the Russian
State University of Justice*

Kombarova E. L., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Judicial Expertise and Criminalistics Department

*E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru
Tel.: 8-950-768-77-80*

Л. Б. Краснова

Воронежский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А н н о т а ц и я: выделены основные проблемы расследования преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта и его наиболее эффективного способа организации – искусственных нейронных сетей. Они связаны в первую очередь с несвоевременностью их выявления, а также с логической сложностью технологии искусственного интеллекта и разветвленности их инфраструктуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистика; расследование преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий; информационные технологии; искусственный интеллект.

PROBLEMS OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract: the article highlights the main problems of investigating crimes committed using artificial intelligence and its most effective way of organizing – artificial neural networks. They are associated, first of all, with the lateness of their detection, as well as with the logical complexity of artificial intelligence technology and the ramification of their infrastructure.

Key words: forensics; investigation of crimes committed using information technology; information technology; artificial intelligence.

Поступила в редакцию 1 декабря 2020 г.

Современный этап развития общества характеризуется ростом преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ «на деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, приходится одно из четырех регистрируемых в текущем году преступлений (363 тыс.)». Темпы увеличения количества таких преступлений по итогам 9 месяцев 2020 г. составляют 77 %. «Как и прежде, больше половины всех “киберпреступлений” совершается с использованием сети “Интернет” (209,7 тыс.), свыше 42 % –

при помощи средств мобильной связи (155,2 тыс.)»¹.

Такой неуклонный рост количества преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, связан с широкой доступностью и простотой использования информационных технологий. Если ранее, характеризуя личность преступника, совершающего преступления с использованием информационных технологий, в литературе отмечалось, что это лица, обладающие достаточно глубокими специальными знаниями в области информационных технологий и имеющие доступ к профессиональному компьютерному оборудованию, то на данный момент ситуация существенно изменилась.

© Краснова Л. Б., 2021

Современные информационные технологии значительно упростили процесс осуществления некоторых действий и дают возможность достаточно сложные действия осуществлять лицам, имеющим минимальные специальные знания. Кроме того, для этого не нужно обладать какими-либо мощными электронными ресурсами. При наличии начальных знаний и навыков программирования можно организовать осуществление этих действий в автоматическом режиме.

В настоящее время наиболее современным видом информационных технологий является искусственный интеллект.

В законодательстве содержится следующее понятие: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»².

Существует несколько способов организации искусственного интеллекта, но наиболее эффективным являются искусственные нейронные сети.

«Искусственная нейронная сеть – математическая модель, а также ее программное или аппаратное воплощение, построенная по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей – сетей нервных клеток живого организма.

Искусственная нейронная сеть состоит из искусственных нейронов (artificial

neuron), каждый из которых представляет собой упрощенную модель биологического нейрона. Все, что делает искусственный нейрон, – это принимает сигналы со многих входов, обрабатывает их единым образом и передает результат на многие другие искусственные нейроны, т. е. делает то же самое, что и нейрон биологический. Связи между *искусственными* нейронами называются синаптическими, или просто *синапсами*. У синапса имеется один параметр – *весовой коэффициент*, в зависимости от его значения происходит то или иное изменение информации, когда она передается от одного нейрона к другому. Именно благодаря этому входная информация обрабатывается и превращается в результат, а обучение нейронной сети основано на экспериментальном подборе такого весового коэффициента для каждого синапса, который и приводит к получению требуемого результата»³.

Для того чтобы нейронная сеть могла корректно решать поставленные задачи, требуется провести ее обучение на десятках миллионов наборов входных данных. Но уже разработаны различные технологии ускоренного обучения, современные видеокарты позволяют обучать нейросети в сотни раз быстрее, а недавно появились готовые, предобученные нейросети, в частности, распознающие образы. На основе таких нейросетей можно создавать приложения, не занимаясь длительным обучением⁴.

В 2017 г. дочерняя компания Intel с названием Movidius выпустила на рынок устройство Neural Compute Stick. Оно имеет размеры, сопоставимые с обычной флешкой, при этом внутри находится мощная нейронная сеть с функцией глубокого машинного обучения. Стоимость этого продукта⁵ – \$79.

Таким образом, если раньше использование нейронных сетей при соверше-

нии преступлений было ограничено в силу трудоемкости и сложности реализации таких алгоритмов, то при современном развитии и повсеместном использовании информационных технологий это перестало быть проблемой и создавать нейронные сети теперь могут научиться даже те, кто ранее навыков программирования не имел.

Среди способов совершения преступлений с использованием искусственного интеллекта наиболее распространенным и опасным является фальсификация цифровой информации.

Впервые об этой возможности использования искусственного интеллекта стало известно в 2017 г. Именно тогда было продемонстрировано, как можно создать фальшивое видео, где лицо одного человека заменено на другое, автор вставил лица известных людей в видео для взрослых.

Сложность расследования таких преступлений состоит в том, что, во-первых, распознавание таких видео является практически неразрешимой задачей для специалистов. «В июне 2020 года это было доказано в рамках проведенного компанией Facebook конкурса Deepfake Detection Challenge. В нем приняло участие более 2000 разработчиков, которые создавали алгоритмы распознавания поддельных видеороликов. Самая высокая точность распознавания составила 65 %, что, по мнению экспертов по кибербезопасности, в настолько серьезном деле очень плохой результат»⁶.

В 2019 г. в Великобритании путем фальсификации голоса было совершено крупное мошенничество. «Генеральному директору компании позвонил исполнительный директор и попросил перевести венгерскому поставщику более 200 тысяч долларов. При этом, по словам генерального директора, он был уверен, что говорил со своим коллегой – он узнал голос,

интонацию, манеру речи и даже акцент и даже не мог представить, что на самом деле говорил не с человеком. И только когда искусственный интеллект снова позвонил и попросил повторить перевод, директор начал подозревать, что происходит что-то странное, и обратился к службе безопасности. Преступников найти не удалось»⁷.

Во-вторых, кроме своей логической сложности технология искусственного интеллекта создает существенные трудности для технического исследования в процессе расследования преступлений и из-за своей разветвленной инфраструктуры.

«Одним из первых примеров использования искусственного интеллекта в широкоформатных кибератаках можно считать вирус CryptoLocker, распространявшийся при поддержке однорангового ботнета Gameover Zeus, использовавшего зашифрованные каналы связи с центрами контроля и управления. Эта вредоносная система использовала самообучающиеся алгоритмы управления, тип и характер которых в настоящее время достоверно не известны. Обезвреженный в результате операции Tovar ботнет Gameover Zeus был отрезан от центров управления, но сами центры в руки правоохранителей не попали, так что возможности проанализировать использованное для управления программное обеспечение не было. Тем не менее ряд косвенных признаков (устойчивость к контрвзлому, избегание прямых атак, адаптивное поведение, скорость принятия решений) свидетельствуют о возможном использовании нейросетевой технологии в управлении данной вредоносной компьютерной системой»⁸.

Физически электронная информация технологии искусственного интеллекта может быть расположена как в памяти самого электронного устройства подозреваемого или обвиняемого, так и в облач-

ных сервисах, которые могут находиться в любой точке мира.

Также следует заметить, что технологии искусственного интеллекта вырабатывают решения, которые могут осуществляться не только в действиях компьютеров, смартфонов, планшетов и иных устройств, методики исследования которых на данный момент уже сформированы, но и новых для криминалистики объектов, таких как самоуправляемые автомобили, виртуальные помощники, промышленные роботы и иные устройства, которые осуществляют действия искусственного интеллекта в материальном мире, что, на наш взгляд, исключает формулирование конкретных рекомендаций по поиску и фиксации относимой к делу информации.

И, наконец, еще одной проблемой расследования указанных преступлений является несвоевременность их выявления. Потерпевшие очень часто не сообщают или сообщают неохотно о совершенном преступлении. Это связано с тем, что во многих случаях потерпевшие до определенного момента либо вовсе не догадываются о преступных действиях, совершенных в отношении них, например, как в приведенном нами ранее примере, либо, если потерпевшим является юриди-

ческое лицо, боятся потерять клиентов, испортить деловую репутацию и т. д.

А так как цифровая информация является крайне неустойчивой и легко изменяемой, такое промедление дает возможность лицу, владеющему информацией, достаточно быстро ее удалить или изменить. И поэтому запоздалое начало предварительного расследования приводит к тому, что многие важные доказательства уже утрачены.

Таким образом, представляется, что в ближайшее время расследование преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, останется довольно сложной задачей для органов предварительного расследования. Это обусловлено:

- недостатком методических рекомендаций по организации расследования таких преступлений;

- небольшим опытом работы у большинства сотрудников органов предварительного расследования с электронными источниками доказательственной информации;

- отсутствием у лиц, занимающихся расследованием преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, технических и теоретических знаний в этой области.

¹ Состояние преступности в России за сентябрь 2020 г. : статистический сборник. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1892820/> (дата обращения: 25.11.2020).

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ Искусственные нейронные сети (ИНС). URL: <https://www.it.ua/ru/knowledge-base/technology-innovation/iskusstvennyye-nejronnyye-seti-ins> (дата обращения: 21.11.2020).

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Intel представила нейронную сеть размером с флешку. URL: <https://hi-news.ru/technology/intel-predstavila-nejronnuyu-set-razmerom-s-fleshku.html> (дата обращения: 22.11.2020).

⁶ Ганиев Р. Как преступники могут использовать искусственный интеллект? Самый опасный вариант. URL: <https://yandex.ru/turbo/hi-news.ru/s/technology/kak-prestupniki-mogut-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt-samyj-opasnyj-variant.html> (дата обращения: 22.11.2020).

⁷ Первое преступление, совершенное с помощью искусственного интеллекта. URL: https://ai-news.ru/2019/12/pervoe_prestuplenie_sovershennoe_s_pomoshu_iskusstvennogo_intellekta.html (дата обращения: 22.11.2020).

⁸ Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта : проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД. 2019. № 2 (35). С. 36–41.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

Krasnova L. B., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: krasnovva@mail.ru

E-mail: krasnovva@mail.ru

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ЭКСПЕРТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А н н о т а ц и я: рассматриваются экспертные ошибки при производстве почерковедческих экспертиз и их влияние на выводы эксперта. Экспертные ошибки проанализированы на основе изучения заключений экспертов, выполненных экспертами правоохранительных структур, экспертами министерства юстиции, экспертами частных экспертных учреждений за 2006–2018 гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспертиза, заключение эксперта, оценка, ошибка, почерковедческая экспертиза, почерк.

TYPICAL ERRORS OF EXPERTS IN THE PRODUCTION OF HANDWRITING RESEARCH

A b s t r a c t: the article deals with expert errors in the production of handwriting examinations and their impact on the expert's conclusions. Expert errors were analyzed based on the study of expert opinions made by experts of law enforcement agencies, experts of the Ministry of justice, experts of private expert institutions for 2006–2018.

Key words: expertise, conclusion of expert, estimation, error, handwriting examination, handwriting.

Поступила в редакцию 21 октября 2020 г.

Нередко в ходе исследования доказательств в судебных процессах по гражданским, уголовным, административным или арбитражным делам возникают вопросы, ответы на которые могут дать только специалисты, обладающие познаниями в конкретной области. Именно поэтому заключения экспертов становятся одними из важнейших доказательств, которые используются в разрешении самых сложных ситуаций. Значение судебных экспертиз в условиях правового государства и демократизации судопроизводства резко возрастает.

Судебная экспертиза – давний и устойчивый институт процессуального законодательства России.

Понятие судебной экспертизы дано в ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹.

Судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

В связи с переходом на рыночную экономику и увеличением числа хозяй-

ствующих субъектов в Российской Федерации количество судебных экспертиз резко возросло в начале 2000-х гг. Существующие государственные экспертные подразделения оказались не в состоянии справиться с таким наплывом. В результате сроки производства экспертиз в государственных экспертных подразделениях по отдельным видам исследований увеличились практически до одного года. Особенно это сказалось на производстве экспертиз по гражданским и арбитражным делам.

В результате Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации своим постановлением от 20 декабря 2006 г. № 66 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» дал разъяснения по поводу назначения экспертиз в государственные и частные экспертные организации. В настоящее время указанное постановление отменено, но практически все его положения вошли в новое постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23.

В связи с возросшим количеством рассмотрения судебных споров в гражданских и арбитражных судах, в том числе и других видов экспертиз, резко возросло производство почерковедческих экспертиз. Большая часть почерковедческих экспертиз стала проводиться частными экспертными организациями.

Как всякий источник доказательств по делу, заключение эксперта-почерковеда подлежит оценке со стороны суда. Оценка любого заключения представляет для лиц, не обладающих специальными познаниями, немалую сложность, а ошибочное или заведомо ложное заключение эксперта может весьма негативно повлиять на процесс расследования. По этой же причине допускаются судебные ошибки. Особую сложность для суда представляет оценка достоверности почерковедческо-

го заключения, так как большая часть методики почерковедческого исследования основывается на субъективной оценке экспертом выявленных признаков.

Успех оценки заключения эксперта во многом зависит от качества проведенного почерковедческого исследования. Поэтому важно, чтобы в заключении был правильно и достаточно полно отражен процесс исследования, дан научно обоснованный вывод, к которому пришел эксперт в результате исследования, а также были обеспечены наглядность и убедительность вывода.

Эксперт, как и любой другой человек, не застрахован от ошибок. Как отмечают авторы А. Ю. Комиссаров, А. В. Пахомов, С. В. Соколов в своих методических рекомендациях, ни практические навыки экспертов, ни внедрение новых методов и технологий полностью не исключают возможности совершения экспертных ошибок². Ошибки могут быть как субъективного, так и объективного характера. Важно отличать ошибку от умышленно сделанного ложного вывода. Ложный вывод от ошибки отличается субъективной стороной. Дача экспертом ложного вывода означает, что он осознанно полагал и хотел дать неверный вывод по проведенному исследованию. Ошибка же – это не соответствующее объективной действительности суждение эксперта или его действия, если это суждение и эти действия являются результатом добросовестного заблуждения. В данной статье рассматриваются только ошибки экспертов при проведении почерковедческих исследований.

Автором статьи проанализированы заключения экспертов-почерковедов, выполненные в государственных экспертных организациях, а также почерковедческие исследования, проведенные сотрудниками частных экспертных учреждений. В результате выделены наиболее

существенные недостатки, допускаемые экспертами при производстве почерковедческих экспертиз.

К типичным ошибкам относятся:

1) *ошибки в вводной части заключения:*

– нарушение процессуальных норм предупреждения эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 55 УПК РФ, ст. 57 УПК РФ, ст. 80 ГПК РФ), разъяснения ему прав и обязанностей. Предупреждение эксперта об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения осуществляется судом, руководителем экспертного подразделения, следователем, дознавателем до начала проведения исследования, о чем эксперт дает подписку. Данное обстоятельство относится к отдельным процессуальным действиям и не входит в состав заключения эксперта. Однако на практике эксперты текст подписки включают в текст заключения эксперта, оформляют и подписывают после окончания производства судебной экспертизы, о чем свидетельствует оформление подписки и начала заключения эксперта на одной странице. Таким образом, фактическая постановка подписи эксперта и дата, указанные в подписке о предупреждении об уголовной ответственности, не соответствуют друг другу. Следовательно, фактически эксперт об ответственности за заведомо ложное заключение не предупреждался, ему не разъяснялись его права и обязанности при производстве экспертизы. Зачастую неясно, кем из уполномоченных на то лиц проведено разъяснение эксперту его статуса и кем он предупрежден об уголовной ответственности. Данное обстоятельство указывает на грубейшее нарушение процессуального законодательства, лишаящее заключение эксперта доказательственного значения.

Указанное нарушение практически повсеместно встречается в заключениях

экспертов правоохранительных структур, частично присутствует в заключениях экспертов, выполненных в частных экспертных организациях;

– отсутствие некоторых данных об эксперте, проводившем исследование: сведений о наличии подготовки либо переподготовки по производству почерковедческих исследований, стаже экспертной работы по данной специальности. Такие данные практически отсутствуют в заключениях, выполненных государственными экспертами. Считается, что государственные эксперты априори имеют право проводить почерковедческие исследования, если такой эксперт назначен руководителем экспертного подразделения. Однако в действительности некоторые эксперты, имея какую-либо другую специальность, получают допуск к проведению почерковедческих экспертиз на основании протокола ведомственной Экспертно-квалификационной комиссии, не проходя переподготовки в учебном учреждении по данной специальности. Вследствие отсутствия документально подтвержденных теоретических знаний такой сотрудник не имеет права проводить экспертизы. На практике имеются несколько таких случаев, где суды не признавали заключения экспертов на основании отсутствия документального подтверждения компетенции эксперта. Некоторые частные эксперты в обоснование своей компетенции ссылаются на наличие «сертификатов соответствия». Данный документ не является документом, подтверждающим факт получения лицом специальных знаний по почерковедческому исследованию, а следовательно, не дает права производства почерковедческой экспертизы;

– наличие недостоверных сведений о месте производства экспертизы. Указанный недостаток часто встречается в заключениях, выполненных экспертами

частных экспертных организаций. Так, по одному из гражданских дел, рассматриваемых Воронежским областным судом, заключение эксперта не было принято в качестве доказательства вследствие того, что исследование было выполнено в месте, не соответствующем указанному в заключении эксперта;

– заключение оформляется экспертом частной экспертной организации, не имеющей статус «негосударственного экспертного учреждения». При этом руководитель такой организации по поручению суда разъясняет права и обязанности эксперту, предупреждает его об уголовной ответственности. Как правило, к таким организациям относятся различные общества с ограниченной ответственностью, научно-исследовательские учреждения, различные сообщества и т. д. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 разъяснено, что под «негосударственными судебно-экспертными учреждениями» следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами. Хотя постановления Пленума Верховного Суда не являются нормами права и необязательны к исполнению, данное разъяснение по назначению проведения экспертиз в негосударственные экспертные учреждения судами должно приниматься во внимание. Аналогичное требование к частным экспертным учреждениям содержится в новом проекте закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Однако на практике суды продолжают назначать проведение экспер-

тиз частным экспертным организациям, исходя из наименования, а по сути не являющимся таковыми;

2) *ошибки в исследовательской части:*

– недостаточное, а иногда и полное отсутствие описания представленных на исследование объектов. Из текста заключения эксперта становится непонятным, что представлено на исследование эксперта, какие документы и в каком состоянии. К тому же нередко в приложении отсутствуют иллюстрации общего вида предоставленных на исследование документов;

– в заключениях экспертов часто не отражается исследование всех предусмотренных методикой признаков почерка. В большинстве случаев отсутствует исследование топографических признаков, некоторых признаков почерка и подписи, определяющих структуру движений по их траектории;

– отсутствуют признаки, характеризующие определенный тип и вид пишущего прибора. Данные действия хотя и выходят за рамки компетенции эксперта-почерковеда, но в оценке выявленных диагностических признаков, совпадений и различий имеют существенное значение в формировании выводов у эксперта. Так, штрихи рукописных записей и подписей, выполненных перьевой, шариковой, капиллярной ручками, существенно отличаются друг от друга. Вследствие этого будут отличаться и некоторые признаки почерка одного и того же исполнителя. Особенно это актуально при определении характеристик нажима;

– в тексте заключения, при описании общих признаков почерка, экспертами производится необоснованное объединение нескольких подписей с разными характеристиками признаков. Например, «расположение подписей относительно линовки – на линовке, над линовкой». При этом совершенно не указывается,

какая характеристика относится к какой подписи. Существенной ошибкой считается объединение нескольких исследуемых подписей, выполненных от имени одного лица в единый объект при отрицательном выводе в отношении лица, от имени которого они значатся. Например, «сравнительным исследованием, методом сопоставления исследуемых подписей от имени Иванова И. И. между собой установлена индивидуальная совокупность совпадающих признаков в объеме, достаточном для вывода о том, что исследуемые подписи от имени Иванова И. И. выполнены одним лицом». В выводах же указывается, что исследуемые подписи выполнены не Ивановым И. И., а другим лицом с подражанием подписи Иванова И. И. В данном случае эксперт утверждает, что им установлен индивидуальный комплекс признаков, характерный для исполнителя исследуемых подписей. Однако в действительности это практически не реально, к тому же экспертом не указывается, какие признаки почерка входят в индивидуальную совокупность;

– при проведении почерковедческого исследования по копиям эксперты не в полной мере проводят оценку качества представленного материала, ограничиваясь лишь общими фразами. В одних случаях признают копии подписей достаточными по качеству для проведения идентификационного исследования при плохом качестве изображения, в других случаях, наоборот, отказываются в решении вопроса при достаточно хорошем качестве копий;

– отсутствует полное и подробное описание сравнительных образцов, их количества и качества (степени сопоставимости с исследуемым объектом по транскрипции и условиям выполнения). Согласно ст. 10 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» образцы проверяемого

лица являются такими же объектами исследования, как и исследуемый объект, в отношении которого был поставлен вопрос перед экспертом. Следовательно, результаты исследования образцов почерка, подписей проверяемых лиц должны размещаться в исследовательской части заключения эксперта на стадии отдельного исследования и в заключении в полном объеме должны быть указаны характеристики изученных экспертом признаков;

– при описании исследуемого почерка эксперты используют некорректную терминологию, неправильно или недостаточно полно и точно исследуют и определяют степень выработанности, уровень координации движений; темп, строение, транскрипцию подписи; размер, разгон, наклон, связность; признаки, отражающие пространственную ориентацию движений. Некоторые эксперты используют свою терминологию при определении характеристик признаков, игнорируя рекомендованные методикой почерковедческой экспертизы термины;

– при описании и оценке признаков необычности выполнения почерка, подписи экспертом не учитываются локализация и степень выраженности, характер проявления признаков нарушения координации движений. В тексте заключения только отмечается, что они имеются. К тому же эксперты часто используют конкретизацию выявленных признаков необычности, применяя выражения «необычные условия», «необычное состояние», «выполнение подписи от имени другого лица». При этом такая конкретизация используется без наличия к тому каких-либо оснований;

– при проведении почерковедческих экспертиз эксперты не составляют таблицы-разработки частных признаков. Вместо этого на многих иллюстрациях образцов почерка производят многочисленные разметки, зачастую отмечая частные при-

знаки, в которых отчетливо просматриваются несоответствия с указанными экспертами характеристиками этих признаков. Такие иллюстрации только загромождают заключение, создавая вид большой проделанной работы;

– при сравнительном исследовании экспертами производится сравнение на несопоставимых образцах; не учитывается зависимость частных признаков от общих; в индивидуальный комплекс включаются с характеристиками в соответствии с выполнением их по нормам прописи, а не как отклонение от норм прописи; не учитывается взаимозависимость частных признаков друг от друга; не анализируются цепочки признаков при исследовании подписей; сравнение производится только по графической информации, а не по навыку в выполнении того или иного элемента; при сравнении признаков не учитывается конструктивная сложность выполнения подписей; характеристики признаков не соответствуют методическим рекомендациям, например, указываются такие характеристики формы движений, как «возратно-угловатая», связность «сплошная»; отсутствует корректная оценка характера проявления совпадающих и различающихся признаков (их приблизительные или частичные совпадения и различия); сравниваются несопоставимые почерковые элементы, например, элемент в начале подписи сравнивается с элементом в конце подписи; не выявляется весь комплекс совпадений и различий; происходит излишняя детализация частных признаков, и наоборот, отсутствует детализация признаков; признаки указываются без учета их вариационности в образцах;

– при оценке происходит завышение значимости незначительных совпадений либо различий; некоторые совпадающие признаки относят к различиям и, наоборот, различающиеся признаки признаются

как совпадающие; при положительном выводе игнорируется объяснение различий, а при отрицательном выводе отсутствует объяснение выявленным совпадениям;

– в выводах указываются как вопросы, поставленные перед экспертом, так и ответы по проведенному исследованию; при исследовании копий почерковых объектов выводы эксперта делаются в отношении самих изображений (рукописных записей либо подписей);

– иллюстрации к заключению эксперта не соответствуют требованиям методики производства экспертиз. Данное обстоятельство существенно затрудняет восприятие, т. е. не отвечает главному требованию – наглядности.

Указанные ошибки, допущенные экспертами при производстве почерковедческих экспертиз, не являются исчерпывающими.

Основные причины наличия недостатков в заключениях экспертов относятся к субъективной стороне. При проведении исследования почерковедческих объектов эксперты используют основную качественно-количественную описательную методику. Результаты применения качественно-количественной описательной методики напрямую зависят от личности эксперта, его индивидуальных способностей. Эксперт должен обладать глубокими знаниями в области почерковедения, достаточным опытом работы, точностью зрительных восприятий, острой наблюдательностью.

Результатом применения качественно-количественной описательной методики при проведении почерковедческих исследований является внутреннее убеждение эксперта. Внутреннее убеждение должно быть обоснованным, аргументированным, опираться на достоверные факты. Это, в свою очередь, предопределяет глубокие теоретические знания основ почерковедения, правильное применение

этих знаний на практике, наличие практического опыта. Недостатки по этим трем направлениям, как правило, и приводят к ошибочности суждений при производстве почерковедческих экспертиз.

При проведении почерковедческого исследования экспертом могут быть применены различные разработанные количественные методы и методики, относящиеся к дополнительным. Однако на практике дополнительные методы применяются крайне редко в связи с их несовершенством и громоздкостью.

По мнению автора, одним из направлений снижения количества недостатков

в заключениях экспертов, повышения качества проведения почерковедческих исследований является проведение рецензирования при оценке заключения эксперта в судебной инстанции, как в отношении исследований, выполненных государственными экспертами, так и в отношении сотрудников частных экспертных учреждений, выполняющих исследования для суда. Важно, чтобы результаты такого рецензирования были гласными и были доступны для любого заинтересованного лица. Данное обстоятельство будет стимулом для повышения качества проводимого экспертом исследования.

---

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) // Рос. газета. 2001. № 106. Ст. 9.

² См.: Комиссаров А. Ю., Пахомов А. В., Соколов С. В. Предупреждение экспертных ошибок при проведении криминалистической почерковедческой экспертизы : методические рекомендации. М., 2001. С. 4.

*Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия*

Кудрявцев Ю. С., старший преподаватель
кафедры судебной экспертизы
и криминалистики

E-mail: kyus63@yandex.ru
Тел.: 8 (473) 271-54-15

*The Central Branch of the Russian
State University of Justice*

Kudryavtsev Yu. S., Senior Lecturer
of the Department of Forensic Examination
and Criminalistics

E-mail: kyus63@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 271-54-15

А. Л. Пошвин

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

КРИТЕРИИ ПРИГОДНОСТИ ЭЛЕКТРОФОТОГРАФИЧЕСКИХ КОПИЙ ПОДПИСЕЙ И РУКОПИСНЫХ ЗАПИСЕЙ КАК ОБЪЕКТОВ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А н н о т а ц и я: *определение пригодности копий является основным вопросом, предшествующим выполнению почерковедческой экспертизы рукописных текстов и подписей при отсутствии оригиналов. Автор проанализировал критерии, позволяющие утверждать о возможности проведения почерковедческой экспертизы рукописных текстов и подписей по копиям документов.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *копия, подпись, рукописные записи, судебно-почерковедческая экспертиза.*

CRITERIA FOR THE SUITABILITY OF ELECTROPHOTOGRAPHIC COPIES OF SIGNATURES AND HANDWRITTEN NOTES AS OBJECTS OF HANDWRITING EXPERTISE

A b s t r a c t: *determining the suitability of copies is the main issue that precedes the handwriting examination of handwritten texts and signatures in the absence of originals. The author analyzed the criteria that allow us to assert the possibility of conducting handwriting expertise of handwritten texts and signatures on copies of documents.*

Key words: *copy, signature, handwritten notes, forensic handwriting expertise.*

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.

В ходе исследования электрофотографических копий подписей и рукописных записей возникают некоторые трудности, с которыми сталкиваются большинство экспертов в процессе производства почерковедческой экспертизы, поскольку до настоящего времени не разработаны единые основы судебно-почерковедческой экспертизы копий почерковых объектов.

Обусловлено это, по мнению экспертов-криминалистов, тем, что исследованию подлежит не сам почерковый объект, а его изображение, в процессе копирования могут изменяться некоторые общие

и частные признаки почерка, в копии могут отображаться «помехи», зависящие от степени износа копировально-множительной техники.

На специфичность копий почерковых объектов указывают и другие авторы, объясняя ее тем, что в процессе получения копии имеется «промежуточное звено – технология изготовления», в свою очередь, это дает эксперту меньшие возможности его исследования, потому что должна быть учтена специфика данного объекта.

Теория судебной экспертизы определяет объект экспертного исследования как сложную систему, которая состоит из следующих элементов:

- материальный носитель информации о факте;
- источник информации о факте;
- механизм передачи информации от источника к носителю, т. е. отражающий и отражаемый компоненты, а также механизм их взаимодействия¹.

В судебно-почерковедческой экспертизе этот объект выглядит так²:

- материальный носитель информации о факте;
- источник информации о факте – лицо;
- механизм передачи информации – письменные движения, непосредственно фиксирующиеся в рукописных записях и подписях и осуществляемые в конкретных условиях.

Если обратиться к электрофотографическим копиям рукописных записей и подписей как объекту судебно-почерковедческой экспертизы, то его отличительной чертой будет отсутствие непосредственной рукописной фиксации движений, которыми выполняются рукописная запись и подпись. Материальным носителем информации о факте письма оказывается не рукописный продукт, а его изображение, полученное или изготовленное с другого рукописного объекта с помощью каких-то технических средств, в данном случае путем получения электрофотографических копий.

Копия, изготовленная на копировально-множительном устройстве, – это, по своей сути, изображение, полученное с оригинального документа. Если говорить о почерке, то общепринятым считается следующее определение почерка, данное В. Ф. Орловой: «Почерк – это основанная на письменно-двигательном функционально-динамическом комплексе навыков, получающая отображение в рукописях итоговая программа их выполнения, содержащая субъективный письменно-двигательный образ выпол-

няемых подписей и специально приспособленную для его реализации развернутую систему движений»³.

При поступлении на исследование объекта, представляющего собой копию рукописи, выполненную на копировально-множительном устройстве, некоторая часть экспертов делает вывод о том, что «не представляется возможным» установить исполнителя документа, а другая часть экспертов считает возможным проведение почерковедческого исследования по копии рукописи.

Первой работой, направленной на анализ практики проведения подобных исследований и выработку рекомендаций, стало информационное письмо «Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов», подготовленное коллективом авторов ЭКЦ МВД России.

В данной работе авторы отразили краткую классификацию копировально-множительной техники, произвели анализ особенностей отображения в электрофотографических копиях признаков почерка, а именно были установлены общие и частные признаки, которые не подверглись изменениям и искажениям в результате получения копий на копировально-множительных устройствах. Отмечается, что в некоторых случаях в первых копиях могут проявляться признаки воздействия «сбивающих факторов». Также даны рекомендации по проведению исследования и оформлению заключения эксперта.

Вторая наиболее известная работа – информационное письмо РФЦСЭ при Минюсте России, которое было утверждено и рекомендовано к использованию в экспертной практике Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по судебной экспертизе и экспертным исследованиям (Бюллетень от 25 мая 2005 г. № 14), опубликован-

ное в журнале «Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). Апрель». Именно это информационное письмо, как отмечают отдельные авторы, стало толчком к массовому исследованию копий почерковых объектов⁴. Главной причиной такой массовости стало, скорее, окончательное снятие запрета на дачу категорических выводов при исследовании копий почерковых объектов, чем какая-то методическая ценность работы. Но все же данное информационное письмо содержит некоторые спорные моменты.

В конце 2015 г. ЭКЦ МВД России работало и разослало в экспертно-криминалистические подразделения системы МВД России информационное письмо. Основная мысль его сведена к тому, что производство почерковедческих экспертиз в отношении изображений документов считается недопустимым, в том числе и в отношении электрофотографических изображений подписей и рукописных записей. Следовательно, в случае поступления на исследование копий подписей и рукописных записей эксперт вправе отказаться от решения поставленных вопросов в соответствии с ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности». При этом составляется мотивированное письменное заключение, в котором указывается, что электрофотографические копии подписей и рукописных записей непригодны для проведения исследований и дачи заключения, а современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы.

Среди причин непригодности данных объектов отмечаются следующие:

- по электрофотографическому изображению невозможно доказать факт существования рукописных записей, поскольку они могут быть симитированы с применением технических средств;

- невозможно установить, были ли исследуемые записи (подписи) выполнены в оригинале документа, копия которого представлена на экспертизу, либо внесены в данную копию документа путем монтажа;

- невозможно установить факт предварительной технической подготовки записи (подписи);

- вероятность выявления и правильной оценки диагностических признаков (в том числе нажимных, ритмических и иных характеристик почерка) является минимальной в связи с их нивелированием или искажением в изображениях, изготовленных с применением копировально-множительных устройств;

- по изображению невозможно установить ряд важных идентификационных признаков;

- по изображению невозможно дифференцировать природу происхождения отдельных признаков (обусловлено ли их появление особенностями письменного-двигательного навыка исполнителя или спецификой работы копировально-множительных устройств).

В качестве обоснования своей позиции авторы информационного письма ссылаются также на работу ЭКЦ МВД России в виде эксперимента. Суть эксперимента заключалась в следующем: в ЭКЦ МВД России были подготовлены копии документов, изображения подписей в которых были изготовлены способом компьютерного монтажа, с помощью факсимиле, а некоторые подписи выполнены исполнителями в оригиналах под действием сбивающих факторов или способом копирования на просвет.

Результаты проведенного эксперимента по всем видам объектов изложили в «Обобщенные результаты»; выглядят они следующим образом:

- отказы от решения вопроса – 50 %;
- правильные выводы – 11 %;
- неправильные выводы – 39 %.

Результаты свидетельствуют о том, что общее количество отказов от решения вопроса и неправильных выводов составили 89 % от всех выводов. По мнению авторов данного информационного письма, это подтверждает неэффективность исследования изображений документов методами, имеющимися в распоряжении экспертов.

Эксперт-криминалист А. А. Тютченко в своей статье «К вопросу об исследовании копий почерковых объектов» провел анализ информационного письма ЭКЦ МВД России о современных подходах к исследованию копий документов. Автором выявлены значимые логические и методические ошибки, допущенные при составлении данного информационного письма.

А. А. Тютченко указывает, что утверждение о том, что результаты эксперимента доказывают неэффективность исследования копий документов методами, имеющимися в распоряжении экспертов, является категорически необоснованным. Он объясняет это следующим. Во-первых, неясен уровень профессиональной подготовки экспертов, которые принимают участие в эксперименте, а также количество самих экспертов. Также указывается, что данный эксперимент проводился экспертами из 14 экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России и 6 судебно-экспертных подразделений иных органов исполнительной власти. По факту количество экспертных подразделений значительно больше, а такую выборку следует признать нерепрезентативной, т. е. присутствует нарушение правил выборки. Во-вторых, неясна природа самих объектов – объем графической информации подписей, количество и идентификационная значимость отобразившихся признаков. В-третьих, чтобы утверждать, что причиной экспертных ошибок ста-

ло исследование именно копий, необходимо было проведение так называемых контрольных исследований, при которых объекты эксперимента, существующие на бумаге, повторно представлялись бы на исследование⁵.

В уже проведенных научных исследованиях по данной теме в информационном письме РФЦСЭ при Минюсте России имеются сведения о признаках почерка, которые отображаются в копиях, изготавливаемых на копировально-множительной технике, и те, которые подвержены искажениям, а также предлагаются рекомендации по их распознаванию.

При определении степени пригодности данного объекта существенное значение имеет качество исследуемой копии: чем выше качество копии, тем выше возможности почерковедческого исследования.

В информационном письме РФЦСЭ при Минюсте России на этот счет не имеется безоговорочного запрета. В каждой конкретной ситуации вопрос о возможности проведения исследования и его результатах необходимо решать, учитывая следующие характеристики электрофотографических копий подписей и рукописных записей: качество копии, вид и характер выраженности диагностических признаков, наличие достаточного и сопоставимого сравнительного материала и другие данные.

Обеспечение механизмом получения отображения большого объема признаков почерка в неискаженном виде свидетельствует о пригодности. Это идентификационные признаки: общие и частные признаки почерка и подписи.

Большинство признаков, которые используются для решения идентификационных и диагностических задач почерковедческой экспертизы, значимых изменений не претерпевают при изготовлении копии почеркового объекта методом электрофотографии.

При проведении экспертизы электрофотографических копий подписей и рукописных записей только сам эксперт сможет определить, является ли представленный на экспертизу объект полноценным и достаточным для проведения исследования и дачи обоснованного заключения⁶.

При проведении почерковедческой экспертизы по копиям документов нужно учитывать также компетентность лиц, которые признают копию исследуемого до-

кумента тождественной оригиналу, так как для того, чтобы определить, вносились ли в документ изменения при помощи технических средств, нужно обладать специальными знаниями и оборудованием.

В связи с тем что копии подписей и рукописных записей, естественно, и впредь будут занимать место в числе объектов судебно-почерковедческой экспертизы, разработки, направленные на совершенствование их исследований, следует продолжать и развивать.

¹ См.: Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 114.

² См.: Соколов С. В., Куранова Е. А., Розанкова Е. В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов : информационное письмо. М., 2000. С. 5.

³ Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть : теоретические и методические основы. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 43.

⁴ См.: Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации. М., 2011. С. 217.

⁵ См.: Тютченко А. А. К вопросу об исследовании копий почерковых объектов // Энциклопедия судебной экспертизы : науч.-практ. журнал. М., 2016. № 2 (9). С. 23.

⁶ См.: Рубцова И. И., Волкова С. В. Проблемные вопросы исследований копий почерковых объектов // Современные возможности криминалистического исследования документов : материалы Межведомственной науч.-практ. конф., 28 мая 2013 г. М., 2013. С. 31.

Центральный филиал Российской
государственного университета правосудия

Почвин А. Л., старший преподаватель
кафедры судебной экспертизы
и криминалистики

E-mail: poschvin@mail.ru

The Central Branch of the Russian
State University of Justice

Poshvin A. L., Senior Lecturer
of the Department of Forensic Examination
and Criminalistics

E-mail: poschvin@mail.ru

В. И. Саньков

Следственный комитет Российской Федерации

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ И ПРОГРАММИРОВАНИЕ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: рассматриваются некоторые актуальные вопросы планирования расследования преступлений и отдельных следственных действий в исторической ретроспективе. Логика развития частных методик расследования показывает, что одним из современных и перспективных направлений повышения эффективности планирования является использование криминалистических программ и алгоритмов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: планирование расследования, следственные действия, криминалистические методики, алгоритмы, программы.

ALGORITHMIZATION AND PROGRAMMING AS PROMISING AREAS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF CRIME INVESTIGATION PLANNING

Abstract: the article deals with some topical issues of planning the investigation of crimes and individual investigative actions in historical retrospect. The logic of the development of private investigation methods shows that one of the modern and promising areas for improving the effectiveness of planning is the use of criminalistic programs and algorithms.

Key words: investigation planning, investigative actions, criminalistic techniques, algorithms, programs.

Поступила в редакцию 30 ноября 2020 г.

Под планированием расследования преступлений в современной криминалистике понимается «мыслительная деятельность следователя, направленная на определение задач, требующих разрешения на определенных этапах расследования, главным образом в разрезе проверки сформулированных версий и способов решения этих задач»¹.

Планирование тесно связано с организацией расследования, выдвиганием версий, этапами расследования – первоначальным, последующим, заключительным, принятием управленческих реше-

ний следователем, руководителем следственной группы, руководителем следственного органа, утверждающим план. С учетом этого «план расследования можно определить как комплекс информационных, тактических, организационно-управленческих и процессуальных решений, итог (внешнее выражение) процесса планирования, предусматривающий оптимальный порядок, сроки, способы, средства и конкретных исполнителей следственных, оперативно-разыскных, иных действий и тактических приемов»².

Планирование расследования преступлений строится на определенных принципах. Обобщение точек зрения ведущих

© Саньков В. И., 2021

отечественных ученых-криминалистов – Т. В. Аверьяновой, О. Я. Баева, Р. С. Белкина, Л. Я. Драпкина, Е. П. Ищенко, В. Н. Карагодина, В. И. Комиссарова, Ю. Г. Корухова, А. М. Ларина, О. В. Полстовалова, Е. Р. Россинской и др. – позволяет выделить следующие принципы планирования:

– *индивидуальность*: стоящие перед следователем задачи на определенных этапах проверки сообщения о преступлении или расследования, пути и способы их достижения определяются с учетом специфики именно конкретного уголовного дела или материала проверки, условий, в которых предстоит выполнять планируемые мероприятия, в связи с чем также выделяется принцип *ситуационной обусловленности*³;

– *конкретность*: содержание планируемых мероприятий должно быть достаточно конкретным и детальным, чтобы план носил не общий, декларативный характер, а содержал информацию обо всех вопросах, подлежащих разрешению, намечаемых следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях, сроках и условиях материально-технического обеспечения их производства, исполнителях, порядке привлечения специалистов и т. д.;

– *научность*: планирование должно основываться на максимально полном использовании всех достижений наук криминального цикла, в первую очередь теории судебного доказывания и криминалистики;

– *динамичность (непрерывность), этапность, гибкость планирования*: план должен постоянно корректироваться с учетом поступающей к следователю информации как процессуального, так и непроцессуального характера, при этом некоторые запланированные мероприятия могут выполняться в строго определенной *логичной последовательности*;

– *реальность*: планировать следует достижение поставленных задач средствами, которые имеются в распоряжении следователя в современных условиях и реально ему доступны в установленные сроки;

– *экономичность (оптимальность)*: из всех возможных способов достижения поставленной задачи следователь должен выбирать оптимальные, наиболее рациональные из них;

– *допустимость средств и способов, планируемых к реализации для достижения поставленных задач*: избираемое средство должно соответствовать букве и духу уголовно-процессуального закона, быть нравственно допустимым, отвечающим всем остальным критериям допустимости тактических и технико-криминалистических средств⁴.

Вопросам планирования расследования, принципиальным положениям, которые необходимо при этом учитывать, уделялось внимание еще основоположниками криминалистики. Так, Ганс Гросс, отмечая динамичность и творческий характер планирования работы судебного следователя, писал: «План следствия рассчитан на явления подвижные, изменяющиеся, часто совершенно неизвестные и отнюдь не зависящие от воли составителя плана. – Такой план нельзя сравнивать с чертежом для постройки дома и можно сравнить лишь с планом предстоящей войны». При этом он рекомендовал «после каждого следственного действия (после свидетельского показания, осмотра, экспертизы) подвергать свой план строгой проверке, прочны ли основные положения, бывшие при составлении плана, и если нет, то в чем план подлежит изменению»⁵, что вполне актуально и для современных следователей.

При планировании расследования необходимо учитывать определенные условия: наличие соответствующей исходной информации; надлежащую оцен-

ку сложившейся криминалистической ситуации и реальные возможности достижения планируемых целей; обеспечение взаимной согласованности между отдельными планами (по каждому делу, материалу) и видами планирования (всего расследования, тактической операции, отдельного следственного и иного действия); строгий учет установленного законом и иными актами времени, отводимого на данный вид криминалистической деятельности⁶.

Результатом мыслительного процесса планирования является письменный план расследования уголовного дела (проверки сообщения о преступлении), производства отдельного следственного действия или тактической операции (комбинации), комплекса следственных и оперативно-разыскных действий. Структура и содержание такого плана могут быть разнообразными и зависеть от практического опыта следственного работника, уровня его профессиональной подготовки, сложности расследуемого преступления, указаний руководителя следственного органа и других факторов.

План расследования, по сути, представляет собой алгоритм или программу действий субъектов расследования применительно к обстоятельствам конкретного расследуемого преступления. «План расследования – это программа установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу»⁷. Поэтому использование методов алгоритмизации и программирования в планировании следственной деятельности представляется вполне закономерным и перспективным.

Несмотря на современное звучание, криминалистические программы и алгоритмы расследования преступлений имеют давнюю историю. Еще древними римлянами была предложена семичленная формула, представляющая собой крат-

кую программу, схему установления истины по уголовному делу, согласно которой для того, чтобы преступление могло считаться раскрытым, необходимо ответить на вопросы: а) что именно совершено; б) где совершено; в) когда совершено; г) каким образом совершено; д) кем совершено; е) с помощью кого или чего совершено; ж) с какой целью совершено⁸.

Обращение к истории развития методик расследования в России позволяет убедиться в том, что криминалистами издавна предпринимались попытки упорядочить процесс раскрытия и расследования преступлений путем разработки типовых, примерных планов (схем) расследования в целом и отдельных следственных действий в частности⁹.

Так, в книге стряпчего уголовных дел Н. Орлова «Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений» даны следующие рекомендации о производстве допроса: «Явившиеся к следствию люди немедленно должны быть спрошены подробно об обстоятельствах дела лично, один после другого порознь, и ответы их тогда же записаны. Для чего заготовляются предварительно вопросные пункты, которые подписываются гг. следователями и предлагаются таким образом для дачи ответов, или делаются словесные вопросы, и одни ответы записываются тогда же, из чего составляется допрос»; автором приведена соответствующая «форма» – бланк протокола допроса с впечатанными, детально разработанными вопросами («вопросными пунктами»), которые следовало задавать допрашиваемому¹⁰.

Вопросам практической реализации идеи программирования расследования преступлений уделялось внимание пионерами советской криминалистики. Изданное в 1928 г. практическое пособие по

допросу наряду с общими положениями тактики допроса, содержало программы расследования некоторых видов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством того периода – массовых беспорядков, бандитизма, должностных и хозяйственных преступлений, преступлений против жизни и здоровья, горных катастроф и др. Данные программы представляли собой примерный перечень типовых вопросов, которые надлежало выяснить в ходе расследования¹¹. В конце 1920-х гг. В. И. Громовым предлагалось «дать образцы методики расследования отдельных видов общественно опасных деяний путем построения примерных планов расследования по этим делам»¹².

Впоследствии значительный вклад в практическую реализацию этой идеи внесли видные криминалисты Г. А. Густов, Л. Г. Видонов, проделавшие огромную работу по созданию программ, включающих типовые задачи расследования преступлений в зависимости от конкретной следственной ситуации¹³. По определению Г. А. Густова, «типичная криминалистическая программа – это система рекомендаций, имеющих своей целью оказание работникам правоохранительных органов помощи в организации расследования и получения по делу новых знаний, правильному и своевременному решению задач предварительного следствия»¹⁴.

В последующем данной тематике были посвящены труды многих известных отечественных ученых – Э. У. Бабаевой, Р. С. Белкина, М. Б. Вандера, И. А. Возгрин, В. К. Гавло, Е. П. Ищенко, Г. А. Зорина, Н. С. Полевого, Н. А. Селиванова, Л. А. Соя-Серко, А. С. Шаталова и др. По мнению Р. С. Белкина, в будущем частные криминалистические методики «упростятся и станут более похожи на алгоритмы расследования в собственном смысле этого понятия, т. е. на

такие программы действий следователя, которые выглядят более жесткими и однозначными по сравнению с обычными частными методиками, где такие алгоритмы неизбежно многовариантны и менее категоричны»¹⁵.

Алгоритмизация и программирование рассматриваются современными учеными как средства оптимизации планирования следственной деятельности. Так, по мнению Н. Б. Семьиной, программирование придает методическим рекомендациям наиболее удобную форму для их использования при планировании расследования отдельных видов преступлений, контроля качества следственной деятельности¹⁶.

Программирование представляется перспективным и в плане развития тактики производства отдельных следственных действий, в особенности допроса. «Учитывая различный квалификационный диапазон состава следственного корпуса, представляется уместным унифицировать на переходном этапе комплекс типовых криминалистических программ. Для этого целесообразно разработать типовые программы допросов по всем видам преступлений, что позволит значительно сократить время подготовки трудоемких допросов, одновременно резко повысить качество допросов и вышеперечисленных действий до уровня требований УПК об объективности, полноте и всесторонности»¹⁷.

Учитывая изложенное, полагаем, что путями повышения эффективности планирования расследования преступлений, а также производства отдельных следственных действий, тактических комбинаций (операций) по различным видам преступлений являются разработка типовых программ, алгоритмов (примерных шаблонов, образцов, планов, стандартов): а) как элементов частной криминалистической методики расследования

отдельных видов преступлений; б) как элементов тактики производства отдельных следственных действий, тактических комбинаций (операций). Решение этой

масштабной задачи возможно при условии объединения усилий научных и практических работников, использования современных цифровых технологий.

¹ См., например: *Баев О. Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). М., 2017. С. 454–455.

² Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л. Я. Драпкина. М., 2012. С. 262–263.

³ См.: Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 2 / под общ. ред. А. М. Багмета, В. В. Бычкова, О. Ю. Антонова. М., 2020. С. 23.

⁴ См., например: *Баев О. Я.* Указ. соч. С. 455–459 ; Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 130–131 ; Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 479–480 ; Криминалистика : учебник для бакалавров / отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2017. С. 190–194.

⁵ *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики : пер. с нем. Л. Дудкин и Б. Зиллер. СПб., 1908. С. 19–20.

⁶ См.: Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. С. 132.

⁷ Криминалистическая тактика : учебник / под общ. ред. А. С. Сорочкина. М., 2013. С. 56.

⁸ См.: *Кривошеин И. Т.* Установки сущностной научно-познавательной идеологии в криминалистике // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. № 319. С. 115–116.

⁹ Подробнее об этом см.: *Косарев С. Ю.* История и теория криминалистических методов расследования преступлений : монография. СПб., 2006.

¹⁰ См.: *Орлов Н.* Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений. М., 1833. URL: <https://rucont.ru/efd/64294> (дата обращения: 01.11.2020).

¹¹ См.: *Якимов И. Н., Михеев П. П.* Искусство допроса : практическое пособие для допрашивающих. М., 1928.

¹² Цит. по: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. 3-е изд., доп. М., 2001. Т. 3. С. 212.

¹³ См.: *Видонов Л. Г.* Использование аналоговых схем при выдвигании версий о лицах, совершивших умышленные убийства // Вопросы совершенствования деятельности прокуроров-криминалистов. М., 1976. С. 72–95 ; *Видонов Л. Г., Селиванов Н. А.* Типовые версии по делам об убийствах. Горький, 1981 ; *Видонов Л. Г.* Методика раскрытия и расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности, и дел об убийствах, возбужденных по материалам о розыске лиц, пропавших без вести. Н. Новгород, 2011 ; *Густов Г. А.* Расследование хищений в торговле. Ч. 1. Криминалистические модели преступления. Л., 1979 ; *Его же.* Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации. Факторный анализ. Л., 1985 ; *Его же.* Проблемы программирования расследования преступлений // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия. Уфа, 1989. С. 17 ; *Его же.* Программно-целевой метод организации раскрытия убийств : учеб. пособие. СПб., 1993.

¹⁴ *Густов Г. А.* Программно-целевой метод организации раскрытия убийств : учеб. пособие. СПб., 1993. С. 7.

¹⁵ Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 218.

¹⁶ См., например: Семьина Н. Б. Основы планирования и программирования следственной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

¹⁷ Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса : учебно-практическое пособие. М., 2001.

Следственный комитет Российской Федерации

Саньков В. И., кандидат юридических наук,
старший инспектор отдела исследования проблем
методик расследования преступлений управления
научно-исследовательской деятельности (научно-
исследовательского института криминалистики)
Главного управления криминалистики
(Криминалистического центра), полковник
юстиции

E-mail: sankov_icr@mail.ru

Tel.: 8-968-016-20-74

Investigative Committee of the Russian Federation

San'kov V. I., Candidate of Legal Sciences,
Senior Inspector of the Department
of Investigation of Problems of Methods
of Investigation of Crimes of the Department
of Scientific Research (Research Institute
of Criminalistics) of the Main Department
of Criminalistics (Forensic Center),
Colonel of Justice

E-mail: sankov_icr@mail.ru

Tel.: 8-968-016-20-74

О. Н. Скоморохов, С. А. Чернышёв, Е. В. Чиненов

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ПОЛИГОННОГО КОМПЛЕКСА БЕЛ ЮИ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И. Д. ПУТИЛИНА В ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«КРИМИНАЛИСТИКА»**

А н н о т а ц и я: рассматривается возможность использования Межкафедрального криминалистического полигонного комплекса Бел ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина в подготовке сотрудников органов внутренних дел. Определены перспективные направления практического обучения: специализация содержания практических занятий в соответствии с профилем подготовки слушателей, выраженным в квалификационной характеристике специалиста; оптимизация соотношения видов и форм практических занятий в течение всего обучения. Проанализированы возможности использования полигона института в учебных и научных целях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: образование, криминалистический полигонный комплекс, лаборатория, технико-криминалистические средства, практическое занятие, виртуальный осмотр места происшествия, методика проведения занятий.

**THE POSSIBILITIES OF USING INTERDEPARTMENTAL
FORENSIC FIELD COMPLEX BEL YUI AFFAIRS
OF RUSSIA NAMED AFTER I. D. PUTILIN IN THE TRAINING
OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES
IN THE DISCIPLINE «CRIMINALISTICS»**

Abstract: the article considers the possibility of using the Interdepartmental forensic polygon complex Bel YUI Affairs of Russia named after I. D. Putilin in the training of employees of internal affairs bodies. The perspective directions of practical training are defined: specialization of the content of practical training in accordance with the profile of training of students, expressed in the qualification characteristic of the specialist; optimization of the ratio of types and forms of practical training during the entire training. The possibilities of using the Institute's landfill for educational and scientific purposes are analyzed.

Key words: education, forensic testing complex, laboratory, technical and forensic tools, practical training, virtual inspection of the scene, methods of conducting classes.

Поступила в редакцию 22 июня 2020 г.

Приоритетным направлением в системе обучения сотрудника органа внутренних дел (далее – ОВД) определен

практико-ориентированный подход, позволяющий адаптировать полученные теоретические знания к служебной деятельности¹. Это требует методического обеспечения всех без исключения занятий с сотрудниками ОВД для выполне-

© Скоморохов О. Н., Чернышёв С. А., Чиненов Е. В., 2021

ния ими своих служебных обязанностей качественно, эффективно и результативно. Особенно это касается тех из них, которые специально оборудованы определенным инструментарием. При изучении дисциплин, реализуемых на кафедре криминалистики, в частности, дисциплины «Криминалистика», к таким аудиториям относятся криминалистическая лаборатория и криминалистический полигон.

В настоящее время для сотрудника органов внутренних дел необходимо уметь работать с криминалистически значимыми объектами и доказательственной информацией, правильно организовать и планировать расследование, использовать максимально возможные тактические приемы при производстве отдельных следственных действий, управлять различными структурными подразделениями и службами, взаимодействующими в процессе оперативно-служебной деятельности.

Криминалистический полигонный комплекс института позволяет в соответствии с современными требованиями проводить все виды занятий, закрепленных за кафедрой криминалистики по соответствующим дисциплинам в рамках тем, предусмотренных учебными планами. Это аудиторные практические занятия; практические занятия в специальных аудиториях, лабораториях; занятия на ситуационных полигонах и в полевых условиях; профессиональный тренинг по отработке функциональных действий².

На наш взгляд, одной из эффективных форм обучения по дисциплине «Криминалистика» является проведение практических занятий на криминалистических полигонах, поскольку они служат неким тренажерным комплексом для оттачивания мастерства и приобретения практических навыков проведения следственных действий, а также по обнаруже-

нию, изъятию, фиксации и исследованию доказательств.

Объекты, размещенные на криминалистическом полигоне, позволяют имитировать обстановку проведения различных следственных действий: следственного осмотра, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, обыска и выемки и др.

В помещениях криминалистического полигонного комплекса воссоздана импровизированная обстановка на местах происшествий по различным видам преступлений. Полигон оснащен необходимыми технико-криминалистическими средствами, в которые входят криминалистические чемоданы, фотоаппараты, дактилоскопические наборы, средства для фиксации следов обуви и др.

Криминалистический полигон позволяет реконструировать место преступления и систему следов, оставленную преступником на нем³.

Мы поддерживаем точку зрения Ф. Г. Аминова, согласно которой для качественного проведения практических занятий на криминалистическом полигоне взводы целесообразно делить на подгруппы⁴. Преподаватель заранее должен подготовить фабулу уголовного дела, проработать ее с обучающимися, распределить роли между участниками.

Современные информационные технологии заставляют пересматривать используемые в высших учебных заведениях подходы к обучению.

По мнению И. Ф. Амельчакова, на сегодняшний день все большую популярность и распространение приобретает компьютерные средства для виртуального ситуационного моделирования мест происшествий⁵.

Программное обеспечение позволяет моделировать места происшествий в разных условиях: в частных жилищах (одно-, двух-, трехкомнатная квартиры, подъез-

ды многоквартирных домов; придомовые территории (дворы, гаражи, улицы); парковая зона; железнодорожный вокзал, подземный переход). Преподаватель может использовать библиотеку различных объектов. С помощью нее он по своему замыслу размещает объекты в создаваемой модели. При этом к любым объектам в модели места происшествия преподаватель может добавлять необходимые текстовые, фото- и видеоматериалы, которые помогут обучающимся получить больше информации о необходимых действиях и возможностях решения тех или иных задач.

Отмечая актуальность применения компьютерных средств моделирования (методов моделирования), необходимо отметить, что компьютерная техника не может полностью заменить работу обучающихся на криминалистическом полигоне. Криминалистический полигон нельзя заменить визуализацией, поскольку эффективность обучения может быть достигнута только сочетанием традиционных средств обучения на криминалистическом полигоне и компьютерными технологиями. Положительным моментом работы обучающегося на криминалистическом полигоне является материализованное по своей форме действие с представленными на полигоне предметами. Эффективной, например, будет являться модель, по которой на компьютерной программе отрабатывается алгоритм действий специалиста-криминалиста, а обнаружение, фиксация и изъятие следовой информации (т. е. закрепление практических навыков работы) будут производиться на полигоне.

Таким образом, при проведении практических занятий по дисциплине «Криминалистика» целесообразно проводить «виртуальный осмотр места происшествия» только в сочетании работы обучающегося непосредственно на самом криминалистическом полигоне.

Изложенное позволяет сделать выводы: для того, чтобы практическое занятие в условиях криминалистического полигона носило эффективный характер, нужны две составляющие. Во-первых, сама подготовка преподавателя должна быть на высоком уровне методических знаний и умений. Профессиональные, педагогические, психологические навыки преподавателя должны обеспечивать успешное проведение практического занятия. Во-вторых, необходима самостоятельная подготовка обучающегося к проведению такого занятия. Он должен владеть знаниями не только по изучаемой дисциплине, но и смежным наукам, которые позволят ему получить комплексные знания и сделать соответствующие выводы, влияющие на его профессиональную подготовку.

Совершенствование методики проведения занятий на полигоне возможно за счет:

- развития материальной базы полигонного комплекса;
- максимального использования имеющейся материальной базы полигона;
- сочетания занятий, проводимых в полевых условиях, например, описание внешних элементов объектов, подлежащих осмотру (самолет, железнодорожные вагоны, железнодорожная цистерна), с последующей отработкой практических навыков обнаружения, фиксации и изъятия следов на фрагментах указанных объектов непосредственно на полигоне и лабораториях;
- использования компьютерных средств виртуального ситуационного моделирования мест происшествий для отработки алгоритма действий специалиста-криминалиста с последующей отработкой практических навыков обнаружения, фиксации и изъятия следов на полигоне.

Межкафедральный криминалистический полигонный комплекс использу-

ется и в научных целях. Так, имеющиеся и планируемые технико-криминалистические средства и материально-техническая база позволяют:

– осуществлять моделирование различных видов материальных следов с целью исследования особенностей механизма слеодообразования;

– исследовать вопрос эффективности выявления следов рук на следовоспринимающих поверхностях, изготовленных из различных материалов, с использованием цианакрилатной камеры;

– исследовать вопрос влияния оптимального взаимодействия участников следственно-оперативной группы при производстве следственных действий и

оперативно-разыскных мероприятий на качество расследования;

– анализировать результаты комплексного использования технико-криминалистических средств с целью изучения вопроса их влияния на качество и полноту предварительного расследования в целом, а также выявления различных видов материальных следов;

– совершенствовать частные методики расследования нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ);

– совершенствовать тактико-психологические основы производства различных следственных действий.

¹ См.: Техничко-криминалистическая подготовка сотрудников органов внутренних дел с использованием криминалистических полигонов : учеб.-практ. пособие. Тюмень, 2013. С. 3.

² См.: Скоморохов О. Н., Чиненов Е. В., Чурсин А. В. Об особенностях преподавания специальных дисциплин на межкафедральном криминалистическом полигонном комплексе института // Проблемы правоохранительной деятельности и образования : сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов. Белгород, 2013. С. 47–51.

³ См.: Валеев А. Х., Самойлов А. Ю. Методика проведения практических занятий на открытых криминалистических полигонах по дисциплине «Криминалистика» : методические рекомендации. Уфа, 2013. 20 с.

⁴ См.: Аминев Ф. Г. О некоторых особенностях подготовки и проведения практических занятий на криминалистических полигонах // Вестник криминалистики. 2010. № 3. С. 74–75.

⁵ См.: Амелчаков И. Ф. О повышении практической направленности обучения в Бел ЮИ МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 3–7; Амелчаков И. Ф., Чиненов Е. В. О возможностях использования межкафедрального криминалистического полигонного комплекса в деятельности Белгородского юридического института МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2012. № 1 (19). С. 2–5.

Белгородский юридический институт МВД
России имени И. Д. Путилина

Скоморохов О. Н., кандидат
юридических наук

E-mail: 79056781779@yandex.ru
Tel.: 8-905-678-17-79

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after I. D. Putin

Skomorokhov O. N., Candidate
of Legal Sciences

E-mail: 79056781779@yandex.ru
Tel.: 8-905-678-17-79

Чернышёв С. А., кандидат
социологических наук, доцент

E-mail: sercher777@rambler.ru
Тел.: 8 (4722) 55-71-32

Чиненов Е. В., кандидат
экономических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики

E-mail: chinenovevg@yandex.ru
Тел.: 8-906-600-11-11

Chernyshev S. A., Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor

E-mail: sercher777@rambler.ru
Tel.: 8 (4722) 55-71-32

Chinenov E. V., Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Head of the Department
of Criminalistics

E-mail: chinenovevg@yandex.ru
Tel.: 8-906-600-11-11

М. В. Стояновский

Воронежский государственный университет

О СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТАХ И КАТЕГОРИЯХ СЛЕДСТВЕННОЙ ТАКТИКИ

Аннотация: рассматриваются сущностные характеристики криминалистической (следственной) тактики; исследуются категории криминалистической тактики, структурообразующие элементы следственной тактики. Особое значение уделяется анализу тактических средств и иных тактических «инструментов», используемых следователем в процессе расследования преступлений.

Ключевые слова: расследование, криминалистическая тактика, тактические средства, тактический прием, тактическая рекомендация, тактическая комбинация, тактическое решение.

ON THE STRUCTURAL ELEMENTS AND CATEGORIES OF INVESTIGATIVE TACTICS

Abstract: the article discusses the essential characteristics of forensic (investigative) tactics. The author explores the categories of forensic tactics, structural elements of investigative tactics. Special attention is paid to the analysis of tactical means and other tactical «tools» used by the investigator in the process of investigating crimes.

Key words: investigation, forensic tactics, tactical tools, tactical technique, tactical recommendation, tactical combination, tactical decision.

Поступила в редакцию 25 ноября 2020 г.

Криминалистическая (следственная) тактика как раздел криминалистики на доктринальном уровне традиционно рассматривается в контексте двух основных аспектов – общетеоретического и прикладного¹ (с одной стороны, тактика есть система научных положений, а с другой – специальный вид деятельности, реализуемой при помощи тактических средств). При этом оба аспекта неотделимы друг от друга; более того, научность выступает критерием допустимости существования в тактико-криминалистической системе соответствующих ее элементов.

Целью следственной тактики (как основной подсистемы криминалистической тактики) и реализации следовате-

лем конкретных тактических средств являются обеспечение оптимального сбора и проверки доказательств в типичных ситуациях производства отдельных следственных действий²; рациональное поведение следователя в данном процессе (что обусловлено, как, в частности, отмечает С. Ю. Якушин, и самим содержанием понятия «такт», в русском языке трактуемого достаточно широко – как «сноровка», «умение сделать или сказать что-то кстати» и т. п.³); а в конечном итоге раскрытие, расследование и предупреждение преступлений⁴.

Реализация же указанной цели связана с необходимостью преодоления реального или потенциального, непосредственного или опосредованного противодействия со стороны субъектов, име-

ющих иные интересы в уголовном судопроизводстве, чем те, которые имеет следователь. На это обстоятельство совершенно четко и обоснованно указывает О. Я. Баев в предложенном им определении криминалистической (следственной) тактики⁵. Да и может ли быть расследование без противодействия?

Прав, думается, С. Ю. Журавлев, отвечая на данный вопрос хотя и утвердительно, но подчеркивая, что это исключение из правила, казус. «Правилom же является, – резюмирует указанный автор, – явное присутствие сопротивления “материала”»⁶. И хотя с ученым можно дискутировать по поводу «явственности» такового присутствия с учетом разнообразия существующих форм противодействия расследованию, необходимость его преодоления и *предупреждения*, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве основного структурообразующего (структуроопределяющего) признака следственной (криминалистической) тактики.

Между тем в подавляющем большинстве определений криминалистической (следственной) тактики, представленных в различных изданиях (от учебных пособий до энциклопедических изданий), указание на данный признак отсутствует или, по выражению О. Я. Баева, из определений «выпадает»⁷.

Так, например, Р. С. Белкин в «Криминалистической энциклопедии» определяет криминалистическую тактику как «систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения осуществляющих его лиц, приемов проведения отдельных следственных и судебных действий, направленных на соби́рание, исследование доказательств, на установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений»⁸.

Подобным образом (но с указанием также на установление причин и условий, способствующих *сокрытию* преступлений) характеризует данный раздел криминалистики А. А. Чебуренков⁹.

По мнению С. Н. Чурилова, криминалистическая тактика есть «система научных положений и разрабатываемых на их основе комплексов тактических приемов и рекомендаций по их выбору и применению в целях соби́рания, исследования и использования доказательств»¹⁰.

Вместе с тем реализация целевого предназначения криминалистической (следственной) тактики, как на это указывается в подавляющем большинстве ее определений, осуществляется с помощью соответствующих тактических элементов. К числу таковых в первую очередь следует отнести тактические средства.

Исходя из признания понятия тактического средства родовым, в смысловой объем последнего ученые включают имеющие разнопорядковый «криминалистический статус» категории – «тактический прием», «тактическую рекомендацию», «тактическую операцию», тактическую «комбинацию», «тактический комплекс», «тактическое решение» и др. Вместе с тем в понимании каждой из указанных категорий отсутствует однозначность, что обуславливает необходимость смыслового сравнительного анализа соответствующих понятийных конструкций, сопоставления их с понятием «средство» (с имеющимися толкованиями данного термина).

В русском языке существует несколько смысловых интерпретаций термина «средство». Под таковым в первую очередь принято понимать «прием, способ действия для достижения чего-нибудь»; «орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности»¹¹.

Как нам думается, подход к определению средства деятельности, как к орудию,

предмету, приспособлению или совокупности таковых, является приемлемым в части исследования средств не тактико-криминалистических, а технических. Криминалистическая техника, представляя собой самостоятельный раздел криминалистики, традиционно определяется как система научных положений и основанных на них технических средств и методов, предназначенных для собирания и исследования доказательств.

Однако все достижения криминалистической техники, как известно, «реализуются в конечном счете через средства криминалистической тактики»¹². И хотя по своей природе эти «орудия», «предметы», «приспособления» вовсе не утрачивают своей технической сущности, их применение может существенно усилить (конечно же, в границах норм закона и нравственности) соответствующее тактическое воздействие на противодействующего субъекта, тем самым способствуя реализации замысла следователя (в частности, приемы демонстрации следователем подозреваемому или обвиняемому лицу соответствующих технико-криминалистических возможностей). Наглядный пример в этой связи приводит О. Я. Баев.

Подозреваемый Щ, в своих показаниях описал колодец, в который он выбросил нож после совершения преступления. Имелись основания полагать, что показания Щ, в этой части ложны. Следователь принял решение произвести осмотр колодца с участием Щ. Участвуя в осмотре, при проведении которого применялись соответствующие технические средства (в частности, миноискатель и магнит), Щ, убедился, что при этом обнаруживаются все металлические предметы, находящиеся на дне колодца. Тут же Щ, заявил, что в колодце ножа нет, и указал другое место сокрытия орудия преступления, где оно и было обнаружено¹³.

Возможность демонстрации соответствующего технического «потенциала», полагаем, присутствует не только на уровне непосредственного показа следователем каких-либо убедительных действий (как в вышеприведенном примере), но и в разъяснении противоборствующему субъекту возможностей, например, того или иного вида судебных экспертиз (либо, так сказать, в беседе следователя с кем-то из своих «соратников», в присутствии противоборствующего лица, о дальнейших технико-криминалистических исследованиях значимых по расследуемому делу объектов-следоносителей).

Тактическое значение имеют и технические средства фиксации криминалистически значимой информации. Так, например, в контексте рассматриваемого вопроса, полагаем, целесообразно обратить внимание и на проблему, так сказать, опосредованного искажения допрашиваемым информации о событии путем использования им ненормативной (вульгарной, бранной, нецензурной) лексики (в силу личностных особенностей, в частности, из-за неумения выразить иными словами свои мысли) и фиксации таких показаний в протоколе допроса.

Как разрешают эту проблему М. О. Баев и О. Я. Баев, и мы всецело согласны с высказанным ими мнением, «нецензурные выражения допрашиваемого следует перевести на нормативный русский язык, особо оговорив это обстоятельство в протоколе... однако если сообщаемые таким языком сведения имеют повышенную значимость для расследования, то тактически целесообразно, чтобы допрос этого лица сопровождался аудио-, видеозаписью, сохраняя тем самым «оригинал» осуществленного в протоколе «перевода»¹⁴. В данном случае речь ведется о тактических средствах объективизации опосредованного искажения допрашиваемым передаваемой им информации пу-

тем соответствующей лингвистической ее интерпретации, а также применения технических средств фиксации (последняя, еще раз подчеркнем, имеет самостоятельное тактическое значение).

И все же более приемлемым для рассмотрения тактических средств является толкование последних как «приемов», «способов действий». Видимо, основываясь и на этимологии, тактические приемы традиционно рассматриваются в качестве основного и исходного элемента в системе криминалистической (следственной) тактики. В основном большинстве литературных источников тактические (тактико-криминалистические) приемы определяются как наиболее рациональные (оптимальные) способы действий или линии поведения соответствующего субъекта тактико-криминалистической деятельности (в частности, следователя).

Дискуссии же более всего охватывают проблему классификации тактических приемов, в частности, по их характеру (обязательности или рекомендательности) и форме существования (возможности существования тактических приемов на уровне закрепления в нормах уголовно-процессуального закона). Не вдаваясь в углубленную научную полемику на этот счет, лишь отметим, что, на наш взгляд, учитывая признак рациональности (оптимальности) соответствующих тактических способов действий (тактических приемов), последние могут иметь не только научно-рекомендательный, но и нормативный (в том числе нормативно-обязательный) характер (ч. 2 ст. 184, ч. 8 ст. 193, ч. 1, 4 ст. 191 УПК РФ и др.).

Что касается иных тактических категорий (и их соотношения с этимологическими интерпретациями понятия «средство»), однозначности в их определении нет. Являются ли, к примеру, тактическая комбинация или тактическая операция приемом, способом действий?

По поводу смыслового объема первой из указанных категорий мы солидарны с мнениями тех криминалистов, которые характеризуют тактическую комбинацию как совокупность тактических приемов, реализуемых при производстве одного следственного действия. По сути, это представляет собой определенный образ действий (поведения) следователя в сложившейся ситуации. Впрочем, вариантом поведения следователя в тактической комбинации может быть и бездействие. На последнее обстоятельство, в частности, указывает Р. С. Белкин, относя к числу тактических бездействий следователя, например, прием выжидания им действий со стороны подозреваемого лица (или его сообщников)¹⁵. В связи со сказанным считаем использование термина «линия поведения» наиболее подходящим для определения именно тактической комбинации.

Исходя из традиционного определения тактической операции как системы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на достижение какой-либо локальной цели расследования, полагаем, что указанную категорию более корректно (с учетом этимологического значения понятия «средство») рассматривать как соответствующую поставленной цели совокупность способов и форму организации деятельности. При этом, в отличие от тактического приема, имеющего сугубо тактическое значение, тактической операции (как средству деятельности), наряду с собственно тактическим, присущ и четко определенный методический характер. То же самое, на наш взгляд, относится и к «тактическому комплексу», определяемому в науке в качестве совокупности тактических приемов, процессуальных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на разрешение задач предварительного расследова-

ния или обусловленных такими задачами и следственной ситуацией¹⁶.

Неоднозначно в науке толкуется и содержание понятия тактической рекомендации. В то время как одни ученые понимают под тактическими рекомендациями соответствующую систему тактических способов действий (приемов) рекомендательного характера, другие криминалисты используют понятие криминалистической рекомендации несколько в ином аспекте – не для обозначения отдельно взятого тактического приема, а для определения *оптимальности выбора* для следственной или судебной ситуации тактического средства (приема, операции) из некой формализованной их системы, поскольку совет (а это и есть рекомендация) может быть дан лишь при наличии многозначности в возможных и допустимых способах действий¹⁷. И хотя в последней интерпретации тактическую рекомендацию в узком смысле вряд ли правомерно именовать тактическим средством, они (средства и рекомендации) существуют в диалектической взаимосвязи.

Предметом криминалистических исследований и дискуссий является и проблема тактических решений. Входят ли они в систему тактических средств?

По сути, принятие следователем решения есть его мыслительная деятельность. Это мысленное моделирование оптимального процесса собственной работы, опосредованное выбором наиболее эффективных тактических средств, для достижения конкретных профессиональных задач – задач расследования преступлений. Тактическое решение, как об этом справедливо, на наш взгляд, пишут А. В. Дулов и Ю. И. Новик, «отражает тактику *предстоящего* (курсив наш. – М. С.) следственного действия – его тактические элементы и параметры, по отношению к которым следователь в большинстве случаев обладает возможностью выбора»¹⁸.

Моделируемыми же элементами такой мыслительной формы (тактического решения) являются те же способы действий либо их комплексы, которые находят свое системное выражение в содержании понятий тактического приема (или комбинации), тактической операции (комплекса) и конкретный выбор которых опосредован наличием тактических рекомендаций. В этой связи включение тактических решений в систему тактических средств, на наш взгляд, не представляется обоснованным.

С проблематикой тактических решений (в части отнесения к тактическим средствам) взаимосвязана проблема следственных версий и планирования расследования.

Как нам представляется, следственную версию, несмотря на ее огромную значимость для процесса расследования, все же нельзя рассматривать в качестве самостоятельного тактического приема (средства). Это всего лишь предположение, гипотеза. В то же время это и инструмент следственного мышления, без которого познание преступления – события, лежащего в прошлом, в принципе, невозможно. И не случайно, наверное, в ряде литературных источников их авторы рассматривают учение о следственной версии в качестве структурного компонента не криминалистической тактики, а теории и методологии криминалистики¹⁹. И вопрос о криминалистических версиях – это в первую очередь «вопрос о том, как думает субъект процессуального исследования преступлений при осуществлении своей деятельности»²⁰, ведь именно версия побуждает следователя к получению определенной информации; тактические же средства (приемы, комбинации, операции) есть одно из средств ее получения²¹.

Отмечая методологическое значение криминалистических версий, трудно не согласиться с В. Я. Колдиным, определяя

ющим версионный анализ как базовый метод познавательной деятельности криминалиста на всех ее уровнях. Структуризация же данного метода предполагает решение ряда задач:

- детализацию объекта исследования и обнаружение дополнительной информации;
- определение относимости информации;
- систематизацию и оценку информации;
- формирование доказательственных систем;
- формирование оснований оперативного и стратегического планирования и контроль за полнотой анализа;
- формирование фактологической матрицы принятия криминалистических и процессуально-правовых решений²².

Что касается конкретно планирования расследования, то оно, как нам видится, является средством системно-структурного представления поисково-познавательной деятельности в ходе расследования, средством алгоритмизации этой деятельности.

Но опять же план – это еще не действие, а представление о нем, мысленная модель будущей деятельности. И несмотря на то, что одним из принципов планирования считается его оптимальность (определение наилучшей последовательности вариантов деятельности), ни план расследования по делу, ни план следственного действия – это еще не способ деятельности, не тактический прием, а мысленная его прогностическая модель, структурированная совокупностью тактических решений следователя.

В этимологическом смысле, помимо вышеуказанных толкований термина «средство», допускается идентификация последнего также с «лекарством» или «предметом, необходимым при лечении»²³.

В криминалистическом плане, думается, такой подход не только возможен, но и необходим с позиций оценки содержания и последствий применения тех или иных тактических «инструментов» деятельности – по критериям правовой и нравственной допустимости, а также избирательности – чтобы тактическое средство было подобно лекарству, которое, по образному выражению А. Р. Ратинова, действуя на больной орган, не причиняло вреда здоровым частям организма²⁴.

Не претендуя на подробный анализ по данному основанию конкретных тактико-криминалистических средств, заметим, что и в нормах уголовно-процессуального закона содержатся прямые запреты на применение отдельных способов действий, по сути своей, являющихся тактическими, но не соответствующих определенным критериям допустимости (в частности, критерию избирательности).

Так, ч. 3 ст. 193 УПК РФ содержит следующее положение императивного характера: «Не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам».

В принципе, повторное опознание, как нам представляется, можно рассматривать как рационализирующий процесс получения доказательств тактический прием. Но дело в том, что при повторном опознании в сознании опознающего субъекта конкурируют несколько идеальных моделей:

1) идеальный след лица (предмета), сохранившийся в памяти опознающего, в связи с расследуемым событием (модель № 1);

2) идеальный след лица (предмета), сформировавшийся в сознании (памяти) опознающего, в связи с произведенным первоначальным опознанием (модель № 2).

При этом модель № 2 в психологическом плане имеет явное превосходство

перед первой моделью, что обусловлено особенностями ее формирования – ее формирование происходит через определенный временной интервал с момента события, в связи с чем модель № 2 в сознании опознающего фиксируется более четко и полно.

Такая ошибка обуславливается внушающим воздействием двойственной природы, реализуемым в форме:

1) гетеросуггестии, т. е. внушающего воздействия «со стороны» (в объективном смысле это непосредственно сам акт повторного опознания; кроме того, не исключены и всякого рода субъективные наводящие воздействия на опознающего со стороны правоприменителя и иных лиц);

2) аутосуггестии (самовнушения опознающего).

Подобное можно сказать и о наводящих вопросах в производстве следствен-

ных действий, которые также запрещены из-за большой вероятности получения ответа, который содержится в их формулировке.

Следственная тактика, выступая системой оптимизирующих процесс расследования тактических элементов, представляет собой опосредованный соответствующей целью и имеющий внутреннее единство механизм собирания, исследования, оценки и использования уголовно-релевантной информации. Полноценное же решение этих задач предопределено необходимостью соответствия тактического инструментария известным (исходным) критериям – законности, нравственной обоснованности и избирательности. Только так данная система может расцениваться как социально-позитивная и отражающая достижение назначения уголовного судопроизводства.

¹ Заметим, что подобной точки зрения придерживаются и исследователи военной тактики. См., например: Тактика / под ред. В. Г. Резниченко. М., 1966. С. 8.

² См.: Божкова Н. Р., Власенко В. Г., Комиссаров В. И. Следственная (криминалистическая) тактика. Саратов, 1996. С. 19.

³ См.: Якушин С. Ю. Тактические средства расследования преступлений: понятие и соотношение // Рос. следователь. 2004. № 10. С. 5.

⁴ См., например: Чебуренков А. А. Общетеоретические положения и практические аспекты криминалистической тактики. М., 2008. С. 9.

⁵ См.: Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс. М., 2017. С. 171; Баев О. Я., Комаров И. М. Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2016. С. 12.

⁶ Журавлев С. Ю. Расследование экономических преступлений. М., 2005. С. 442.

⁷ См.: Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс. С. 170.

⁸ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 104.

⁹ См.: Чебуренков А. А. Указ. соч. С. 12.

¹⁰ Чурилов С. Н. Криминалистическая тактика: учеб. пособие в структурно-логических схемах. М., 2001. С. 8.

¹¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 676.

¹² Баев О. Я. Основы криминалистики. М., 2009. С. 153.

¹³ См.: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 114.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Баев М. О., Баев О. Я. Протоколы в досудебном производстве по уголовному делу (некоторые правовые и прикладные аспекты) // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. трудов. Вып. 11 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2009. С. 38; Баев О. Я., Стернин И. А. Об одной лингвистической проблеме

фиксации показаний допрашиваемого в уголовном судопроизводстве // Правовые реформы в современной России : значение, результаты, перспективы : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юбилею юридического факультета Воронеж. гос. ун-та. Вып. 5, ч. 5. Воронеж, 2009. С. 28–42.

¹⁵ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 222.

¹⁶ См.: Шмонин А. В. Методика расследования преступлений. М., 2006. С. 349.

¹⁷ См.: Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Т. 1. Воронеж, 2011. С. 39.

¹⁸ Дулов А. В., Новик Ю. И. Понятие и структура тактического решения, принимаемого следователем при производстве следственного действия // Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981. С. 41.

¹⁹ См., например: Криминалистика / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М., 1993. С. 70–90 ; Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2000. С. 7 ; Криминалистика / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 1994. С. 54–67.

²⁰ Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс. С. 95.

²¹ См.: Михальчук А. Е. Тактические комбинации при производстве следственных действий. Саратов, 1991. С. 24.

²² См.: Колдин В. Я. Криминалистический анализ. М., 2016. С. 296–297.

²³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 676.

²⁴ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 168.

Воронежский государственный университет

Стояновский М. В., кандидат
юридических наук, доцент
кафедры криминалистики

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru
Тел.: 8-910-282-54-19

Voronezh State University

Stoyanovsky M. V., Candidate of Legal
Sciences, Associate Professor of the Criminalistics
Department

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru
Tel.: 8-910-282-54-19

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЦА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А н н о т а ц и я: обосновывается необходимость углубленного исследования теоретических и практических вопросов формирующейся методики расследования преступлений, совершаемых с использованием социальной инженерии, и разработки научно обоснованных криминалистических рекомендаций и рациональных способов организации раскрытия и расследования данного вида преступлений, отвечающих современному уровню развития информационных технологий, достижений криминалистической науки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: киберпреступления, социальная инженерия, методика расследования преступлений.

IDENTIFICATION OF A PERSON IN THE VIRTUAL SPACE

Abstract: the article studies the need for an in-depth research of theoretical and practical matters of newly emerged methods of solving social engineering crimes and the need for a scientifically based forensic guidelines and optimized ways of solving aforementioned crimes.

Key words: cybercrimes, social engineering, methods of crime-solving.

Поступила в редакцию 21 мая 2021 г.

Социальная инженерия – это способ совершения киберпреступлений, направленный на несанкционированное получение информации путем использования слабых мест в психике человека¹.

Поскольку преступления, совершенные при помощи социальной инженерии, – это преступления, совершаемые в цифровой среде, механизм слепообразования при совершении преступления при помощи социальной инженерии имеет определенные особенности. Так, основной вид следов, образующихся при совершении данных преступлений, – не материальные или идеальные, а виртуальные.

Исходя из того, что речь идет об отдельной категории следов, то при их обнаружении, исследовании и использовании в процессе доказывания целесо-

образно применять специальные методики работы с виртуальными следами и носителями компьютерной информации.

Одной из наиболее важных задач в расследовании преступлений является идентификация лица, это преступление совершившего. В некоторых случаях лицо, совершившее преступление при помощи социальной инженерии, вполне можно идентифицировать при помощи традиционных для криминалистики способов идентификации. Так, злоумышленников, использующих при совершении преступлений претекстинг², чаще всего приходится идентифицировать при помощи признаков внешности (к примеру, по изображению на видеозаписи камер наблюдения или составляя фоторобот, основанный на показаниях сотрудников, от которых преступник получил необходимую ему информацию).

Для идентификации преступника, пользующегося бейтингом³, имеется более широкий перечень возможных способов установления личности. Так, наряду с идентификацией по признакам внешности, может использоваться почерковедческая экспертиза надписи на носителе с вредоносным программным обеспечением, если надпись была сделана вручную, или дактилоскопическая экспертиза носителя.

Тем не менее такой подход работает в очень ограниченном количестве случаев, когда социальный инженер «выходит в офлайн» для получения необходимых ему данных и только после получения информации начинает взаимодействие с компьютерной системой. На порядок чаще встречается ситуация, когда все взаимодействие с жертвой происходит в цифровой среде. В таких случаях классические способы идентификации утрачивают смысл и для поиска преступника приходится пользоваться совершенно иным инструментарием. Следует, однако, особо отметить, что более корректно говорить об идентификации компьютера, с которого совершалось взаимодействие с жертвой, после чего устройство можно привязать к человеку общепринятыми способами. На данный момент наиболее широко распространены три способа идентификации компьютера в Интернете: с помощью IP-адреса, cookie-файлов и цифровых отпечатков компьютера.

Идентификация с помощью IP-адреса. IP-адрес – это уникальный сетевой адрес узла в компьютерной сети, построенной по протоколу IP.

Каждый компьютер, подсоединенный к Интернету, должен иметь свой адрес. В Интернете используется два типа адресов: цифровой IP-адрес и доменный (от англ. *domain* – область, владение). Адрес по смыслу похож на почтовый индекс, который содержит информацию о

городе (первые две цифры) и почтовое отделение в нем (последние три цифры).

IP-адрес состоит из двух частей: номера сети и номера узла. В случае изолированной сети ее адрес может быть выбран администратором из специально зарезервированных для таких сетей блоков адресов (10.0.0.0/8, 172.16.0.0/12 или 192.168.0.0/16). Если же сеть должна работать как составная часть Интернета, то адрес сети выдается провайдером либо региональным интернет-регистратором (Regional Internet Registry, RIR).

Существуют статические и динамические IP-адреса. IP-адрес называют статическим (постоянным, неизменяемым), если он назначается пользователем в настройках устройства либо автоматически при подключении устройства к сети и не может быть присвоен другому устройству.

IP-адрес называют динамическим (непостоянным, изменяемым), если он назначается автоматически при подключении устройства к сети и используется в течение ограниченного промежутка времени, указанного в сервисе назначившего IP-адрес.

Cookie-файлы и веб-маяки. Http-cookie – это фрагмент информации, которую веб-сайт сохраняет на компьютере пользователя, используя браузер. Cookie позволяет сайту сохранять информацию об активности пользователя в Интернете. Например, какие страницы просматривал пользователь, когда он заходил на тот или иной сайт, какие поисковые запросы совершал. Из данных, полученных с помощью cookies, может быть составлен профиль активности пользователя в Интернете⁴.

Cookie-файлы можно разделить на cookie от первых и от третьих лиц, в зависимости от того, кто их размещает⁵.

Cookie от первых лиц используются самим сайтом, который посещает пользователь, и избавляют пользователя от не-

обходимости несколько раз вводить одни и те же данные. Например, с помощью cookie сайты могут запоминать товары, которые пользователь добавил в корзину интернет-магазина; логин и пароль пользователя; предпочтения и персональные настройки сайта, такие как выбор темы оформления или выбор отображаемого языка.

Cookie от третьих лиц размещаются лицами, не являющимися администрацией сайта, который посещает пользователь. Чаще всего такие cookie используются различными рекламными агентствами в целях отображения рекламы, соответствующей интересам пользователей. Например, если пользователь просмотрит в сети несколько страниц, связанных с недвижимостью, cookie могут зафиксировать его заинтересованность в недвижимости и добавить это в профиль, после чего на сайтах, использующих cookie третьих лиц, будет отображаться реклама риэлторских фирм.

Следует отметить, что cookie не являются ни программами, ни вирусами. Они не содержат в себе программного кода и потому не могут быть выполнены или выполняться самостоятельно. Они не способны создавать собственные копии или самостоятельно распространяться по сети. Таким образом, cookie-файлы не отвечают определению компьютерного вируса.

Несмотря на это, cookie все же возможно использовать в неправомерных целях. Исходя из того, что в cookie-файлах хранится информация о предпочтениях и истории активности пользователя в Интернете, как на каком-то конкретном сайте, так и на нескольких сайтах, cookie могут быть использованы в качестве инструмента слежки за пользователем⁶.

Также следует понимать, что cookie-файлы постоянно пересылаются от сайта к пользователю и обратно и могут быть

перехвачены в процессе передачи. Несмотря на то что такой вариант развития событий маловероятен, подобное может случиться если пользователь использует незащищенную сеть, например, незашифрованный Wi-Fi-канал.

Другая потенциальная опасность cookie заключается в том, что уязвимость существует не только для пользователя, но и для сервера и, если сайт не требует использования только защищенных каналов связи, злоумышленники могут использовать данную уязвимость и получить через cookie-файлы важную информацию о сайте для того, чтобы позднее применить ее в целях доступа к серверу в обход авторизации.

Одной из близких к cookie-файлам технологий являются веб-маяки, которые представляют собой объект, встроенный в веб-страницу или электронное письмо и позволяют ненавязчиво (в большинстве случаев незаметно для пользователя) проверять, получил ли пользователь доступ к содержимому страницы⁷.

Веб-маяки позволяют отслеживать, была ли посещена страница или прочитано письмо, а если да, то когда и с какого компьютера. Веб-маяки также позволяют узнать, было ли электронное письмо переслано кому-то еще и было ли содержимое страницы скопировано на другой сайт.

Данная технология в основном используется владельцами обширных сайтов со множеством страниц для того, чтобы иметь представление о посещаемости тех или иных страниц и использовать полученные данные в продвижении сайта. Также веб-маяками часто пользуются маркетологи, чтобы знать, какие пользователи из адресной базы открывали сообщения из рекламной рассылки.

Чаще всего веб-маяком является маленькое (обычно размером 1×1 пиксель) прозрачное (или того же цвета, что и фон страницы) изображение формата gif или

png, встраиваемое в html-страницу. Такие маяки называются пиксельными тегами, или трекинговыми пикселями. Каждый раз, когда пользователь открывает веб-страницу через браузер или письмо через почтовый клиент, происходит загрузка этого изображения. При загрузке какого-либо содержимого в Интернете браузер всегда отправляет запрос на сервер, хранящий этот контент, чтобы получить к нему доступ, и именно благодаря этим запросам с помощью веб-маяков можно отслеживать активность пользователя.

Некоторые современные веб-маяки не требуют наличия изображения и могут пользоваться другими элементами страницы, например, видео или аудио. Принцип их работы тот же, но они являются более заметными, чем пиксельные теги, и требуют несколько большее время на загрузку, а потому распространены меньше.

Цифровые отпечатки браузера.

Отпечатки браузера (digital fingerprints) представляют собой уникальный слепок с настроек компьютера пользователя⁸. Отпечатки браузера – это альтернатива cookie-файлам с рядом преимуществ.

Cookie – неотъемлемая составляющая многих операций в Интернете. Они считаются одним из главных средств, которые владельцы сайтов применяют для отслеживания активности клиентов определенного ресурса. Однако данная методика устарела и редко дает нужный эффект.

Причин этому несколько. На современном этапе любой пользователь может отключить операцию по получению cookie либо, воспользовавшись режимом Инкогнито в браузере, сохранить их всего лишь на текущую сессию, т. е. делая свое присутствие и запоминание для сайта незамеченным. Cookie передают данные не только владельцу ресурса, но и са-

мим пользователям. Клиент видит сами cookie и их отправителя, поэтому может защититься.

Ситуация с отпечатками браузера иная. Данная техника основана на анализе информации, которую браузер отправляет на посещаемый клиентом сайт. На основе нескольких типов данных: языковые настройки, установленные шрифты системы, часовой пояс, разрешение экрана, установленные плагины, цифровые версии программ и т. д. – создается цельная картина браузера, которая по своему принципу напоминает отпечаток пальца⁹. В итоге даже при полностью удаленных cookie ресурс все равно опознает конкретного пользователя по картине браузера точно и просто.

Важно понимать, что и смена IP-адреса в защите от fingerprints никак не поможет. Отпечатки, по сути, заменяют собой cookie, и некоторые сайты их активно используют. Парадокс еще и в том, что главное орудие интернет-клиента в борьбе за приватность может сработать против него. Сторонники анонимности выставляют в браузере особые настройки с целью защитить их от чрезмерной активности сайтов по идентификации пользователя. Но многие не подозревают, что такие шаги делают их более узнаваемыми на фоне других посетителей Интернета.

Исследования показали, что компьютеры со стандартными настройками браузеров идентичны примерно у 875 тыс. пользователей. Сайты получали схожую картину, а значит, проведение точной выборки становилось невозможным. Что касается браузеров, настроенных немного по-особенному, они были идентифицированы как уникальные среди 4,4 млн аналогов.

Однако существует множество способов изменить отпечатки браузера и сделать его менее уникальным: модерниза-

ция браузеров (постоянное скачивание обновлений), использование типовых плагинов, изменение разрешения экрана под более распространенное, удаление нестандартных шрифтов из системы и т. д.

Безусловно, в целях расследования преступления для идентификации субъекта в цифровой среде необходимо использовать комплекс следственных действий.

¹ См.: Суворова Л. А., Суворова В. В. Общая характеристика преступлений, совершенных с использованием социальной инженерии // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Вып. 6 (23). 2020. Воронеж, 2020. С. 123–131.

² Претекстинг (англ. *pretexting*) – атака, в которой злоумышленник представляется другим человеком и по заранее подготовленному сценарию узнает конфиденциальную информацию.

³ Бейтинг (англ. *bait* – приманка) – вид социальной инженерии, использующий некоторого рода приманки для того, чтобы заразить компьютер жертвы вредоносным программным обеспечением.

⁴ См.: HTTPcookies – apromisingtechnology. URL: <http://search.proquest.com/docview/194487945> (дата обращения: 05.05.2021).

⁵ Third-PartyCookiesvsFirst-PartyCookies | OpentrackerAnalytics. URL: <http://www.opentracker.net/article/third-party-cookies-vs-first-party-cookies> (дата обращения: 28.04.2021).

⁶ См.: RiskAssociatedwithCookies – InfoSecResources. URL: <http://resources.infosecinstitute.com/risk-associated-cookies/> (дата обращения: 11.02.2021).

⁷ См.: WhatisWebBeacon? WebopediaDefinition. URL: http://www.webopedia.com/TERM/W/Web_beacon.html (дата обращения: 23.05.2021).

⁸ См.: What is digital fingerprint? Definition and meaning. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/digital-fingerprint.html> (дата обращения: 31.01.2021).

⁹ См.: HowDigitalFingerprintingWorks. URL: <http://computer.howstuffworks.com/digital-fingerprinting.htm> (дата обращения: 04.05.2021).

Воронежский государственный университет

Суворова Л. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики, адвокат
ВОКА АК «Баев и партнеры»

E-mail: maidon@yandex.ru
Тел.: 8-903-851-59-51

Суворова В. В., магистрант кафедры
криминалистики

E-mail: maidon@yandex.ru
Тел.: 8-958-509-80-33

Voronezh State University

Suvorova L. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics
Department, Attorney

E-mail: maidon@yandex.ru
Tel.: 8-903-851-59-51

Suvorova V. V., Master of the Criminalistics
Department

E-mail: maidon@yandex.ru
Tel.: 8-958-509-80-33

А. В. Хмелева

Следственный комитет Российской Федерации

СЛЕДСТВИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ)

А н н о т а ц и я: рассматриваются вопросы деятельности следователей в период Великой Отечественной войны, приводятся архивные материалы по Воронежской области.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следователь, Великая Отечественная война, уголовное дело, фиксация зверств немецких захватчиков.

INVESTIGATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Abstract: the article discusses the issues of the activities of investigators during the Great Patriotic War, provides archival materials on the Voronezh region.

Key words: investigator, Great Patriotic War, criminal case, recording of the atrocities of the German invaders.

Поступила в редакцию 12 ноября 2020 г.

В мае 2020 г. мы торжественно отметили 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. В связи с этим возникла необходимость обратиться еще раз к страницам истории следствия, работе следователей в этот тяжелейший период жизни нашего государства и народа, используя при этом архивные документы Воронежской области.

В суровых условиях Великой Отечественной войны задачи прокуратуры и ее следственного аппарата неизмеримо возросли. Лозунг «Все для фронта, все для Победы!», подхваченный в эти годы всей страной, имел прямое и непосредственное отношение и к следователям в их повседневной напряженной работе. Вот как отмечался труд следователей в специальном пособии, изданном в 1949 г.: «Можно назвать десятки имен следователей,

заслуживших своей беззаветной преданностью служебному долгу, высокой сознательностью и подлинно профессиональным мастерством, чтобы о них было рассказано. Благодаря их инициативе, чутью, профессиональному умению удалось раскрыть самые тонкие преступные махинации и обнаружить, казалось бы, навсегда уничтоженные нити преступления. В борьбе с преступниками всех мастей, пытавшимися подрвать мощь нашего тыла, в борьбе с хищениями социалистической собственности и бесхозяйственностью, с антисоветскими элементами; с лицами, не выполнявшими постановлений о мобилизации транспорта, о мобилизации на оборонные работы, не выполнявшими иные обязательства перед государством, в борьбе с дезертирами наши следователи непреклонно стояли на страже интересов государства и его безопасности»¹.

© Хмелева А. В., 2021

Они работали с большой нагрузкой (в производстве одного следователя находилось в месяц 20–25 уголовных дел²) и в сложнейших условиях. Требования к следственной работе, в том числе к срокам расследования, были жесткие. Среди уголовных дел, которые расследовали следователи, были хищения техники и продовольствия, бесхозяйственность, многочисленные злоупотребления, спекуляция, нарушения трудовой дисциплины. Особое внимание уделялось борьбе с прогульщиками и дезорганизаторами производства, с дезертирами, в том числе и с трудового фронта.

Имеются следующие архивные материалы по Воронежской области, характеризующие состояние преступности в тот период. С 22 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г. задержано и предано суду 5151 человек по обвинению в дезертирстве и уклонении от военной службы. Дела рассмотрены в срок от 1 до 3 суток. За 2-е полугодие 1942 г. суду были преданы 6935 человек, из них: за воинские преступления – 40 %, за хищение социалистической собственности и мародерство – 10 %, за срыв оборонных мероприятий и невыполнение гособязательств – 14 %, за спекуляцию – 2 %, за прочие преступления – 25 %.

Большая ответственность была возложена на следователей прокуратуры по выявлению и закреплению зверств немецких захватчиков на оккупированной территории, фактов совершения преступлений против мира, безопасности, применения запрещенных методов ведения войны.

Так, при работе в архиве автор статьи обнаружила докладную записку народного следователя Карачаевского района Воронежской области Ю. С. Цалюк от 31.08.1943 на имя прокурора области, где она пишет «...в Семилукском районе мною расследовано 7 актов о совершенных злодеяниях: 1) с. Девица – замучено

и расстреляно 33 человека по распоряжению начальника Гестапо Франца Поля; 2) с. Подклетное – расстрел колхозников колхоза им. 16 парт съезда; 3) с. Севастьяновка – о сооружении немцами подпольной тюрьмы, в которой мучили советских граждан; 4) зверства в совхозе им. Сталина (расстреляно и замучено – 41 мирный житель); 5) с. Медвежье – зверства над пленными красногвардейцами; 6) в с. Русская Гвоздевка замучено и расстреляно 16 человек, увезены в немецкое рабство – 9 человек; 7) с. Студенное – расстрелы советских людей по указанию унтер-офицера Герц...».

Имеются документы, свидетельствующие о значительном количестве уголовных дел, возбужденных по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления) следователями после освобождения территорий от фашистской оккупации. Так, в списке уголовных дел, находящихся в производстве военного следователя по Богучарскому району Воронежской области, на 1 мая 1943 г. указано 13 уголовных, 10 из которых возбуждены были по п. 1 «а» ст. 58 УК РСФСР (измена родине – шпионаж, переход на сторону врага, бегство за границу, выдача военной или государственной тайны), 3 дела возбуждены по п. 14 (контрреволюционный саботаж).

В феврале 1943 г. работники специального отдела областной Воронежской военной прокуратуры были командированы в районы, освобожденные от немецких оккупантов, с правом дачи им санкции на арест, самостоятельного направления дел об изменниках Родины по подследности. За февраль 1943 г. было дано санкций на арест 1373 человека: бывших бургомистров, старшин, старост, полицейских, сожительниц с оккупантами, управляющих колхозами и др.

Однако сложные условия военного времени не должны были отражаться

на объективности и беспристрастности предварительного следствия, что требовало и уголовно-процессуальное законодательство того времени.

В этом отношении представляет профессиональный интерес уголовное дело № 3, возбужденное 9 января 1943 г. по п. «а» ст. 58 и ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР (измена родине и пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву и ослаблению Советской власти соответственно) в отношении Стрижаненко М. П., 1912 г. р. Основанием для уголовного преследования Стрижаненко послужили сведения, что она «в период оккупации фашистскими войсками Богучарского района, являясь по специальности агрономом, возглавила организованное немцами агробюро и проводила изменческую контрреволюционную работу». По показаниям свидетелей, в задачу агробюро входило руководство всеми сельскохозяйственными работами и «выкачивание с колхозов всех видов продовольствия». Она была Военным трибуналом Воронежской области приговорена к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества (стол, кровать, шкаф). Однако в дальнейшем Военной коллегией Верховного Суда СССР уголовное дело было направлено на дополнительное расследование и затем прокурором района было прекращено за отсутствием состава преступления. При этом отмечено, что обвинение Стрижаненко базировалось на показаниях двух свидетелей, занимавших в фашистских административных органах ответственные должности, заинтересованных в очернении Стрижаненко. Таким образом, справедливость восторжествовала³.

От разрухи и бесчинств оккупантов пострадали многие здания и помещения органов прокуратуры. Вот обращение военного прокурора Ровенского района к военному прокурору соседней области:

«...помещение райпрокуратуры совершенно не пригодно для работы, так как немецко-итальянские власти полностью разрушили здание, нет окон и дверей, полы выдраны; оно было приспособлено для конюшен... Убедительно прошу Вас, быстрее вышлете следователя, штамп и бумагу, так как писать и вести дела не на чем. А также вышлете сургучную печать и Уголовный кодекс»⁴.

Несмотря на объективно тяжелые условия работы, была повышена требовательность к количеству уголовных дел, направляемых ежемесячно прокурору и в суд. Сохранилось объяснение следователя Кантемировского района Красулина следственному отделу облвоенпрокуратуры от 1 ноября 1943 г. Безусловно, данный документ несет печать того времени: «За октябрь месяц мной возбуждено, передано в суд и расследовано только три дела (ст. 162 п. "г", ст. 116 ч. 2 и 109 УК) ("тайное похищение чужого имущества, совершенное частным лицом из государственных или общественных складов; присвоение или растрата должностным лицом государственного или общественного имущества; злоупотребление властью или служебным положением"). Малое количество расследованных дел объясняю следующими уважительными причинами: ...с 10.10.43 по 22.10.43 решением РК ВКП(б) обязан был произвести на территории Кантемировского района раскопку 9 ям с трупами зверски замученных немецкими бандитами советских граждан и военнопленных. Все ямы откопаны, извлечено 314 трупов и похоронены в братской могиле. Материалы на извлеченные трупы, их опознание оформил и передал райисполкому...»⁵

Многие документы с зафиксированными зверствами фашистских захватчиков легли в основу обвинения на Нюрнбергском процессе.

В заключение хочется отметить следующее. В истоках Победы мы по сей день черпаем свои силы, находим духовную опору и стремимся жить и работать так, как это делало старшее поколение, прошедшее через годы войны. Мы учим-

ся стойкости и мужеству у поколения победителей. Пусть в наших сердцах навсегда останется искренняя гордость за героическое поколение, защитившее и возродившее страну, ставшее примером бескорыстного служения своему Отечеству.

---

¹ Хмелева А. В. Из истории следственных органов России // История государства и права. 2014. № 17. С. 31.

² См.: Из воспоминаний следователей военной поры // Предварительное следствие. М., 2020. № 2 (3). С. 144.

³ См.: Годы, опаленные войной... Очерки о следователях и следствии в период Великой Отечественной войны / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2015. С. 23–24.

⁴ Хмелева А. В. Страницы истории : следствие в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 9. С. 28.

⁵ Там же. С. 30.

Следственный комитет Российской Федерации

Хмелева А. В., кандидат юридических наук, полковник юстиции, заместитель руководителя управления научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики)

E-mail: Khmeleva.alla@mail.ru

Investigative Committee of the Russian Federation

Khmeleva A. V., Candidate of Legal Sciences, Colonel of Justice, Deputy Head of the Department of Research Activities (Research Institute of Forensics)

E-mail: Khmeleva.alla@mail.ru

Е. В. Чиненов, В. И. Щукин, Г. М. Усова

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО КОНТРАБАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ, ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ, ПЕРЕМЕЩАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

А н н о т а ц и я: рассматриваются понятие, основные приемы, методы и методики криминалистического изучения личности преступника, совершающего контрабанду наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, показываются основные особенности личности в контексте криминалистической характеристики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: расследование преступлений на железнодорожном транспорте, контрабанда наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, криминалистическая характеристика преступления, личность преступника.

CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A PERSON WHO COMMITS THE SMUGGLING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC, POTENT, TOXIC SUBSTANCES TRANSPORTED BY RAIL

A b s t r a c t: the concept, basic techniques, methods and techniques of criminalistic study of the personality of a criminal who commits the smuggling of narcotic drugs, psychotropic, potent, toxic substances transported by rail are Considered. The main features of the personality in the context of criminalistic characteristics are shown.

Key words: investigation of crimes on railway transport, smuggling of narcotic drugs, psychotropic, potent, toxic substances, criminalistic characteristics of the crime, identity of the criminal.

Поступила в редакцию 22 июня 2020 г.

Обращение к практике расследования контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, показывает, что следователи явно недостаточно уделяют

внимание характеристике личности преступника. По подавляющему большинству изученных нами уголовных дел личность либо не изучалась вовсе, либо за редким исключением сведения о ее особенностях получались в ходе производства отдельных следственных действий, как правило, допросов. К проведению следственных действий на практике сле-

---

© Чиненов Е. В., Щукин В. И., Усова Г. М., 2021

дователи зачастую подходят формально, без тщательной подготовки и планирования, не уделяя должного внимания характеристикам лиц, причастных к совершению преступления, что отнюдь не способствует эффективности уголовного судопроизводства и тем самым сказывается на результативности расследования уголовных дел данной категории. Отмеченное свидетельствует о существующей проблеме, нуждающейся в разрешении средствами и методами юридической науки.

Личность лица, совершающего преступление, является объектом изучения наук уголовно-правового и психолого-педагогического блоков. В частности, в криминалистике к настоящему времени накоплен богатый опыт в части исследований различных аспектов личности преступника, используемых в раскрытии и расследовании преступлений¹. Наиболее подробно в криминалистическом аспекте исследовал личность преступника Ф. В. Глазырин, чьи научные разработки лежат в основе большинства проводимых современных криминалистических исследований в данной области². В то же время остаются еще недостаточно разработанными частные вопросы отдельных криминалистических аспектов изучения личности, осуществляющей преступную деятельность в специфической обстановке, к которой, без сомнения, относится обстановка сферы железнодорожного транспорта. Она, как показывают отдельные исследования, оказывает существенное влияние на выбор преступником способа преступления и отражение его особенностей в оставляемых следах, индивидуализирует специфику криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел на транспорте по расследованию преступлений³.

Данные о свойствах личности преступника имеют значение для выбора

направления расследования, поиска следов, средств совершения преступления, определения тактики производства следственных действий, установления характера противоправной деятельности⁴. По мнению А. С. Кривошеева, решение тактических задач расследования невозможно без установления данных о личности, которые раскрывают ее индивидуально-психологические особенности или психологическую структуру⁵. В их числе социальные особенности, жизненный и профессиональный опыт.

Успех того или иного тактического приема при проведении следственных действий и вообще результаты воздействия на человека будут всегда зависеть от знаний и учета особенностей его психических процессов.

В подавляющем большинстве ситуаций, возникающих в ходе расследования, следователь сталкивается с личностью подозреваемого, обвиняемого, свидетелей, особенности которой характеризуют своеобразие их поведения в ходе подготовки, совершения, сокрытия преступления. Анализ следователем складывающейся совокупности условий, в которых осуществляется расследование, невозможен без криминалистической оценки личности указанных категорий, равно как и особенности личности определяют ее поведение применительно к различным ситуациям⁶.

В этой связи для построения частной криминалистической методики особый интерес представляет исследование характерных признаков личности, раскрывающих ее индивидуально-психологические особенности, несущих криминалистически значимую информацию для решения тактических задач расследования преступлений.

Личностный аспект криминалистической характеристики контрабанды

наркотических средств и психотропных веществ достаточно подробно рассматривался В. А. Жбанковым и А. В. Табаковым⁷. По их мнению, характеристика личности членов организованных преступных формирований, совершающих наркоконтрабанду, достаточно сложна и многоаспектна. Это обусловлено существующими различиями между преступниками, совершающими данное преступление и находящимися на разных уровнях криминальной иерархии, совершающими деяния различными способами, в отношении различных видов наркотических средств.

Личностные качества преступников в значительной мере обуславливают их место в организованных преступных формированиях, характер их ролевых функций⁸. Организаторы и руководители организованных преступных формирований, как правило, имеют относительно высокий социальный статус, хорошую материальную обеспеченность, широкие социальные связи в различных сферах, в том числе в криминальной среде. В числе психологических качеств можно назвать прочную установку на достижение поставленных преступных целей, решительность, способность убеждать и принуждать, наличие организаторских способностей.

Свойства личности преступников обеспечивающего уровня коррелируются с выполняемыми ими функциями. Преступники такого плана, обладающие такими специфичными свойствами личности данного уровня преступников, – это, как правило, коррумпированные должностные лица. Для них приемлемы «двойные стандарты» в отношении морали, правовой нигилизм, определенная циничность, проявляющаяся в готовности за материальную выгоду поступиться интересами службы, игнорируя негативные последствия распространения наркотизма.

Другая группа исполнителей – перевозчики, курьеры. Их задача – провезти наркотики по указанному маршруту. Обычно курьер не знает лица, которое должно передать ему наркотик в пункте отправления, а также лица, которое должно получить «товар» в пункте прибытия. В то же время курьер, как правило, точно знает характер груза, маршрут и «легенду» путешествия. В особую категорию перевозчиков можно выделить лиц, незаконно перемещающих через таможенную границу наркотики и психотропные вещества «для личного потребления» или иных целей, например, для дальнейшего сбыта. Если перемещается крупная партия наркотических средств и психотропных веществ, то вместе с курьером постоянно следуют сопровождающие, о которых он может и не знать.

Особую группу исполнителей составляют лица, непосредственно перевозящие наркотики. К ним относятся работники транспортных служб, управляющие транспортными средствами или обеспечивающие их функционирование, а также пассажиры. Среди них следует выделить категорию лиц, перемещающих наркотики с использованием объектов железнодорожного транспорта, в частности, технологических особенностей вагонов. Так, например, в ходе проведения таможенного контроля на ст. Белгород поезда № 10 сообщением «Донецк – Москва» дежурной сменой Белгородского таможенного поста в нише между стеной и полкой для мыла в туалете со стороны нерабочего тамбура вагона № 31 было обнаружено наркотическое средство – марихуана.

В каждом конкретном случае расследования возникает необходимость устанавливать те сведения о личности, без которых невозможно правильное разрешение ряда уголовно-правовых вопросов, а также обеспечение процессуального режима предварительного следствия. В их

числе следует выделить значение сведений о личности для уголовно-правовой квалификации деяния; признания виновного опасным рецидивистом; определения обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. В этой связи А. Б. Сахаров отмечает: «...нельзя не учитывать того, насколько совершенный антиобщественный поступок согласуется или, наоборот, расходится со всем строем данной личности, ее взглядами, тенденциями, идеальными наклонностями»⁹.

Изучение личности проводится разнообразными методами. К примеру, методами изучения могут быть биографическое исследование личности, обобщение независимых характеристик и др.

Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия не могут считаться самостоятельными методами изучения личности, а являются лишь приемами практической деятельности по установлению необходимых сведений. Вместе с тем неверно было бы преуменьшать их роль и значение. По мере накопления сведений о личности увеличивается и возможность их использования для решения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических и криминологических задач. Следователь должен уметь на протяжении всего процесса расследования сочетать в своей деятельности как действия, направленные на изучение личности подозреваемого, обвиняемого, свидетелей, так и действия, имеющие своей целью использование установленных сведений о нем.

Формирование ситуаций, возникающих в ходе расследования преступлений указанной категории, напрямую связано с личностными характеристиками преступника, действующего в сфере железнодорожного транспорта. Они включают в себя ряд обстоятельств: следы преступления; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; наличие у

следователя доказательств; их характер и содержание; количество подозреваемых, обвиняемых; взаимоотношения между участниками уголовного судопроизводства¹⁰. По мнению Р. С. Белкина, определяющим элементом следственной ситуации, оказывающим непосредственное влияние на ход расследования¹¹, являются сведения о личности. Через корреляцию свойств личности появляется возможность определения криминалистически значимой информации, имеющей значение для установления истины по уголовному делу. Сведения о личности позволяют вынести предположение о способе совершения преступления, об использовании для его совершения определенных средств, предметов, знаний, опыта.

Изучение личности при расследовании контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, требует применения совокупности процессуальных (допрос, экспертиза и т. п.) и непроцессуальных (получение справочно-информационных данных и др.) форм, а также привлечение значительных сил и средств органов внутренних дел на транспорте.

Характерной особенностью первоначального этапа расследования контрабанды наркотических средств и психотропных веществ в исследуемой сфере является тесное взаимодействие между подразделениями, участвующими в расследовании, которое определяет специфику его оперативного сопровождения и организацию в целом.

Изучение особенностей личности участников уголовного судопроизводства в рамках расследования контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, позволяет решать следующие основные криминалистические задачи:

– раскрытие преступления, установление преступника, доказательств его вины;

– обеспечение эффективности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– определение мотива совершенного преступления.

Для решения этих и иных задач используются различные методы. Особая роль в получении сведений о личности отводится отдельным следственным действиям. Это основной и достоверный путь изучения личности, поскольку именно в ходе процессуальной деятельности следователя выявляются наиболее полные и достоверные данные. Наиболее криминалистически значимые сведения могут быть получены в ходе проведения допроса, обыска, осмотра и пр.

Показания обвиняемого могут содержать такие сведения, на основании которых следователь и суд будут делать вывод о его виновности или невиновности, степени общественной опасности, избирать меру пресечения и т. д. Это прежде всего сведения о возрасте, месте работы и жительства, семейном положении, составе семьи, состоянии здоровья, наличии судимостей и др.

Следователь, ставя перед собой цель изучения личности в ходе допроса, должен тщательно к этому готовиться. Представляется, что основным элементом такой подготовки должно быть уяснение вопросов, которые он намерен выяснить в ходе допроса. В этих целях рекомендуется составить план и определить круг вопросов. Следователь должен уяснить, какими сведениями о допрашиваемом лице он уже располагает, какие следует уточнить, а какие необходимо установить.

В процессе допроса следователь, как правило, изучает личность не только путем постановки ему определенных вопро-

сов и получения на них ответов. Некоторые сведения можно получить путем наблюдения. Конечно, результаты такого наблюдения не могут иметь доказательственного значения, но могут оказаться полезными для выбора наиболее целесообразных тактических приемов допроса.

Допрос как средство установления сведений о личности допрашиваемого должен производиться в начальном периоде расследования. Чем раньше и полнее будут установлены необходимые сведения о личности допрашиваемого, тем легче следователю будет решать последующие задачи расследования.

Изучение обвиняемого в ходе допроса предполагает установление не только сведений, характеризующих его в прошлом, но и выяснение таких обстоятельств, которые помогут более правильно понять и оценить поведение обвиняемого в ходе расследования, разобраться в том или ином психическом состоянии, которое нередко свойственно допрашиваемым.

Допрос, будучи одним из информативных средств изучения личности в процессе расследования, не может считаться единственным источником сведений о нем. Важные данные о личности могут быть установлены при проведении такого следственного действия, как обыск.

Исходя из целей обыска, вполне допустимо проведение его для обнаружения и изъятия материалов и документов, в которых могут содержаться данные о личности.

В следственной практике все еще имеют место случаи, когда лицо, производящее обыск, обращает внимание только на те предметы и документы, которые, по его мнению, могут являться доказательствами по делу. При этом не обращает внимание на иные материалы, содержащие данные, которые могут определен-

ным образом характеризовать подозреваемого (обвиняемого), хотя и не имеют доказательственного значения. Данные сведения могут использоваться в тактических целях расследования.

Другое средство изучения личности в ходе проведения расследования преступления – отдельные виды следственного осмотра.

В частности, осмотр места происшествия в ряде случаев относится к неотложным следственным действиям и в порядке исключения может производиться до возбуждения уголовного дела. Анализ информации, полученной в ходе его проведения, позволяет получить информацию о личности преступника, его профессиональных качествах, способностях, увлечениях и т. д.

Важное значение для установления сведений, характеризующих обвиняемого, имеют биографическое исследование личности и обобщение независимых характеристик.

Биографическое исследование личности состоит в собирании и обобщении данных биографического характера, которые удастся получить из автобиографии изучаемого лица, корреспонденции, рабочих документов, сообщений лечебных, учебных и воспитательных учреждений, архивных материалов, электронной почты, SMS-переписки и т. п. Все эти источники информации по своему содержанию не одинаковы и в каждом случае требуют критического к себе отношения. Тем не менее значение таких сведений очень важно: с их помощью по косвенным признакам нередко удастся проследить, как формировались черты данной личности.

Изучая биографические данные, следователь может установить сведения, свидетельствующие об условиях, в которых формировалась антиобщественная

установка личности: семейное воспитание, влияние отдельных лиц по месту жительства, работы, учебы и т. д. Выявление этих условий позволит своевременно принять необходимые меры по их устранению и исключить возможность их дальнейшего воздействия на данную личность или других лиц.

Рассматривая социально-демографические признаки личности преступников, следует отметить, что они действуют под влиянием сформировавшейся в их сознании определенной антисоциальной установки. Как правило, преступники противопоставляют личные интересы общественным, исходят из эгоистических наклонностей, узко личных потребностей, неуважения к труду, обществу, стремления к легкой наживе.

Анализ уголовной статистики свидетельствует о том, что абсолютное большинство преступлений – 75 % случаев – осуществляется лицами мужского пола.

При анализе практики расследования указанной категории преступлений установлено, что преступления совершаются лицами в возрасте от 27 до 42 лет. Это обусловлено тем, что для их совершения требуется активность, физическое здоровье, настойчивость в достижении цели. 30 % лиц, занимающихся противоправной деятельностью, имели высшее образование, 55 % – среднее специальное и профессиональное образование, 15 % – среднее образование.

32 % лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, уже были судимы, злоупотребляли спиртными напитками, употребляли наркотики. Эти лица склонны к рецидиву, т. е. к продолжению своей преступной деятельности.

Для всех лиц характерен фактический преступный рецидив. Зачастую одним лицом совершается несколько преступлений в течение определенного промежутка времени.

Изучение условий формирования преступных групп, совершающих контрабанду наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, их классификация и характеристика по составу, количеству, возрасту участников, виду и устойчивости связей представляют значительный интерес, поскольку преступления, совершаемые группой лиц, имеют свою специфику. По качественным и количественным характеристикам преступные группы неоднородны, их можно дифференцировать по различным основаниям.

Как показывают результаты наших исследований, в 60 % случаев подобные группы состояли из двух, 30 % – из трех, 7,5 % – из четырех и 2,5 % – из пяти и более человек. Преступные группы, в которые входят или которыми руководят опытные преступники, обычно объединяют небольшое число участников, действия этих групп имеют наиболее целенаправленный характер. Это создает дополнительные трудности при расследовании, в частности, при установлении и задержании преступников. Анализ следственной практики показывает, что контрабанда наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, совершается, как правило, лицами, не имеющими отношения к железнодорожному транспорту.

Правильная оценка личности и классификация – типология преступников – важное условие борьбы с преступностью, так как в структуре личности преступника общие признаки человеческой личности

наполнены особым содержанием и связаны с его антиобщественной деятельностью. По мнению Г. Г. Зуйкова, непосредственная причина преступления заключается в определенной направленности, установке, существующей в сознании¹². Формирование антиобщественной установки происходит в силу ряда неблагоприятных условий, а реализация – в соответствии с наступлением определенных обстоятельств. Кроме того, в структуре личности преступника есть специфические признаки, предопределяющие и отражающие степень общественной опасности¹³.

Анализ социально-демографических и иных свойств личности преступников, совершающих контрабанду наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ на железнодорожном транспорте, позволил выделить среди них такие типы:

- 1) неоднократно совершавшие данный вид преступления под влиянием глубокой антиобщественной установки;
- 2) неоднократно совершавшие данный вид преступления под влиянием привычки употреблять наркотики;
- 3) неоднократно совершавшие данный вид преступления под влиянием корыстных побуждений.

Несомненная важность изучения личности преступника для криминалистической характеристики контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, не вызывает сомнения, так как именно эти знания помогают в распознавании вида, способа и мотива совершения преступления.

Представленные данные о типичном портрете преступника, совершающего контрабанду наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядо-

витых веществ, перемещаемых на железнодорожном транспорте, выступают информационной основой для выдвижения следственных версий, определения тактики производства следственных

действий и оперативно-розыскных мероприятий, установления соучастников, в целом для эффективного раскрытия и расследования преступлений указанной категории.

¹ См., например: *Поврезнюк Г. И.* Теория и практика криминалистического установления личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 5 ; *Дяблова Ю. Л.* Учение о личности в общей теории криминалистики // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конференции, Иркутск, 16–30 апреля 2012 г. Иркутск, 2012. С. 190.

² См.: *Глазырин Ф. В.* Криминалистическое изучение личности обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. 35 с.

³ См., например: *Грибунов О. П., Малыхина Е. А.* Особенности личности преступника при расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 138–145 ; *Чиненов Е. В., Шукин В. И., Чиненов А. В.* Криминалистические особенности изучения личности при расследовании экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (54). С. 24–27.

⁴ См.: *Жбанков В. А.* Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 12.

⁵ См.: *Кривошеев А. С.* Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971. С. 9.

⁶ См.: *Глазырин Ф. В.* Следственные ситуации и личность обвиняемого // Следственные ситуации и раскрытие преступлений : сб. науч. тр. Свердловск, 1975. Вып. 41. С. 45 ; *Волчецкая Т. С., Бедризов А. Г.* Криминалистическое изучение личности свидетеля : основные методы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2012. Вып. 9. С. 90.

⁷ См.: *Жбанков В. А., Табаков А. В.* Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, совершаемых членами организованных преступных формирований : монография. М., 2014. 304 с.

⁸ См.: *Чиненов А. В.* Особенности криминологической характеристики личности преступника в сфере ликвидации юридического лица // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 46–52.

⁹ *Сахаров А. Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 162.

¹⁰ См.: *Чиненов Е. В., Шукин В. И.* Организация расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Юрист-Правоведь. 2019. № 1 (88). С. 132–137.

¹¹ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 91.

¹² См.: *Зуйков Г. Г.* Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер к их устранению. М., 1964. С. 15.

¹³ См.: *Сахаров А. Б.* Личность преступника и типология преступников // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 19.

Белгородский юридический институт МВД
России имени И. Д. Путилина

Чиненов Е. В., кандидат
экономических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики

E-mail: chinenovvg@yandex.ru

Щукин В. И., кандидат
юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики

E-mail: schukin56@yandex.ru

Усова Г. М., старший преподаватель
кафедры криминалистики

E-mail: galina.usova.1979@mail.ru

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after I. D. Putilin

Chinenov E. V., Candidate of Economic
Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminalistics

E-mail: chinenovvg@yandex.ru

Shchukin V. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Professor
of the Department of Criminalistics

E-mail: schukin56@yandex.ru

Usova G. M., Senior Lecturer of the Department
of Criminalistics

E-mail: galina.usova.1979@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Подписанный автором текст статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи;
- затекстовые библиографические ссылки;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Электронную версию предоставляемого материала (на USB-флеш-накопителе или оптическом диске).

2.3. Выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения); для аспирантов и соискателей – также отзыв научного руководителя о рекомендации пришедшего материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала; распечатан на белой бумаге с одной стороны листа.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Библиографические ссылки оформляются шрифтом 12 кегля и располагаются в конце статьи. Нумерация ссылок сквозная. Правила оформления ссылок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам

самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны быть только черно-белыми, иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors) in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- endnotes bibliographical references;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provided (on the USB-flash-drive or optical drive) or e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. Extract from the minutes of the meeting of the department (sector unit); for post-graduate students – is also a review of the supervisor of the recommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text editor of WinWord, font – Times New Roman, size – 14, interval – 1.5; printed on white paper with one side of the sheet.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References made out font 12 point size, and are located at the end of the article. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standard specification 7.0.5–2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The text should not exceed 16–18 pages.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – should only be black and white, have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.

5. The manuscripts submitted for publication will not be returned.

